

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

**Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

**Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Го Шухун Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL

Для философов всего мира 2024 г. связан с именем И. Канта. Ровно 300 лет назад, 22 апреля 1724 г., в Кёнигсберге (ныне Калининград) родился этот выдающийся мыслитель. Его имя хорошо знакомо сегодня и тем, кто уже профессионально занимается философией или только начинает, и тем, кто далек от философии, однако знает о его концепциях «звездное небо» и «нравственный (моральный) закон». Этот юбилей широко отмечается в разных странах, но его кульминацией стал Международный Кантовский конгресс «Мировое понятие философии», прошедший с 22 по 25 апреля 2024 г. в Калининграде. В нем приняли участие ведущие ученые из России, Китая, Бразилии, Аргентины, Германии, США, Румынии, Дании и, конечно, Беларуси. Внесли свой вклад и представители факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета – преподаватели и исследователи кафедр философии культуры, философии и методологии науки. С пленарным докладом «Восприятие и интерпретации идей Канта в Беларуси» выступила известный белорусский кантовед, профессор кафедры философии культуры Т. Г. Румянцева, с секционным докладом «Этическое наследие И. Канта в свете современной моральной философии и в динамике цифрового общества» – аспирантка кафедры философии и методологии науки Д. А. Мозалевская. В насыщенной программе вынесены секционные вопросы философии и идей И. Канта, которые актуальны и сегодня. Программа включала в себя как пленарные заседания, так и культурно-исторические мероприятия и научный философский симпозиум. Три дня конгресса позволили исследователям затронуть вопросы влияния идей И. Канта на право, педагогику, современное искусство, теологию и многие другие области. В период проведения конгресса прошли многочисленные научно-популярные, просвети-

тельские и культурные мероприятия для академического сообщества, студенчества, жителей и гостей Калининграда. Тремя главными локациями, где развернулись основные события, стали Кафедральный собор, Балтийский федеральный университет имени И. Канта и филиал Третьяковской галереи.

Факультет философии и социальных наук БГУ также принял активное участие в праздновании юбилея И. Канта. Здесь был организован Кантовский фестиваль, в рамках которого прошли научные и культурные мероприятия, например XVIII Международный междисциплинарный научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии», посвященный теме «Философское наследие И. Канта и актуальные проблемы современности». С приветственным словом к участникам семинара обратились профессор А. И. Зеленков, заведующий кафедрой философии и методологии науки А. С. Лаптёнок, заведующий кафедрой философии культуры И. Н. Сидоренко. На пленарном заседании с докладами выступили профессор Т. Г. Румянцева, студент 2-го курса специальности «Философия» И. Д. Синюкович, а также доцент Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники А. И. Бархатков. Интеллектуальным событием стали выход и презентация книги Т. Г. Румянцевой, А. А. Легчилина, А. Ю. Дудчика и А. И. Климович «Иммануил Кант и Беларусь». На секционных заседаниях были заслушаны доклады по актуальной историко-философской и социально-политической проблематике, по междисциплинарным стратегиям историко-философских исследований развития отечественной философской мысли, а также по актуальным проблемам кантоведения и формирования современного общества и культуры. В контексте Кантовского фестиваля на вышеупомянутом факультете прошел мастер-класс «Валять Кан-

та», организованный старшим преподавателем кафедры философии культуры Н. Н. Лойко. Из войлока и шерсти студенты совместно с преподавателями создали портрет И. Канта и попытались отобразить его концепции «категорический императив» и «звездное небо». Интерес вызвал спектакль «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика». Авторами сценария и исполнителями ролей были студенты-философы 1-го, 2-го и 4-го курсов. Квинтэссенцией и логическим завершением Кантовского фестиваля стала викторина «Жизнь и философия И. Канта», подготовленная студентами специальности «философия» под руководством профессора кафедры философии культуры Т. Г. Румянцевой. Викторина была посвящена совершенному И. Кантом прорыву и осмыслению его наследия в интеллектуальной истории.

Нынешний номер настоящего журнала также посвящен философии И. Канта и его юбилею. Он открывается серией статей профессоров кафедры философии культуры Т. Г. Румянцевой и А. А. Легчилина, а также докторанта кафедры философии культуры А. И. Климович. Эти публикации позволяют еще раз обозначить тот грандиозный вклад, который внес выдающийся мыслитель в мировую философию и культуру, а также познакомиться с рецепциями и интерпретациями его идей в Беларуси.

В начале XXI в. с учетом цивилизационных вызовов и глобальных проблем человечества особую актуальность приобретают идеи вечного мира И. Канта, его философия государства и права, критическая философия познания, учение о ценностях, социально-философские и этические воззрения, фундировавшие ряд классических и новейших теоретических концепций и подходов к решению проблем сознания и познания, этического поступка и морального выбора, веры и смысла жизни, гражданской ответственности и достижения крепкого вечного мира. Осмысление философского наследия И. Канта позволяет не только генерировать новые смыслы в понимании социально-политической проблематики современного мира, но и задавать актуальное видение человека, траекторию его совершенствования и глубоко осознавать его место в мироздании. Квинтэссенцией жизни современного человека являются три поставленных И. Кантом вопроса: «Что я могу знать?»; «Что я должен делать?»; «На что я смею надеяться?». От того, как мы ответим на них, зависит и качество нашей жизни, и решение вопроса о выживании всего человечества.

В. С. Сайганова¹, И. Н. Сидоренко²

¹Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: saihanava@bsu.by

²Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: iri_na2000@rambler.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

К 300-летию со дня рождения И. Канта On the 300th anniversary of the birth of I. Kant

УДК 1(091)(045)

ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ: К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Показано, что идеи И. Канта, со дня рождения которого прошло уже 300 лет, и сегодня не потеряли своей актуальности и значимости. Кратко обозначен вклад мыслителя не только в различные области философского знания, но и в науку, культуру, педагогику, мораль, международное право и т. д. Раскрыты суть и основные положения его трансцендентально-критической философии. Охарактеризованы главные достижения и специфика каждого из четырех периодов творчества И. Канта, выявлены ключевые рецепции и интерпретации его идей в западноевропейской, российской и белорусской философской мысли. Определены основные векторы влияния идей И. Канта в условиях современности.

Ключевые слова: И. Кант; 300-летие со дня рождения И. Канта; основные периоды творчества И. Канта; рецепции и интерпретации учения И. Канта в западноевропейской, российской и белорусской философии.

Образец цитирования:

Румянцева Т.Г. Философия И. Канта в контексте современности: к 300-летию со дня рождения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:6–11.
EDN: OUQRVJ

For citation:

Rumyantseva TG. Kant's philosophy in the context of modernity: on the 300th anniversary of birth. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024; 2:6–11. Russian.
EDN: OUQRVJ

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

KANT'S PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF MODERNITY: ON THE 300th ANNIVERSARY OF BIRTH

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article, dedicated to the 300th anniversary of the birth of I. Kant, shows that today his ideas have not lost their relevance and enduring significance. The thinker's contribution is briefly outlined not only in various fields of philosophical knowledge, but also in science, culture, pedagogy, morality, international law, etc. The essence and basic provisions of his transcendent-critical philosophy were revealed. The main achievements and specifics of each of the four periods of his work were described, the main receptions and interpretations of his ideas in Western European, Russian and Belarusian philosophical thought were identified. The main vectors of the influence of his ideas in modern conditions have also been identified.

Keywords: I. Kant; 300th anniversary of birth of I. Kant; main periods of creativity of I. Kant; receptions and interpretations of teaching of I. Kant in Western European, Russian and Belarusian philosophy.

Введение

Со дня рождения выдающегося немецкого мыслителя И. Канта (1724–1804), наследие которого автор настоящей работы глубоко уважает, 22 апреля 2024 г. исполнилось 300 лет. На его родине, в сегодняшнем Калининграде, прошли Международный Кантовский конгресс и целый ряд юбилейных мероприятий, в которых приняли участие ученые-кантоведы, многочисленные поклонники и почитатели этого гения.

И. Кант принадлежит к числу тех авторов, идеи которых сильно повлияли на развитие европейской интеллектуальной традиции, включая восточноевропейскую и белорусскую. Вот уже почти три столетия его учение востребовано не только в философии, но и в науке, культуре, педагогике, морали, эстетике, искусстве, международном праве и т. д. Он давно стал тем духовным авторитетом, от которого каждый думающий человек надеется получить ответы на поставленные им вечные фундаментальные вопросы. В терминах кантианского словаря это означает попытку критического вопрошания о настоящем, о том, что И. Кант может знать, что он должен делать и на что смеет надеяться [1].

И. Кант по праву считается основателем традиции немецкой трансцендентально-критической философии, т. е. учения, заложившего базу такого понимания философии, из которого проистекают многие установки последующего учения, в том числе современного духа и стиля философствования. Осуществленный им «коперниканский переворот», показавший, что все в мире в конечном счете обусловлено нашей познавательной способностью, радикально изменил статус философии, возводя ее в ранг фундаментальной неэмпирической, базисной дисциплины, высшей формы авторефлексии культуры, которая анализирует предельные основания познания и деятельности людей и дает рекомендации по совершенствованию налично сущего эмпирического состояния. Кроме того, именно философия теперь

должна определять когнитивный статус всех других форм интеллектуального дискурса, придавая им статус легитимности. Кантовская реформа метафизики и то, что ее признали не как науку о сверхопытных вещах, а как систему априорного синтетического познания природы, метафизических начал естествознания и метафизики нравов, сыграют большую роль для дальнейшего, более плодотворного развития философии. Последняя должна предоставить, по мнению И. Канта, как бы «архитектонику», иначе говоря, исходящий из базисных принципов полный план развития всей культуры человеческого разума. Философия, по Рорти, больше не является ни «систематизирующей науки дисциплиной, ни средством духовных преобразований», она «лишь один из способов сглаживания напряжений между сферами культуры, показывающий, что эти напряжения менее значительные, чем предполагалось» [2, с. 10]. При этом у нее не остается ни особой области исследования, ни особого круга содержаний и предметов, которые бы были имманентны ей одной.

Этот новый предмет, отошедший теперь к философии и недоступный, по мнению И. Канта, больше ни одной из наук, был образован в виде оснований познания. Соответственно, направленная на них дисциплина «Теория и методология познания» приобретала еще более фундаментальный и незыблемый по сравнению с предшествующей метафизикой статус всеобъемлющей дисциплины, способной к открытию формальных характеристик любой области человеческой жизни. Более того, именно благодаря ей все другие дисциплины должны были приобретать теперь свою легитимность. В этом плане следует отметить прежде всего заслуги И. Канта в формировании прочно связанных с его именем логико-гносеологической проблематики и учения о методе, ставших неотъемлемой частью развития современной философии науки, основы которой также заложил великий немецкий мыслитель.

Очень важно, что И. Кант признавал необходимость философии для реализации существенных целей человека и человечества. Он писал: «Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу – а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким быть, чтобы быть человеком» [3, с. 206].

Целый ряд идей кантовской практической философии также имеют сегодня важное значение. Велик вклад И. Канта в учение о морали. Обоснование им нравственной автономии личности, признание достоинства человека абсолютной ценностью и целью в себе, а также идея о совместимости научного детерминизма с признанием свободы личности, понимаемой как долга, – все это отличает метафизику нравов И. Канта, в центре которой лежит его знаменитый категорический императив. Одна из его главных фор-

мулировок, ставшая сакраментальной, звучит следующим образом: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [4, с. 270].

Большой вклад философ внес и в развитие педагогической науки. Разработанный им так называемый образовательный проект востребован в новейших системах образования до сих пор. Само образование он понимал не как привносимый извне процесс, а как сознательный процесс самосозидания, подразумевающий активную вовлеченность в него самого субъекта. При этом механизм нравственно-го воспитания и образования должен, по мнению И. Канта, превратиться в науку, чтобы стать осознанным и разумным стремлением, основанным на принципах в соответствии с требованиями морального закона.

Основные этапы интеллектуальной биографии И. Канта

Вся жизнь немецкого философа была связана с Кёнигсбергом, где он родился, закончил университет, прошел путь от помощника библиотекаря до профессора и ректора, а также был похоронен. Старый Кёнигсберг, как многофакторная система, где переплелись традиции, культурная память, социальные практики, ландшафт и, наконец, архитектура, сыграл огромную роль в формировании образа самого известного его гражданина в лице И. Канта, для которого стало возможным сформулировать и философски воплотить в своих произведениях жизненное кредо «Имей мужество пользоваться собственным умом» [5].

В творчестве мыслителя существует целый ряд периодов, причем в последние годы выделяют не только докритический и критический, но и предкритический и посткритический периоды. Ниже кратко охарактеризованы основные этапы интеллектуальной биографии И. Канта.

Уже в докритический период (1746 – начало 1770-х гг.) он совершил открытия, переходя от исследования отдельных вопросов натурфилософской и космологической проблематики к созданию общей концепции и картины мира (работа «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755)), наиболее масштабной и основательно проработанной даже по сравнению с ньютоновской космогонической гипотезой. В этот же период И. Кант много размышлял над проблемами метафизики и метафизического метода, соотнося его с методами математики и естествознания, а также рассуждал о способности нашего мышления выражать и постигать структуру действительного мира.

В 1770–80-х гг. наступил предкритический период, или так называемый период молчания И. Канта. И хотя в это время философ опубликовал лишь несколько небольших работ, он подготовил множество рукописных заметок и набросков, которые

вместе с прочитанными им в это десятилетие лекциями по метафизике, рациональной психологии и теологии позволяют досконально проследить становление и развитие его критических воззрений. Впервые эти материалы были опубликованы на русском языке только в 2000 г. [6].

Критический период датируется обычно годом выхода в свет первого издания труда «Критика чистого разума», т. е. 1781 годом. В этой книге И. Кант разработал трансцендентально-критический метод и основы трансцендентальной философии. Название «критический» период получил благодаря требованию мыслителя основывать всякое философское исследование на критике, под которой он подразумевал не «критику книг и систем, а критику способности разума вообще в отношении всех знаний, к которым он может стремиться *независимо от всякого опыта*» [1, с. 76]. Речь идет об исследовании нашей познавательной способности и тех границ, дальше которых не может простираться познание в силу самого устройства нашего разума. Этот главный труд и был посвящен определению и оценке источников, принципов и границ научного знания.

Исследуя судьбы математики естествознания, И. Кант обосновал необходимость революции в образе мышления, или «коперниканского переворота». Он писал: «...не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны» [1, с. 87]. Иначе говоря, приступая к познанию мира, мы уже обладаем формальными предпосылками, которые и организуют наш опыт. Трансцендентальная философия должна, по мнению И. Канта, заниматься «не сколько предметами, сколько видами нашего познания предметов,

поскольку это познание должно быть возможным *a priori* (курсив наш. – Т. Р.)» [1, с. 121]. Мыслитель полагал, что хотя вещи и даны нам в чувственном восприятии, но то, как они нам даны и как они нам являются, обусловлено нашей познавательной способностью воспринимать предметы (чувственностью) и высказывать о них суждения (рассудком). Предметы с необходимостью должны подчиняться всеобщим априорным формам чувственности (пространству и времени) и рассудка (категории) как условиям возможности опыта. Соответственно, изучив эти всеобщие формы, можно многое узнать и о любом предмете возможного опыта. Исследуя глубинные силы человеческой субъективности, И. Кант показал активно-конструктивную роль субъекта в познании. Не случайно ключевым вопросом его трактата о методе (так он назвал свой главный труд) стал вопрос о том, как возможны синтетиче-

ские суждения *a priori*, т. е. как мы получаем новое знание, обладающее всеобщим и необходимым характером.

В середине 1780-х гг. были также опубликованы небольшие, но актуальные до сих пор работы, знаменующие переход И. Канта к проблемам философии истории и проблемам морали.

Что касается посткритического периода творчества мыслителя (1796–1803), то в заключительном и незаконченном труде, названном впоследствии «Opus postumum», он попытался обозначить ранее намеченный им переход от метафизики к физике и обосновать идею трансцендентальной философии как метафизики и как завершенной системы. Примерно в это же время вышли его знаменитые трактаты «К вечному миру» (1795), «Метафизика нравов» (1797), «Спор факультетов» (1798) и «Антропология с прагматической точки зрения» (1799).

Рецепции и интерпретации идей немецкого философа

Было бы ошибкой считать распространение кантовской философии «триумфальным шествием». С первых дней своего возникновения она находилась в центре дискуссий. Идеи мыслителя не только успешно развивались, усваивались и защищались его многочисленными адептами, но и подвергались резкой критике со стороны оппонентов (К. Николаи, И. Гердер и др.). В силу сложности его учение часто не понимали и сводили то к обновленной версии учения Д. Локка, то к априоризму Г. Лейбница, то к их эклектическому сочетанию. Попытки существенной реинтерпретации учения И. Канта есть в работах таких его известных современников, как М. Мендельсон, К. Рейнгольд, С. Маймон, Ф. Якоби, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и др. Упомянув более поздних авторов, так или иначе оставивших значительный след в истории переосмысления кантианства, стоит назвать имена А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера. Следует отметить некоторую избыточность интерпретационного своеволия двух последних авторов, обнаруживаемого всякий раз, когда речь заходила о том, что же все-таки необходимо считать «аутентичным» в кантовской философии или, как позднее это будет сформулировано, что же на самом деле имел в виду И. Кант.

Особо выделяется важное течение в развитии и интерпретации идей И. Канта – неокантианство, широко представленное как его верными адептами, так и просто эпигонами. Существует множество вариантов классификации основных направлений этого течения, но все они едины в выделении главных школ неокантианства – марбургской (Г. Коген, Э. Кассирер, П. Наторп) и баденской (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Кассирер и др.). Стоит упомянуть также физиологическое, метафизическое, реалистическое, релятивистское и психологическое направления. Масштабы неокантианского движения были столь огромны, что оно потрясло интеллектуальное про-

странство всей континентальной Европы, составив целую историю не только переводов кантовских идей, но и их переноса из одной культурной ситуации в другую, где они порой приобретали новое значение. Вслед за Германией идеи И. Канта проникли в среду университетской профессуры во Франции, где лидером так называемого неокритицизма стал Ш. Ренувье. Среди французских неокантианцев конца XIX в. следует назвать и О. Гамелена, хотя самым влиятельным представителем движения стал Л. Брюнsvик, идеи которого оставались значимыми вплоть до 1920-х гг. – 1930 г.

Серьезные попытки реинтерпретации, переосмысления и переозначивания аутентичных кантовских смыслов можно зафиксировать и в духовной жизни России XIX в. Следует упомянуть знаковую встречу И. Канта с Н. М. Карамзиным, опубликовавшим ее основное содержание в труде «Письма русского путешественника» (1792), который получил широкую огласку и во многом обусловил положительное восприятие имени, личности и учения И. Канта в России. Рецепции идей немецкого философа способствовало и то, что в ряде университетов России учение И. Канта популяризовали видные западные последователи его философии (И. Мельман, И. Буле, И. Шаден, И. Шад и др.), а также то, что десятки российских студентов знакомились с текстами И. Канта в оригинале, обучаясь в немецких университетах, и затем, возвращаясь на родину, также распространяли его идеи [6]. В конце XIX в. русская философия переживала свой расцвет во многом благодаря И. Канту. Здесь возникли интересные сюжеты, которые по-прежнему актуальны (И. Кант и Ф. М. Достоевский, И. Кант и Вл. Соловьёв, И. Кант и Л. Н. Толстой и т. д.). Тема И. Канта и России, в силу ее грандиозности и неисчерпаемости, нуждается в специальном анализе. Самыми яркими русскими неокантианцами стали А. И. Введенский,

И. И. Лапшин, Г. И. Челпанов, С. И. Гессен, Б. В. Яковенко, Ф. А. Степун и др.

На территории современной Беларуси даже при отсутствии институционализированных форм философии в досоветской истории интеллектуальная среда на протяжении XIX в. была открыта для восприятия учения И. Канта, и это свидетельствует о вовлеченности и культурном трансфере европейской философской мысли в отечественном интеллектуальном пространстве. Представители Виленского университета, Полоцкой иезуитской академии, а также исследователи из Минска (С. Маймон, И. Абиخت, Ю. Анджелини, В. Бучинский, А. Довгирд, братья Снядецкие, Ю. Быховец, А. Мицкевич, Ф. Бохвиц, П. Г. Янковский, А. П. Аргамаков, М. О. Вержболович, А. Д. Юрашкевич, Н. М. Минский и др.), перенявшего эстафету мультикультурного наследия от Вильно и Полоцка, выражали свои идеи относительно кантовской философии в конкретных работах, лекци-

ях, научных и общественно-политических журналах и газетах¹.

Освоение кантовских идей в советское время осуществлялось по-разному. Только с началом перестройки (с середины 1980-х гг.), когда возникает настоятельная потребность в новом прочтении европейской философии, в Беларуси резко возрос интерес к наследию И. Канта. В стране проводится ряд посвященных ему международных форумов, издаются материалы конференций и статьи, защищаются диссертации, публикуются монографии, обновляется учебный курс по немецкой классической философии и разрабатываются учебные пособия нового типа. В 2020-х гг. результаты исследования кантовской философии публикуются отечественными авторами не только в белорусских изданиях, но и в самых авторитетных зарубежных журналах [7], включая и те, которые номинированы в базе данных *Scopus* и на платформе *Web of Science* [8].

Заключение

В новейших исследованиях философии И. Канта, проводящихся сегодня по всему миру, потому что кантоведение стало одним из самых востребованных разделов историко-философского знания, решающее значение отводится тем ее аспектам, которые так или иначе связаны с осмыслением глобальной проблематики [9, с. 3]. Имеются в виду кантовские идеи вечного мира и союза государств, его философия государства и права, учение о ценностях, которое особенно востребовано в связи с трудными поисками ценностных оснований единства современного мира, а также в связи с кардиналь-

ной переоценкой ценностей в контексте перспектив глобализации.

Автору настоящей статьи было важно показать, что в XXI в. идеи И. Канта продолжают вызывать огромный исследовательский интерес и что они более, чем какая-либо другая классическая философия, вовлечены в современный дискурс по поводу споров о возможных сценариях будущего. Это касается и вопросов, связанных с выявлением условий и предпосылок для сохранения мира и безопасности, которые так актуальны сегодня для нашей страны – островка мира и созидания на Земле.

Библиографические ссылки

1. Кант И. *Сочинения в 6 томах. Том 3*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1964. Критика чистого разума; с. 69–124.
2. Рорти Р. *Случайность, ирония, солидарность*. Хестанова И, Хестанов Р, переводчики. Москва: Русское феноменологическое общество; 1996. 282 с.
3. Кант И. *Сочинения в 6 томах. Том 2*. Москва: Мысль; 1964. 511 с.
4. Кант И. *Сочинения в 6 томах. Том 4, часть 1*. Москва: Мысль; 1965. Основы метафизики нравственности; с. 219–311.
5. Румянцева ТГ. Формирование образа Канта-философа в контексте историко-культурного ландшафта старого Кёнигсберга. В: Институт философии НАН Беларуси. *Философские исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 10*. Минск: Беларуская навука; 2023. с. 279–285.
6. Кант И. *Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum)*. Жучков ВА, редактор. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 752 с.
7. Dmitrieva NA. Back to Kant, or Forward to enlightenment: the particularities and issues of Russian neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*. 2016;54(5):378–394. DOI: 10.1080/10611967.2016.1290414.
8. Румянцева ТГ. И. Кант и его наследие в советской и постсоветской философии. *Кантовский сборник*. 2021;40(3): 127–149. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
9. Стёпин ВС, Мотрошилова НВ, редакторы. *Имануил Кант: наследие и проект*. Москва: Канон+; 2007. 642 с.

References

1. Kant I. *Sochineniya v 6 tomakh. Tom 3* [Works in 6 volumes. Volume 3]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1964. [Critique of pure reason]; p. 69–124. Russian.
2. Rorty R. *Sluchainost', ironiya, solidarnost'* [Chance, irony, solidarity]. Khestanova I, Khestanov R, translators. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo; 1996. 282 p. Russian.

¹Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапам. для студэнтаў, якія навучаюцца па спец. 1-21 02 01 «Філасофія» : у 3 т. Т. 2, ч. 1 / склад.: А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2021. 223 с.

3. Kant I. *Sochineniya v 6 tomakh. Tom 2* [Works in 6 volumes. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1964. 511 p. Russian.
4. Kant I. *Sochineniya v 6 tomakh. Tom 4, part 1* [Works in 6 volumes. Volume 4, part 1]. Moscow: Mysl'; 1965. [Fundamentals of the metaphysics of morality]; p. 219–311. Russian.
5. Rumyantseva TG. Formation of the image of Kant the philosopher in the context of the historical and cultural landscape of old Koenigsberg. In: Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. *Filosofskie issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 10* [Philosophical studies. Collection of scientific papers. Issue 10]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. p. 279–285. Russian.
6. Kant I. *Iz rukopisnogo naslediya (materialy k «Kritike chistogo razuma», Opus postumum)* [From handwritten heritage (materials for «Critique of pure reason», Opus postumum)]. Zhuchkov VA, editor. Moscow: Progress-traditsiya; 2000. 752 p. Russian.
7. Dmitrieva NA. Back to Kant, or Forward to enlightenment: the particularities and issues of Russian neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*. 2016;54(5):378–394. DOI: 10.1080/10611967.2016.1290414.
8. Rumyantseva TG. Kant and his heritage in Belarusian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods. *Kantian Journal*. 2021;40(3):127–149. Russian. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
9. Stepin VS, Motroshilova NV, editors. *Imanuil Kant: nasledie i proekt* [Immanuel Kant: heritage and project]. Moscow: Kanon+; 2007. 642 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2024.
Received by editorial board 26.01.2024.

УДК 1(091)(045)

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ И. КАНТА В КОНТЕКСТЕ МИНСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены публикации второй половины XIX в., существовавшие в границах так называемого минского интеллектуального пространства и содержащие панораму рецепции идей И. Канта. Большое место отведено представителям религиозной мысли. Показано, что существуют разнообразные интерпретации, соответствовавшие времени и тем мировоззренческим установкам, которых придерживались авторы соответствующих публикаций.

Ключевые слова: И. Кант; «долгий XIX в.»; рецепция идей; минское интеллектуальное пространство.

RECEPTION OF I. KANT'S IDEAS IN THE CONTEXT OF MINSK INTELLECTUAL SPACE (SECOND HALF OF THE 19th CENTURY)

А. А. LIAHCHYLIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The publications of the second half of the 19th century are presented, which existed within the boundaries of the so-called Minsk intellectual space and contain a general panorama of the reception of I. Kant's ideas. A large place is devoted to representatives of religious thought. It is shown that there are various interpretations that corresponded to the time and the ideological attitudes that the authors of the relevant publications adhered to.

Keywords: I. Kant; «the long 19th century»; reception of ideas; Minsk intellectual space.

Для осмысления рецепции идей И. Канта в ином культурном пространстве (в данном случае в географических границах современной Беларуси XIX в.) автор настоящей статьи предложил новый подход, ориентированный на взаимопередачу философско-мировоззренческого знания между культурами. При переносе любого объекта из одной культурной ситуации в другую он попадает в иной контекст и приобретает новое значение. По этой причине главной целью такого переноса становится не столько сравнение культурных пространств, сколько выявление следов

культурных взаимодействий. Речь идет о необходимости найти те места, где две или более культуры действительно соприкасаются и обретают новые смыслы. Культурный обмен идеями – это, помимо взаимопередачи идей, их реинтерпретация, переосмысление, переозначивание под воздействием других национальных идентичностей (культурных зон), что особенно важно для понимания процесса взаимовлияния, поскольку обмен есть двусторонний и творческий процесс. Автор настоящего исследования исходит из аксиомы, состоящей в том, что пере-

Образец цитирования:

Легчилин АА. Рецепция идей И. Канта в контексте минского интеллектуального пространства (вторая половина XIX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:12–19. EDN: OKOHH

For citation:

Liahchylin AA. Reception of I. Kant's ideas in the context of Minsk intellectual space (second half of the 19th century). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:12–19. Russian. EDN: OKOHH

Автор:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

водной (ретранслируемый) текст так же легитимен, как и оригинальный. Например, если подчеркивается и ставится вопрос о том, как идеи И. Канта влияли на мыслителей Беларуси XIX в., то уже задаются жесткие интерпретационные рамки, что в итоге верно, но одновременно односторонне. В данном случае просматривается только одна импликация, но не учитывается результат данного взаимодействия. Таким образом, в кантовской философии раскрывается не только его глубина ума и величие, но и тех мыслящих людей, которые следуют за ним. Кроме того, после раздела Речи Посполитой, в том числе после социально-политических событий, произошедших в Европе и России, исследователи по-новому взглянули на суть либеральных и консервативных идей в общественном развитии, на которые обращал внимание И. Кант.

Таким образом, главной идеей данной методологии стали равноправность и взаимовлияние идей, в том числе противоположных, в культуре. Если воспользоваться этой методологией применительно к «долгому XIX в.» в интеллектуальном пространстве Беларуси данного периода, то обнаруживается несколько отличных от сложившихся классических представлений о прошлом рассматриваемого культурного региона. Ниже обозначены наиболее важные социокультурные исторические сюжеты «долгого XIX в.», которые воздействовали на него, что в дальнейшем повлияло на интерпретацию идейного наследия И. Канта в культурном пространстве Беларуси XIX в.

В XIX в. после разделов Речи Посполитой образовалась новая культурная зона Российской империи с шестью губерниями (Минской, Гродненской, Могилёвской, Витебской, Виленской и Ковенской) под общим территориальным названием «Северо-Западный край», т. е. вся территория настоящей Беларуси оказалась в новом культурном пространстве. Произошли метисация (смешение) и имбрикация (наслоение) разных культур. Все эти процессы повлекли за собой аккультурацию – взаимовлияние культур, при котором оригинальные культурные модели вынуждены были измениться, но оставались идентичными. Семантическая (языковая) специфика также повлияла на интеллектуальное пространство в данной культурной зоне. В определенный период параллельно существовало несколько языков: латинский, польский, русский, еврейский (идиш, иврит) и белорусский.

В религиозном сознании, определявшем XIX в., также произошли радикальные изменения. Различные вероисповедания (католицизм, православие, протестантизм, иудаизм и ислам) были достаточно толерантными. Что касается рассматриваемого региона, то стоит отметить событие, связанное с ордене иезуитов – одним из представителей консервативного направления в Европе. Так, после роспуска общества Иисуса (ордена иезуитов) в Европе и пер-

вого раздела Речи Посполитой приверженцы этого направления оказались на территории Российской империи, в частности в Полоцке, под покровительством Екатерины II. Их деятельность в стенах Полоцкой иезуитской академии (1812–1820) сыграла важную роль в истории европейской неосхоластики.

Разворачивались значимые европейские социально-политические события «долгого XIX в.»: Великая французская революция, Отечественная война, Июльская революция, европейские революции 1848–1849 гг., первая русская революция, Первая мировая война. Следует также учитывать и региональные социально-политические события, которые произошли в границах территории современной Беларуси. Прежде всего это восстания 1794, 1830 и 1863 гг., следствием которых были значительные изменения в интеллектуальных процессах.

Стоит упомянуть и место социально-политических идей. В первую очередь среди них следует назвать либерально-демократические, которым противостояли консервативные в различных формах, и этнонациональные. Данные идеи образовали метафизический «ландшафт» XIX в. как конфликт разных нарративов, каждый из которых претендовал на обоснование соответствующих социально-политических идеологем, исходя из определенных философских предпочтений.

Немаловажную роль сыграли и так называемые субъекты и объекты культурного трансфера: книги, газеты, журналы, переводы, интерпретации, библиотеки, конкретные национальные персоналии и экспаты. Они детерминировали социокультурные смыслы рассматриваемого региона в контексте выбора той или иной философской персоналии.

Еще одной особенностью анализируемого феномена является стремление свести интеллектуальные взаимоотношения Беларуси XIX в. и России к сугубо двусторонним отношениям. В действительности же чаще всего мы имеем дело с гораздо более сложными конфигурациями. В культурном пространстве Беларуси XIX в. русская культура постоянно находилась в состоянии напряженного диалога с польской и западноевропейской культурами, что проявлялось в рецепции мышления белорусских философов. В данном культурном регионе она часто происходила при русском, польском и западноевропейском посредничестве. Например, если обратиться к библиотекам Беларуси XIX в., то можно найти востребованные философские произведения на разных языках (польском, русском, немецком, латинском и реже английском). Кроме того, культура этого региона была посредником между культурами Востока и Запада – России и Европы.

Не следует упускать из виду и принципиальный подход к самой идее прошлого. Речь идет о презентизме и антикваризме, исходя из которых ведется исследование. Как правило, в данном случае доминирует осмысление прошлого с позиций настоящего,

т. е. точка зрения презентизма. Однако это часто граничит с субъективизмом, так как за скобками оказывается подлинный процесс, в котором в силу тех же субъективных предпочтений остаются в тени актуальные для своего времени идеи и проблемы. Именно эти маленькие на первый взгляд детали отражают настоящий смысл бытия своего времени. Тем самым предстает более объективная картина прошлого.

Необходимо затронуть и институциональный аспект рассматриваемого региона. В первой половине XIX в. в границах Северо-Западного края было два высших учебных заведения, где профессионально преподавалась и изучалась философия: Виленский университет (1803–1832) и Полоцкая иезуитская академия. Объективной же особенностью второй половины XIX в. является отсутствие высших учебных заведений (после закрытия упомянутых учреждений), а следовательно, и научных исследований, в связи с чем основной упор делался на тексты общественно-политического, религиозно-мировоззренческого и художественного характера, в которых затрагивалась философская проблематика.

Таким образом, рассматриваемый интеллектуальный регион был пространством смешения различных культурных элементов и, соответственно, противоречивых оценок и смыслов действительности. В контексте описанных положений методологии в настоящей работе осмыслена рецепция идей И. Канта через творчество конкретных персоналий «долгого XIX в.», относящихся к истории социально-политической и философской мысли Беларуси данного периода. Обращено внимание на разные оценки, что дает возможность более полно представить сегмент восточноевропейской кантианы, т. е. понять место и роль идей И. Канта в восточноевропейской культуре.

Проблема рецепции немецкой философии, в частности идей И. Канта, в XIX в. в пределах современной территории Беларуси недостаточно изучена. В то же время она представляет собой интересное и оригинальное явление духовной жизни белорусского общества, для чего существовали все предпосылки. Известно, что И. Кант четыре с половиной года был подданным Российской империи под правлением императрицы Елизаветы Петровны [1]. Географическая близость Кёнигсберга¹ (родина И. Канта) и губерний Северо-Западного края предполагала наличие интеллектуальных контактов, в том числе философских. А если учесть, что в XIX в. идеи И. Канта распространились по всей Европе, то, естественно, они были предметом дискуссий и в данном регионе. Появились как восторженные его последователи, так и явные оппоненты. Самым главным в рецепции идей И. Канта мировой культурой стало «то великое влияние, которое Кант имел на философское дви-

жение своего времени». Оно «...быть может, более всего обусловлено беспримерной широтой его умственного горизонта и той уверенностью, с которой он умел со своей точки зрения надлежащим образом представлять как близкое, так и далекое. Нет ни одной проблемы новой философии, которой бы он не занимался, ни одной, на разрешение которой, даже если он лишь при случае коснулся ее, его ум не наложил бы своеобразного отпечатка» [2, с. 9].

В контексте отмеченных размышлений автор настоящей работы представил лишь тенденцию восприятия философских идей И. Канта в границах так называемого минского интеллектуального пространства Северо-Западного края Российской империи, нашедшую отражение в социально-философской литературе того времени. Детально эта проблема может быть рассмотрена в более объемном исследовании.

В конце 1840-х гг. наступила эпоха кризиса немецкого идеализма, в том числе кантовского критицизма. На авансцену философских изысканий в Европе выдвигались совершенно новые течения: позитивизм, материализм в различных формах, правое и левое гегельянство, идеал-реализм, а также различные доктрины либерализма, социализма и коммунизма. Однако во второй половине XIX в. после определенного спада в Европе интереса к философии И. Канта его идеи вновь становятся популярными. Как подмечал В. Виндельбанд, «...философское возрождение кантианства, красной нитью проходящее через всю вторую половину XIX века (особую силу оно обрело после появления произведшей большое впечатление книги О. Либмана “Кант и эпигоны”), представляет собой весьма пеструю картину, где снова повторяются со всеми оттенками те противоречивые истолкования, которым уже подверглось учение Канта тотчас после своего появления. Снова разгорелся спор между эмпирическим и рационалистическим воззрениями» [2, с. 430]. В это время кантовская философия конкурировала с получающими все большую популярность философскими направлениями эмпириокритицизма, марксизма, а также с религиозно-идеалистическими направлениями и др.

Как уже отмечено выше, во второй половине XIX в. произошли существенные социокультурные изменения, которые повлияли на философию. В России появилась либеральная интеллигенция, ее позиция касательно И. Канта стала более теплой, нашлись последователи и даже почитатели этого философа. Однако отношение к И. Канту со стороны православия в русской культуре было критическим. Здесь следует напомнить, что и в самой Пруссии после издания работы «Религия в пределах только разума» философ получил предупреждение от короля Фридриха Вильгельма II Прусского о том, что он «пользуется

¹В русской дореформенной орфографии (до 1918 г.) Кёнигсберг (нем. *Königsberg*) именовался как Королевец (пол. *Królewiec*, лит. *Karaliaučius*).

своей философией для искажения и унижения некоторых главных и основных учений Св. Писания и христианства»².

Русские православные религиозные мыслители и богословы также критиковали И. Канта за ограниченное понимание духовных реальностей. Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский и Андрей Белый достаточно резко высказывались по поводу кантовских размышлений о религии и вере. П. А. Флоренский писал: «Нет системы более уклончиво-скользкой, более “лицемерной”, по апостолу Иакову, более “лукавой”, по слову Спасителя, нежели философия Канта: всякое положение ее, всякий термин ее, всякий ход мысли есть ни да ни нет. Вся она соткана из противоречий – не из антиномий, не из мужественных совместных “да” и “нет”, в остроте своей утверждаемых, а из загадочных улыбок и двусмысленных пролезаний между “да” и “нет”» [3, с. 103]. По их мнению, И. Кант в своей философии начинал не с Бога, а с познания и человека, т. е. делал христианство вторичным в отношении предпосылок собственной философии. Главными для него являлись ответы на вопросы: «Что я могу знать?»; «Что я должен делать?». Проблема религиозной веры при этом вовсе не устраняется, но она связана с предыдущими вопросами. Познать Бога в принципе невозможно, что вступает в явное противоречие с православным богословским мирозерцанием. Для И. Канта Бог, как предмет знания, есть вещь в себе, и ни одно из определений с философской точки зрения не способно его обосновать. В самом названии работы И. Канта «Религия в пределах только разума» уже заложен ответ.

После закрытия учебных учреждений философия писалась в таких ненаучных формах, как газеты, журналы, переводы, отдельные авторские книги, эссе и т. д.³ [4]. Минск не только оказался в центре социально-политических событий, но и превратился в важный культурный регион. Сюда проникали актуальные западноевропейские философские направления, которые интерпретировались по-своему. В обозначенный период Минск получил статус нового интеллектуального центра в Северо-Западном крае. Особый интерес представляет деятельность разнообразных культурно-просветительских обществ, в которых обсуждались философско-мировоззренческие проблемы: русского религиозного кружка, общества любителей изящных искусств и др.

Вошедшая в моду неокантианская философия имела различные формы. В 1895 г. в Полоцке была

опубликована одна из первых русскоязычных работ с обращением к И. Канту – труд А. П. Аргамакова⁴ [5]. В книге он полемизировал с зарубежными и российскими учеными и философами (Г. Тейхмюллером, Г. Гельмгольцом, Б. Риманом, А. И. Введенским, Б. Н. Чичериным, Н. И. Лобачевским) о проблемах сознания и познания. Рассуждения А. П. Аргамакова свидетельствуют о его широком кругозоре и показывают интеллектуальную атмосферу того времени. Ниже приведена небольшая подборка цитат, которая свидетельствует о его понимании идей И. Канта:

- «...вопреки завещанной нам Кантом гносеологической точке зрения, убеждающей нас в существовании обязательных форм мышления, не прибегая к помощи метафизики и психологическому исследованию хронологического происхождения идей, философская мысль стремится неизбежно проникнуть в законы сознания и отличия его от знания. Вследствие этого я полагаю вполне целесообразным заняться классификацией идей, связав их с хронологическим развитием психологических явлений» [5, с. 2];

- «...состояние познающее характеризуется формированием социального “Я”, которое предполагает идею бытия индивидуального и локализирует в себе основные из априорных понятий, названных Кантом категориями и обязательными основоположениями, или схемами чистого разума, а также и актами разумной воли. Основные понятия, названные Кантом трансцендентальными, объективируются в форму отвлеченных идей, определений, законов и принципов. Это объективирование может быть названо координацией. Тейхмюллер под координацией понимает механизм душевной деятельности, объективирующей три рода бытия: 1) бытие субстанциональное, принадлежащее моему “Я” как данное непосредственного сознания; 2) бытие реальное, проявляющееся в познании, чувствовании, воле и в движении, рассматриваемых как функции “Я”; 3) бытие идейное, составляющее содержание всех функций, т. е. понятия, представления, мотивы, принципы и прочее содержание бытия социального “Я”» [5, с. 5];

- «...Тейхмюллер становится в противоречие с Кантом, по которому пространство и время суть априорные чистые формы созерцания, а не содержание мыслящих субстанций, зависящее от психофизического состояния организма. Но так как Кант большинство аксиом и даже всю математику причисляет

²Соловьев Вл. Кант // Энцикл. слов. Брокгауз и Ефрон. Биография. Т. 5. М.: Большая Рос. энцикл., 1994. С. 556.

³Юрашкевич А. Д. Чтения в «Русском религиозном кружке» в г. Минске. 1-е чтение // Мин. епарх. вед. 1908. 15 мая. № 10. С. 262–282.

⁴А. П. Аргамаков (1842–1931) получил образование в Михайловской военной артиллерийской академии, был начальником Иркутской военно-фельдшерской школы, инспектором классов Полоцкого кадетского корпуса. Как педагог и организатор, он выделялся широтой своих интересов и стал одним из самых активных участников всероссийских и международных выставок конца XIX – начала XX в., а также автором ряда технических изобретений. Известны его публичные мировоззренческие лекции «Открытия и изобретения в роли социальных факторов», «Национальное развитие и международные отношения как факторы культурной среды» и др. В 1903 г. А. П. Аргамаков был уволен в запас в звании генерал-лейтенанта. Он оставался в СССР до середины 1920-х гг. в Главном управлении имперской безопасности. Расстрелян в 1931 г. в Одессе по делу «Весна».

к синтетическим априорным суждениям, то этим он, в свою очередь, становится в противоречие со многими математиками и философами, допускающими многообразие пространств и их свойств, что оказывает влияние на условность большинства математических истин. В этом случае Кант делает скачок и от времени, и от пространства как интуиций переносится к умозрительным пространствам, объективированным в нашем воображении при посредстве так называемой умозрительной проекции. Эти объективированные представления следует отнести к числу умозрительных понятий, которые необходимо отличать от апостериорных и эмпирических. Апостериорные понятия объективируются при посредстве зрительной проекции, получаемой на сетчатой оболочке глаза и совпадающей с внешним опытом. К эмпирическим понятиям могут быть отчасти отнесены понятия, названные Тейхмюллером “значковыми”, и вообще все те, которые объективируются при посредстве трансцендентальных понятий» [5, с. 14];

• «...ограничусь рассмотрением права Канта приписывать всем математическим истинам одинаковую степень общности. Анализ общности геометрических истин может быть оправдан двояким методом – во-первых, математическим и, во-вторых, метафизическим. Первый метод будет заключаться в указании условий согласия взглядов математиков, допускающих мыслимость многообразия пространств» [5, с. 15].

Востребованность философии И. Канта в рассматриваемом культурном регионе диктовалась и тем, что именно в конце XIX – начале XX в. философия активно популяризировалась интеллектуальными элитами Российской империи. Интерес к философии обусловил не только обширную разработку философской проблематики, но и стремление многих ученых обосновать свои выводы с помощью нее. На философское знание предъявлялся большой спрос, в свет вышло множество сочинений по философским наукам, особенно переводных. Вот как об этом времени писал православный богослов М. О. Вержболович⁵: «Посильную помощь в удовлетворении этой потребности ставит своей задачей “Избранная библиотека современных западных мыслителей”, выходящая в свет с 1896 года под девизом “В защиту идеалов разума”. Знакомя с современными направлениями

философской мысли, она имеет в виду помочь читателю критически разобраться в них при свете существенно принадлежащих духу идей, или, по терминологии Канта, идеалов разума: дать возможность читателю отстоять среди путаницы мнений свои идеальные убеждения и верования, а равно установить положительные и руководящие точки зрения на основные вопросы знания и жизни» [6, с. 455]. В работе [6] он представил краткий обзор новейшей переводной философской литературы с упоминанием роли И. Канта в русской культуре начала XIX в. М. О. Вержболович проанализировал книгу Э. М. Каро «Идеи Бога и бессмертия души пред судом новейших критиков», в которой критиковались взгляды И. Канта, и написал о том, что Э. М. Каро имел в виду «...опровергнуть современные отрицательные направления мысли, сложившиеся под влиянием главных философских направлений предыдущего времени, а именно философии Канта, Гегеля и эмпиризма Бэкона и Дарвина. Влияние Канта в новейшей философии сказалось в недоверии ко всякому убеждению, переступающему пределы опыта» [6, с. 461].

Несколько иной точки зрения относительно философии И. Канта придерживался православный богослов А. Д. Юрашкевич⁶. О вкладе И. Канта в доказательство существования Бога и в понимание соотношения философии и религии он написал следующее: «Я говорю, что бытие Божие трудно доказать, но в тоже время утверждаю, что для всякого, в том числе для меня, ясно, что Бог есть; а другой говорит, что бытие Бога нельзя доказать, а потому Бога и нет. Разберемся. “Истину бытия Божия нельзя доказать”, – говорят многие мудрые, немудрые и даже безумные. А вы спросите их о том, только ли бытия Божия нельзя доказать или, может быть, есть в числе недоказуемых и другие важные положения, все же признаваемые за истинные не только богословами, но и людьми науки? “Да”, – скажут люди откровенные, – “таких положений весьма много!” Например? Например, нельзя доказать, есть ли цвета, звуки в природе, или это только наши впечатления, т. е. наша способность воспринимать известные впечатления видимого мира под формою цветов, звуков, а что в природе этому соответствует, мы не знаем. Почему? Потому что так создан человек, что он не знает и не может знать сущности природы пред-

⁵М. О. Вержболович (1861–1911) родился в семье священника Борисовского уезда Минской губернии. Первоначальное образование получил в Минском духовном училище, затем учился в Минской духовной семинарии и Киевской духовной академии. В 1887 г. успешно окончил академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней в качестве профессора для изучения психологии. В августе 1889 г. переведен в Минскую духовную семинарию, а с 1895 г. работал в Московской духовной семинарии преподавателем философских наук и дидактики. Регулярно публиковался в изданиях «Минские епархиальные ведомости», «Вера и разум» и московских журналах. По случаю болезни вернулся в Минск, где и умер.

⁶А. Д. Юрашкевич (1854–1921) родился в Минской губернии, получил образование в Пинском духовном училище, Минской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии и стал кандидатом богословия. После окончания академии служил преподавателем русского и церковнославянского языков в Пинском духовном училище, был рукоположен в сан священника и определен в Петропавловский собор в Минске. В 1905–1908 гг. был ректором Минской духовной семинарии. Публиковался в изданиях «Минские епархиальные ведомости» и «Вера и разум». Читал лекции и проводил чтения на религиозно-нравственные темы в общественных местах Минска, избирался в Государственную думу.

метов, окружающих его и влияющих на его внешние чувства, а знает лишь свое собственное состояние, т. е. он, можно сказать, не видит и не слышит, что находится и происходит вокруг него, а видит и слышит, осязает лишь свои ощущения и впечатления, но не вещи и предметы в их сущности. Вещей самих в себе он не видит, и не знает, и не может знать. Такова теория, такое учение физики и психологии, учение общепризнанное и не подлежащее сомнению, но очень любопытное по тем выводам, какие можно сделать и какие делали. А делались из этого такие выводы, что если нельзя доказать, существуют ли в природе звуки, цвета и т. д., то... в сущности, нельзя доказать, что существует внешний мир. Именно трудно доказать. И это положение не глупое, не странное, а совершенно логичное... и существовала даже целая школа (Беркли), которая учила, что бытие внешнего мира доказать совершенно невозможно. В новейшее время эта философия (со времен Канта) окончательно приняла ту форму, что мы по свойству своих способностей и сил не можем знать сущности бытия, так как мы познаем не вещи, а лишь наши душевные состояния. Так говорят физика и философия. На деле все происходит гораздо проще: никто никогда не интересуется сущностью вещей, а свои впечатления принимает за сущность и имеет дело лишь с этими впечатлениями и довольствуется ими. По философии трудно доказать бытие внешнего мира, а в обыденной жизни сумасшедшим назвали бы того, кто сомневается в этом. По философии трудно доказать, что я рукою касаюсь этого стола; я совершенно уверен в этом, и никто меня не разубедит в противном. Вот образец того, какие в истории науки и философии существовали и существуют положения, касающиеся тех или иных построений логической мысли, дающей своеобразные и во многих отношениях странные... понятия по тому или иному вопросу, практически решаемому совершенно просто и ясно. Нечто подобное мы встречаем и в истории доказательств бытия Божия. Все, что выработала в этом отношении мысль человеческая, может логически оспариваться и подвергаться критике, но все же эта истина бесспорна и ясна для всякого разумного и доброго человека. Философы Канта существовавшие до него доказательства бытия Божия подверг жестокой критике, так что, по-видимому, от этой истины ничего не осталось и Канта, по-видимому, следует причислить к безбожникам. Но это ошибочное заключение: критикуя одни доказательства и ослабляя их логическую силу, Кант создал свое доказательство (нравственное) и счита-

ет его неотразимым, между тем как сила других доказательств, по его мнению, может быть оспариваема (перевод наш. – А. Л.)⁷.

Положительно воспринял идеи И. Канта религиозный мыслитель Н. М. Минский⁸. Помимо творчества этого философа, он рассматривал учения Платона, Аристотеля, Плотина, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Понимание философской мысли Н. М. Минским проходит через соприкосновение и расхождение его суждений с концептуальными идеями упомянутых философов. К ним относятся понятия «меон», «один», «ничто», «анамнез» и «любовь к судьбе».

Ниже приведено несколько фрагментов из творчества Н. М. Минского, которые дают представление о понимании кантовского мировоззрения в русской культуре начала XX в. Возможно, к таким выводам он склонялся в силу своих религиозно-идеалистических убеждений, а также в соответствии со своим концептом меонизма:

- «...великий Кант, подчинив нравственную деятельность категорическому императиву, безусловному требованию долга, в сущности выразил научным языком мысль профанов, проглядев центральную нравственную бездну, а именно то, что душе врожденны два категорических императива, влекущих его не только в разные, но в противоположные стороны, и решение этой тайны предоставил нам» [7, с. 36–37];

- «...поклоняются Богу не только потому, что без него нет истины, но и потому, что без него нет счастья. Эту последнюю сторону религии впервые прозрел Кант, хотя, подобно всем впервые прозревшим, впал в одностороннюю крайность и стал отрицать возможность познавать Бога истым разумом. В действительности же богопознание расцветает одновременно и самостоятельно и в разуме, и в чувстве; и если между обеими формами религиозности существует связь, то связь солидарности, а не причинности. Несмотря на свою односторонность, открытие Канта чрезвычайно важно, и вы никогда не поймете сущности религии в известную эпоху, если не будете знать, каков был в то время закон жизни, какая небесная помощь была нужна людям для их счастья и в чем заключалась их молитва» [7, с. 85];

- «...Аристотель понимал под категориями общие понятия, обнимающие весь опыт, и установил девять таких всеобщих сказуемых, не руководясь при их перечне никаким принципом или системой. Впрочем, он и не придавал им, кажется, никакого значения. Впервые всю важность категорий понял Кант. <...> Кант видит в категориях только рассудочные

⁷Юрашкевич А. Д. «Ясное в науке» и «неясное в религии» // Мин. епарх. вед. 1905. 15 сент. № 18. С. 339–348.

⁸Н. М. Минский (1856–1937) родился в еврейской семье (в 1882 г. принял православие) в местечке Глубокое Виленской губернии (ныне Витебская область). В 1875 г. он окончил Минскую мужскую гимназию, затем юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и в качестве домашнего учителя находился в Италии и Франции. Но юриспруденция, в отличие от литературы и философии, не привлекала Н. М. Минского. Также он жил и публиковался в Санкт-Петербурге, Берлине, Лондоне и Париже. В Берлине в 1922 г. вышел последний сборник стихов под названием «От тьмы к свету». Н. М. Минский умер в Париже.

формы, объемлющие всякий опыт и делающие опыт возможным. Поэтому он принимает столько же категорий, сколько существует в логике общих суждений – четыре класса с тремя подразделениями в каждом. Но в самой логике число общих суждений открывается случайно, и мы не знаем, почему, кроме количественности, качественности, относительности и модальности, нет других общих рубрик суждений. Мы считаем четыре класса, потому что их не больше и не меньше» [7, с. 166];

• «...Кант первый из философов заметил, что категории не составляют части опыта, а нечто отдельное от него. Из того же, что категории не объективны, не конкретны, он заключает, что они врожденны мыслящему субъекту. <...> Категории в самом деле не составляют части опыта, но не только внешнего, а... и внутреннего. Наши понятия, суждения и управляющие ими логические законы – те же явления; они также немислимы вне категорий, как предметы и силы внешней природы. Таким образом, мы получаем новое определение категорий... это – общие внутреннему и внешнему опыту формы, делающие возможным слияние их между собою. Для разума категории определяются как всеобщие, необходимые понятия; для предметов – как всеобщие, необходимые признаки» [7, с. 167–168].

В завершение следует сказать о значимом событии – столетии со дня смерти И. Канта⁹, отмечавшемся во всем мире, в том числе в Минске. Ниже кратко описана предыстория данного события. В газете «Северо-Западный край», издававшейся в Минске, 12 февраля 1904 г. вышла большая статья «Учение Канта (к столетию со дня его кончины)». В конце нее стояла подпись «Зимнев» (возможно, он был ее переводчиком). Впоследствии выяснилось, что это был перевод статьи немецкого писателя К. Лассвица¹⁰ «Критическая мысль».

Взгляды К. Лассвица на пространство и время сформировались под влиянием И. Канта и Г. Фехнера. Ему принадлежит ряд популярных произведений о И. Канте: труды «Кант и Гёте», «Кант и Шиллер» и др. Он выпустил сборник сочинений И. Канта докритического периода «Кантовские Gesamtele Schriften». К. Лассвиц написал двухтомный труд по истории науки и философии «История атомизма от Средних веков до Ньютона», а также множество статей на философские темы. Как писатель-фантаст, он создал научно-фантастические романы «На двух

планетах» и «Лампа Аладдина», где тщательно продумана сатира на постулат И. Канта о том, что законы природы становятся реальностью только тогда, когда человек их открывает. В февральском номере берлинского журнала «Нация» была опубликована статья «Критическая мысль. К столетию со дня смерти Канта (12 февраля 1904 г.)», в конце которой стояла подпись «Kurd Laßwiß». К сожалению, до сих пор не установлено, как статья попала на страницы газеты «Северо-Западный край». Требуется и более адекватный перевод этой статьи, так как переводчик часто отклонялся от текста оригинала. Данная публикация является библиографической редкостью, она уникальна в контексте трансфера идей И. Канта в минском культурном регионе, так как подготовлена немецким кантианцем. На примере этой статьи можно увидеть, что позитивные философские идеи И. Канта нашли отражение в начале XX в. среди интеллектуалов Беларуси.

За пределами рассмотрения данной темы оказались другие соотечественники, творившие в изучаемый период. В частности, важную роль в популяризации философии И. Канта сыграли выпускники Минской губернской гимназии (юрист В. Д. Спасович, философы А. Марбург, М. Массониус, философ права Л. И. Петражицкий и веховец А. С. Ланде) и Минской духовной семинарии¹¹ (К. А. Говорский, И. И. Малышевский, П. Н. Жукович, В. З. Завитневич, К. В. Харлампович), внесшие значительный вклад в интеллектуальную атмосферу своего времени. Рассмотрение их творчества требует дополнительных изысканий.

Интерпретация и рецепция идей И. Канта в советской и постсоветской Беларуси XX–XXI вв. подробно проанализированы в публикации профессора Т. Г. Румянцевой [8], а также в монографии Т. Г. Румянцевой, А. А. Легчилина, А. Ю. Дудчика, А. И. Климович [9].

Таким образом, учитывая изложенные сюжеты постижения духа кантианства в нашей культуре, можно утверждать, что существуют разнообразные толкования, соответствовавшие времени и тем мировоззренческим установкам, которых придерживались авторы соответствующих публикаций. Следует сказать о специфическом аспекте восточноевропейской кантианы, что значительно расширяет ее представление, требующее дальнейших научных изысканий. Предложенная метафизика «ландшафта» восприятия кантовских идей в год 300-летия со дня его рождения также будет способствовать диалогу двух великих культур.

⁹В России было немного публикаций, посвященных столетию со дня смерти И. Канта. Прежде всего это университетские и академические публикации Андрея Белого «Критицизм и символизм: по поводу столетия со дня смерти Канта», В. Н. Ивановского «Памяти И. Канта: по поводу столетия со дня его кончины. Речь, сказанная в заседании Физико-математического общества при Имп. Казан. ун-те 13 марта 1904 г.», В. Г. Камбурова «К столетию со дня смерти Канта. Речь, произнесенная 2 мая 1904 г. в годичном собрании Юридического общества при Имп. Томском университете», П. В. Тихомирова «К столетию смерти Канта (1804–1904). I. Личность Канта в изображении его современников», В. А. Фляксбергера «Философия Канта», Е. А. Боброва «К столетней годовщине смерти Иммануила Канта» и др.

¹⁰К. Лассвиц (1848–1910) изучал математику и физику в университетах Бреслау (ныне Вроцлав) и Берлина. В 1875 г. в Университете Фридриха Вильгельма защитил докторскую диссертацию по философии, преподавал математику, физику и философию.

¹¹Щеглов Г. Э. Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии : биограф. справ. Жировичи : Мин. духов. семинария, 2016. 194 с.

Библиографические ссылки

1. Круглов А. *Что Иммануил Кант думал о русских* [Интернет]. 2019 [процитировано 11 октября 2023 г.]. Доступно по: <https://kant-online.ru/chto-immanuel-kant-dumal-o-russkih/>.
2. Виндельбанд В. *От Канта до Ницше*. Введенский АИ, переводчик. Москва: Канон-пресс; 1998. 496 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
3. Флоренский ПА. *Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии)*. Игумен Андроник (Трубачев), составитель и редактор. Москва: Мысль; 2004. 685 с.
4. Симакова ОА. Минские культурно-просветительские общества и их роль в развитии русско-белорусских культурных связей в XIX – начале XX в. В: Белорусский государственный университет. *Российские и славянские исследования. Сборник научных статей. Выпуск 1*. Минск: БГУ; 2004. с. 149–156.
5. Аргаматов АП. *Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков*. Полоцк: [б. и.]; 1895. 27 с.
6. Вержболович МО. Философское самообразование при посредстве современной нам литературы. *Вера и разум*. 1900;10:451–472.
7. Минский НМ. *Религия будущего (философские разговоры)*. Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова; 1905. 302 с.
8. Румянцева ТГ. И. Кант и его наследие в советской и постсоветской философии. *Кантовский сборник*. 2021;40(3): 127–149. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
9. Румянцева ТГ, Легчилин АА, Дудчик АЮ, Климович АИ. *Иммануил Кант и Беларусь (к 300-летию со дня рождения)*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2024. 212 с.

References

1. Kruglov A. *Chto Immanuel Kant dumal o russkikh* [What Immanuel Kant thought about the Russians] [Internet]. 2019 [cited 2023 October 11]. Available from: <https://kant-online.ru/chto-immanuel-kant-dumal-o-russkih/>. Russian.
2. Windelband W. *Ot Kanta do Nitsshe* [From Kant to Nietzsche]. Vvedenskii AI, translator. Moscow: Kanon-press; 1998. 496 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
3. Florenskii PA. *Sobranie sochinenii. Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoi antropoditsei)* [Collected works. Philosophy of cult (the experience of Orthodox anthropology)]. Iguмен Andronik (Trubachev), compiler and editor. Moscow: Mysl'; 2004. 685 p. Russian.
4. Simakova OA. [Minsk cultural and educational societies and their role in the development of Russian-Belarusian cultural relations in the 19th – early 20th centuries]. In: Belarusian State University. *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya. Sbornik nauchnykh statei. Vypusk 1* [Russian and Slavic studies. Collection of scientific articles. Issue 1]. Minsk: Belarusian State University; 2004. p. 149–156. Russian.
5. Argamakov AP. *Soznanie, samochevidnye istiny i myslimye prostranstva po Kantu i po vozzreniyu sovremennykh filosofov i matematikov* [Consciousness, self-evident truths and conceivable spaces according to Kant and according to the views of modern philosophers and mathematicians]. Polack: [s. n.]; 1895. 27 p. Russian.
6. Verzhbolovich MO. [Philosophical self-education through contemporary literature]. *Vera i razum*. 1900;10:451–472. Russian.
7. Minskii NM. *Religiya budushchego (filosofskie razgovory)* [Religion of the future (philosophical conversations)]. Saint Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova; 1905. 302 p. Russian.
8. Rumyantseva TG. Kant and his heritage in Belarusian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods. *Kantian Journal*. 2021;40(3):127–149. Russian. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
9. Rumyantseva TG, Liahchilin AA, Dudchik AYU, Klimovich AI. *Immanuel Kant i Belarus' (k 300-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Immanuel Kant and Belarus (on the 300th anniversary of his birth)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2024. 212 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024.
Received by editorial board 13.01.2024.

УДК 141.31:111(476)(430)(091)

ПОЛОЦКАЯ НЕОСХОЛАСТИКА vs И. КАНТ

А. И. КЛИМОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220016, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Осуществлена историко-философская реконструкция рецепции творческого наследия И. Канта в работах представителей Полоцкой иезуитской академии Дж. Анджиолини и В. Бучинского. Раскрыты основные причины обращения этих авторов к кантовской философии. Проанализировано, каким образом совершалась попытка «прочитать» ее на философских курсах упомянутой академии. Акцент сделан на логическом и метафизическом аспектах, в рамках которых Дж. Анджиолини и В. Бучинский наиболее часто критиковали идеи трансцендентального идеализма. Выделены программные установки схоластической философии, позволившие рассматриваемым авторам попытаться преодолеть трудности философии И. Канта. Определены место и роль осуществленной полоцкими мыслителями и теологами рецепции кантовских идей в философских процессах историко-культурного пространства Беларуси XIX в.

Ключевые слова: И. Кант; Полоцкая иезуитская академия; трансцендентальный идеализм; схоластическая философия; метафизика; полоцкая неосхоластика; Дж. Анджиолини; В. Бучинский.

POLOTSK NEO-SCHOLASTICISM vs I. KANT

A. I. KLIMOVICH^a

^aBelarusian State Medical University, 83 Dziarzhynskaga Avenue, Minsk 220016, Belarus

Abstract. The article carries out historical and philosophical reconstruction of I. Kant's creative heritage reception in the works written by the Polotsk Jesuit Academy representatives J. Angiolini and W. Buczyński. There are revealed the main reasons for this authors to appeal to Kantian philosophy. It is also analysed, in which way the attempt to «read» Kantian philosophy in the philosophical courses of the mentioned academy was made. The emphasis is on the logical and metaphysical aspects, within the framework of which J. Angiolini and W. Buczyński most often criticised the ideas of transcendental idealism. The programme guidelines of scholastic philosophy are highlighted, which allowed the authors under consideration to try to overcome the difficulties of I. Kant's philosophy. The scholastic philosophy programmatic guidelines, allowed the authors to try to overcome the difficulties of philosophy of I. Kant, are highlighted. It is also determined the place and role of the Kantian ideas reception, made by Polotsk philosophers and theologians, in the philosophical processes of the historical and cultural space of Belarus in the 19th century.

Keywords: I. Kant; Polotsk Jesuit Academy; transcendental idealism; scholastic philosophy; metaphysics; Polotsk neo-scholasticism; J. Angiolini; W. Buczyński.

Образец цитирования:

Климович АИ. Полоцкая неосхоластика vs И. Кант. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;2:20–27.
EDN: IBUXDM

For citation:

Klimovich AI. Polotsk neo-scholasticism vs I. Kant. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2024;2:20–27. Russian.
EDN: IBUXDM

Автор:

Анна Игоревна Климович – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры патологической анатомии и судебной медицины педиатрического факультета.

Author:

Anna I. Klimovich, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of pathological anatomy and forensic medicine, pediatric faculty.
3117135@gmail.com

Введение

Полоцкая неосхоластика представляет собой переходный тип философии, который по этой причине вынужден отвечать на многочисленные интеллектуальные вызовы, заметно влияющие на его развитие. Отдельно в данном контексте следует отметить творчество И. Канта, инспирировавшее философские поиски представителей Полоцкой иезуитской академии.

Проблема рецепции творческого наследия И. Канта в работах полоцких академиков, несмотря на на-

личие исследований¹ [1; 2], посвященных этой тематике, по-прежнему остается «лакуной» в истории философской и социально-политической мысли Беларуси и требует дальнейших научных изысканий для определения ее места и роли в историко-культурном пространстве страны начала XIX в. Таким образом, цель настоящей статьи – реконструкция специфики рецепции идей И. Канта в творчестве представителей полоцкой неосхоластики.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования рецепции творческого наследия И. Канта выступили философские труды представителей Полоцкой иезуитской академии

Дж. Анджелини [3] и В. Бучинского [4–7]. В работе применялись метод контент-анализа, историко-логический метод, а также системный подход.

Результаты и их обсуждение

Творческое наследие философского сообщества Полоцкой иезуитской академии достаточно многочисленно, проблемное поле его научных и философских поисков предельно широко, но вопросы рецепции идей трансцендентального идеализма затрагиваются в основном в упомянутых работах Дж. Анджелини и В. Бучинского. Также идеи И. Канта стали предметом философских диспутов в академии, традиционно проводимых студентами каждый месяц [8].

В связи с рядом политических и интеллектуальных событий, сформировавших историко-культурное пространство Полоцка в конце XVIII – первой половине XIX в., можно говорить о наличии в его границах специфической традиции полоцкой неосхоластики. Она была фундирована классическим принципом аристотелевского томизма (принцип гармонии веры и разума). Этой традиции был присущ апологетический характер трактовки самой философии при сохранении ею статуса автономии. Перед представителями неосхоластики стояла достаточно трудная задача – выработка определенного механизма адаптации идей современных философских учений. В связи с этим одной из центральных тем рефлексии стало осмысление творческого наследия И. Канта. Полоцким схоластам было необходимо произвести ревизию философской системы немецкого мыслителя по нескольким причинам. В первую очередь болезненным для них стало решение И. Канта лишить метафизику статуса науки, поскольку в схоластической традиции эта область была центральной. Затем начал зарождаться скептицизм, в котором упрекали И. Канта представители академии, когда рассматривали его идеи. Представители полоцкой неосхоластики также не могли согласиться с такой позицией, поскольку она противоречила

основополагающему принципу гносеологии схоластической традиции – убежденности в познаваемости окружающего мира.

В исследовании программных установок философии И. Канта Дж. Анджелини и В. Бучинским имеется ряд общих положений, обусловленных характерными чертами схоластической философии. Авторы заняли апологетическую позицию по отношению к схоластической метафизике, выражая несогласие с доктриной И. Канта в вопросе рассмотрения категории трансцендентального, и выступили против кантовской критики идей шотландской школы здравого смысла. И Дж. Анджелини, и В. Бучинский относили И. Канта к представителям скептицизма. Оба автора также использовали в своих работах идеи известного (особенно в кругах иезуитов) немецкого философа и теолога Я. Цаллингера, обращавшегося к идеям И. Канта и являвшегося его ярким противником. Однако Дж. Анджелини свойственны проявление эмоциональности, использование риторических средств воздействия на читателя. В. Бучинский для низвержения идей И. Канта выбрал философский путь, идя по восходящей линии от логики к метафизике.

В первую очередь внимание Дж. Анджелини привлекло прочтение И. Кантом многих трансцендентальных категорий схоластической метафизики как иллюзорных заблуждений разума [3, р. 8]. Данный факт обусловил то, что Дж. Анджелини отнес И. Канта к представителям крайнего атеизма. Такой же позиции полоцкий академик придерживался при рассмотрении обратимых понятий [3, р. 20]. Следует отметить, что смысл понятия «трансцендентальное» у И. Канта и Дж. Анджелини отличается [2, с. 118].

Основная стратегия критики Дж. Анджелини программных установок философии И. Канта заключается в поиске у немецкого мыслителя логических

¹Шалькевич В. Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. Минск, 1993. 66 с.

ошибок. Рассматривая вопрос построения силлогизма, он упрекал И. Канта в принятии за абсолютное основание косвенного [3, р. 61]. Еще одно логическое заблуждение, которое, по мнению полоцкого академика, присуще И. Канту, – это иллюзия трансгрессии. Под ней Дж. Анджолини понимал распространение частных выводов на общие положения [4, р. 60–61]. Непонятными для полоцкого философа были пустые аналитические формы, которые, согласно Дж. Анджолини, не могут существовать самостоятельно [3, р. 104]. Профессор академии выдвинул и другие возражения, но наиболее полно учение И. Канта он раскритиковал при рассмотрении вопроса математических истин как априорных синтетических суждений, а также проблемы определения общего чувства (называемого также здравым рассудком или смыслом), которое служит основанием для сознательного и логичного выбора.

Критика философии математики И. Канта в творчестве Дж. Анджолини – один из немногочисленных случаев, когда автор осуществляет именно философский анализ идей И. Канта в рамках характерных для своего мировоззрения программных установок схоластической традиции. Дж. Анджолини выбрал в качестве объекта критики математические истины неслучайно: помимо должности профессора философии в Полоцкой иезуитской академии, он занимал должность профессора математики [9, с. 162]. Следует принять во внимание, что сама математика, как и остальные учебные дисциплины, изучалась через призму теологических установок, связанных с рациональными путями постижения Бога [10, s. 210].

И. Кант определял математику и естествознание как науки, имеющие возможность работать с априорным знанием, и одновременно отрицал наличие этой черты у метафизики. Осуществление доказательства о неверности трактовки математических истин в творчестве немецкого философа означало бы косвенно и возможность «реабилитации» метафизики, чем и попытался воспользоваться в читаемом философском курсе Дж. Анджолини. В центре критики Дж. Анджолини философии математики И. Канта стоит вопрос соотношения чувственных и рациональных истин. Для полоцкого академика истины математики носят рациональный характер, о чем свидетельствует следующее его утверждение: «Ибо цифры, числа, буквы и письма – не что иное, как символы, помогающие разуму в познании; действительно, взятые материально, они не могут определить никакую другую идею, кроме как посредством отдельных материальных знаков – букв или слов... но истины, скрытые под этими знаками, определяются не ими, а интеллектом посредством рассуждений и доказательств»² [3, р. 95]. Для И. Канта же, по мысли Дж. Анджолини, эти истины имеют эмпири-

ческий характер [3, р. 95]. Такую позицию полоцкий академик использовал для доказательства ошибочности линии рассуждения немецкого философа.

Важным элементом схоластической традиции, который косвенно затрагивал в своей философской системе И. Кант, является понятие «самоочевидные истины». К ним религиозные философы относили, например, существование Бога, ссылаясь на тот факт, что, независимо от места происхождения и религиозной принадлежности, оно свойственно всем людям. В начале XIX в. концепт самоочевидных истин разрабатывался как в рамках схоластической традиции, так в рамках шотландской школы здравого смысла. И. Кант, как известно, в пролегоменах отрицательно отзывался о основополагающих идеях этой школы, что отметил в своей работе Дж. Анджолини. Уход немецкого мыслителя от интеллектуальной интуиции полоцкий академик оценил отрицательно [3, р. 101]. Однако данной оценки было мало для оправдания одного из ключевых понятий схоластической метафизики. Поэтому Дж. Анджолини посвятил рассмотрению указанной проблемы в творчестве И. Канта отдельное возражение, в котором он исследовал варианты ответа на возможные аргументы против такой позиции немецкого мыслителя [3, р. 102–104]. Оно еще не являлось объектом научного анализа и требует дальнейшего рассмотрения со стороны историков философии.

Таким образом, Дж. Анджолини не ставил себе цели переосмыслить идеи И. Канта и понять, каким образом их можно использовать для обновления схоластической философии. Главной целью его обращения к идеям трансцендентального идеализма в рамках читаемого курса было привитие отрицательного отношения к философии И. Канта как к не имеющей никакой пользы для разума и морального совершенствования человека.

В отличие от Дж. Анджолини В. Бучинский более широко осмыслял кантовское наследие и критиковал его в двух аспектах: с собственно философских позиций (в труде «Философские наставления»), а также с теологических позиций (в работе «Основания религиозного учения, в котором философские принципы применяются к истине религии»). Упомянув последнюю работу, следует отметить, что В. Бучинский стремился восстановить утраченный в философских «войнах» эпохи Просвещения союз философии и религии. Он рассматривал И. Канта как фигуру противоречивую, склонную к скептицизму и ложному мудрствованию (филломании), мешающую достижению обозначенной благой цели [7, р. II].

В. Бучинский четко осознавал влияние идей И. Канта на философию того времени. Полоцкий автор отмечал, что именно немецкий мыслитель стоит у истоков современной философии, определяя систему

²Здесь и далее перевод наш. – А. К.

философии И. Канта как начало нового этапа в ее развитии [4, p. 21–22].

Главным фактором, не позволяющим В. Бучинскому смириться с учением И. Канта, является трактовка немецким философом метафизики: И. Кант отрицал существование метафизики как самостоятельной науки.

Проблемное поле, связанное с творчеством И. Канта, в работах В. Бучинского достаточно богатое: понятие *a priori*, являющееся для полоцкого мыслителя необузданным и антирациональным [4, p. 78]; объективные заблуждения при исследовании философиями концепта важной для схоластической традиции внутренней истины, где трансцендентальная система И. Канта поставлена в один ряд с пантеизмом Б. Спинозы и теодицеей Г. В. Лейбница [4, p. 97]; вопрос определения самопознания мыслящего субъекта [4, p. 115], в котором И. Кант рассматривается как крайний сторонник скептицизма.

Особенно острые противоречия возникали между философскими взглядами В. Бучинского и И. Канта в аспекте осмысления классических для схоластики метафизических проблем. Этому аспекту были посвящены целые параграфы и приложения во втором томе труда «Философские наставления», в которых разбираются идеи И. Канта в целях их дальнейшего преодоления. В первую очередь В. Бучинский критиковал понимание метафизики И. Канта в рамках системы трансцендентального идеализма. По его мнению, использование чистых априорных форм ведет к рациональному скептицизму [6, p. 5].

В контексте кантовского учения проблематизируется и основополагающее для схоластической философии понятие «субстанция». В. Бучинский трактовал его в духе Нового времени с характерными для этого феномена качествами неизменности, самодостаточности, простоты, независимости и основы бытия для другого [5, p. 210]. Такой подход был обусловлен необходимостью поиска ответа на вновь вставший перед схоластической философией вопрос о том, каким образом появляется нечто, отличное от первого, но в то же время фундированное им. Именно поэтому полоцкий профессор отметил, что субстанция есть «то, что существует в себе, в другом, но в этом другом она не нуждается; это качество, которое присуще другому как субъекту» [5, p. 30]. Кроме того, В. Бучинский стремился сразу установить различие между кантовским пониманием понятия «субстанция» и своим, которое он предложил читателю [5, p. 148], отмечая, что это понятие создается разумом субъекта, но никак не является ему данным в сознании *a priori*. Таким образом, в этом утверждении можно проследить зачатки активно-деятельностного подхода к проблеме познания.

При рассмотрении метафизической проблематики В. Бучинский выступил против кантовского понятия «причинность». По мнению профессора,

определение этого феномена И. Канта равноценно толкованию Д. Юма, поскольку оба философа доказывают, что причинность есть нечто, что мы производим путем выводов на основе опыта [5, p. 36]. Полоцкий философ также критиковал концепцию пространства и времени, сущность которых выводил из чувственного опыта [5, p. 46].

В. Бучинский подробно анализировал кантовское учение об антиномиях. Для борьбы с ним он прибегнул к концепту здравого смысла, отмечая, что тот, кто действительно пользуется собственным разумом, никогда не столкнется с такого рода трудностями [5, p. 149]. Система антиномий, предложенная И. Кантом, для полоцкого автора является софистикой, поскольку в рамках схоластической традиции логическим путем было доказано начало существования мира во времени, наличие во всяком сложном бытии простого, наличие необходимой причины для существования всего сущего и наличие необходимого существующего бытия. С точки зрения В. Бучинского, эти идеи невозможно проверить опытным путем. Если рассматриваемые положения доказаны в рамках логических схем, они истинны. Одновременно этот панлогизм мешает полоцкому профессору по достоинству оценить ту угрозу, которую несли идеи И. Канта традиционной метафизической системе.

Большое внимание В. Бучинский уделял и проблеме априорных синтетических суждений, невозможность существования которых в рамках метафизики разрушает ее основания, отказывая в возможности претендовать на роль подлинной науки. В. Бучинский, сформировавшийся как мыслитель в классической позиции аристотелевского томизма, пытался не просто опровергнуть сам факт существования таких суждений, а восстановить классическую схоластическую метафизику.

Первым пунктом в полемике между В. Бучинским и И. Кантом является определение понятия «априорность». В современной истории философии исследователи выделяют как минимум четыре варианта понимания этого слова: врожденное знание; знание, от которого зависит любой опыт; знание, которое ничего не предписывает опыту; фоновые биологические или социальные установки [11, с. 4–6]. В. Бучинский понимал априорное знание как врожденное. В этом вопросе он разделял позицию Платона и Декарта. Следует отметить, что схоластические курсы по философии опираются на понятие «предустановленная истина». В работах полоцкого автора оно встречается в том смысле, который имеет термин «врожденное знание», т. е. как некоторый класс идей, присущих нам до опытного знания (например, идеи Бога или собственного Я). Недаром В. Бучинский, обращаясь к немецкой классической философии, подчеркивал, что его Я мыслится совсем другим образом, нежели Я И. Канта или И. Г. Фихте. В этом плане профессор солидарен с Декартом

в отношении самосознания: «Смешно и противоречиво утверждать, что действительность нашего существования познается нами посредством рассуждения... Не может быть никакого знания о каком-либо действии, кроме как у того, кто существует и сознает свое собственное существование... И. Кант же утверждает простое понятие Я (курсив наш. – А. К.), совершенно лишенное собственного содержания, о котором нельзя даже сказать, что оно сопутствует всем понятиям. И. Г. Фихте тоже согласен с этим философом вместе со всеми его последователями» [4, р. 115–116].

Таким образом, несмотря на определенную общность с немецким философом в трактовке врожденных идей и априорных форм, В. Бучинский мыслил в другом направлении. Если И. Кант утверждал, что понятия «Бог» и «душа» относятся к идеям разума и что точно о них сказать ничего нельзя, то для полоцкого автора обозначенные понятия являются установленными свыше истинами.

Ввиду специфического понимания априорного В. Бучинский давал определение синтетическим и аналитическим суждениям. В отношении априорных синтетических суждений он применял тот же прием, который И. Кант использовал для категорий разума. Априорные синтетические суждения не являются частью человеческого опыта, поскольку ни один человек не в состоянии привести пример таких суждений. Под ними ошибочно понимаются аналитические суждения, которые, вопреки точке зрения И. Канта, могут обеспечить прирост человеческого знания [5, р. 60].

В схоластической традиции через призму необходимо либо контингентного соотношения между субъектом и предикатом выделяют аналитические априорные и синтетические апостериорные суждения. Необходимое суждение будет аналитическим априорным, тогда как контингентное – синтетическим апостериорным. И. Кант предлагал изменить эту схему и использовать априорные синтетические и априорные аналитические суждения, что вызвало критику со стороны В. Бучинского как представителя схоластического направления. Он не мог рассматривать такое предложение в качестве нового шага в исследовании гносеологической проблематики, поскольку это выглядело попыткой разрушить внутреннюю логику системы схоластической философии.

В. Бучинский одним из первых осуществил критику аналитических и синтетических суждений И. Канта, развернувшуюся затем в творчестве более поздних известных представителей направления неосхоластической философии, среди которых можно отметить Ж. Марешаля и М. Мерсье. В. Бучинский писал, что «суждения, которые предлагает И. Кант как априорные синтетические, действительно аналитичны, или, если они синтетические, то они и есть... апостериорное; но такие синтетические суждения, которые

он называет априорными суждениями, абсолютно невозможны по природе нашего ума» [5, р. 61].

Представители схоластической традиции, которые сформулировали законы познания, находящиеся вне чувственной природы человека, довольно часто обращались к понятию «врожденное знание» (предустановленная истина, или истина откровения). Одновременно человеческое познание являлось для них синтезом чувственного и рационального. Эти два тезиса В. Бучинский и использовал против априорных синтетических суждений И. Канта [5, р. 61]. Основанием для возможности такого рода рефлексии у полоцкого профессора выступила предельная рациональность окружающего мира, которую возможно познать благодаря наличию уже рассмотренных выше всеобщих причинно-следственных связей [5, р. 38].

В. Бучинский не был согласен с ролью, которую И. Кант отводил аналитическим суждениям, поскольку немецкий мыслитель оставлял за ними лишь функцию объяснения. В. Бучинский же указывал на появление нового знания как итога рассуждения [5, р. 63]. Прийти к такому выводу ему позволил лежащий в основании схоластической метафизики принцип специфического рассмотрения генезиса спекулятивного знания. Полоцкий автор, исследуя рациональные истины, отмечал, что «спекулятивные знания такого рода обладают способностью производить из себя другие такие же спекулятивные знания и в этой мере могут постепенно расширять сферу наших знаний» [5, р. 8]. Эта классическая схоластическая установка применялась авторами повсеместно для обоснования связи составного и случайного бытия с простым и необходимым, принципа творения *ex nihilo*, проблемы начала существования всех случайных вещей и прочих вопросов, составлявших базу данного типа религиозной философии. Принцип достаточного обоснования помогал схоластическим философам избежать обвинения в том, что такие сущности не обладают реальным бытием. Например, В. Бучинский, предвосхищая упреки, отмечал: «Но хорошо заметить, что чисто спекулятивные знания сами по себе не могут ничего нам рассказать: ни о реальных свойствах существ, ни о самом их существовании, если только такие спекуляции сами не докажут необходимость бытия их реального предмета». Необходимость бытия предмета в данном случае также доказывается спекулятивным путем [5, р. 9].

Поскольку аналитические суждения устанавливают истину только путем логического анализа без обращения к аспектам, существующим помимо логики, В. Бучинский был прав в своих философских изысканиях только частично и утверждал как раз то, что критиковал И. Кант в работе «Критика чистого разума», анализируя высказывания подобного рода: «В самом деле, если вы называете всякое полагание (независимо от того, что вы полагаете)

реальностью, то вы уже в понятии субъекта полагае вещь со всеми ее предикатами, принимая ее как действительную, и в предикате только повторяете это» [12, с. 521]. Такой подход свидетельствует о приверженности полоцкого профессора рассмотрению априорных аналитических суждений как истин разума, понимаемых в рамках философии Г. В. Лейбница.

В. Бучинский также осознавал недостаточность рассматриваемого принципа, поскольку в процессе дальнейшего размышления актуальным становится вопрос о том, как быть с теми суждениями, в которых предикат не содержится явно или скрыт в самом субъекте. Для решения этой проблемы профессор предложил прибегнуть к опыту либо имеющемуся авторитету (человеческому или божественному): «Мы должны иметь основание либо в опыте, либо в авторитете, отчего мы привязываем его к предмету... таким образом, здесь формируем синтетическое суждение: суждение “солнце каждый день восходит и заходит” основано на опыте... суждение “Гай Цезарь был убит в сенате” подкрепляется человеческим авторитетом... суждение “Сын Божий принял человеческую природу” исходит от божественной власти» [5, р. 64]. Но в этом случае невозможно говорить об априорности суждений, что и подчеркивал В. Бучинский. Они, если следовать логике полоцкого мыслителя, могут быть только апостериорными синтетическими.

Доказав в рамках присущей ему философской позиции невозможность существования априорных синтетических суждений, В. Бучинский был вынужден обратиться к источнику их происхождения (по Канту) – априорным формам рассудка. Здесь он использовал тезис, развитый в схоластической традиции в рамках умеренного реализма о необходимо-

сти наличия содержания для каждого понятия. Таким образом, «пустые» априорные формы рассудка, существующие до всякого опыта, будут лишь словами, ничему не соответствующими в объективной реальности. Следует отметить, что этот аргумент не выдвинул В. Бучинский лично: он был широко распространен среди критиков-католиков трансцендентального метода И. Канта [13–15].

В. Бучинский настаивал на том, что понятия, которые И. Кант рассматривал в рамках четырех классов своих категорий, не могут существовать в качестве присущих человеческому рассудку изначально по следующей причине: они являются продуктом человеческого размышления, знание о них формируется благодаря определенным логическим операциям. Профессор утверждал: «Несомненно, что идеи такого рода, так как они обнаруживают общие определения отвлеченных от них предметов, суть характеристики самих вещей, и поэтому ум не производит их из себя, а обнаруживает их в объектах»; «Конечно, все эти идеи вытекают из какого-то способа чувства, образуются деятельностью ума и возводятся до всеобщности и необходимости» [5, р. 66].

В своих работах В. Бучинский обращался к каждой из кантовских категорий, отмечая, что понятие «количества» у человека формируется либо благодаря опыту, либо благодаря дедукции, равно как и понятие «качества»; понятие «отношение» апостериорно и рождается из связи субстанции и модуса, а понятие «существование» может быть выведено только при наличии объекта, поэтому и является апостериорным и т. д. Таким образом полоцкий философ «препарировал» каждую категорию, заставляя читателя вслед за автором отнести к сфере опыта или определить ее как выведенную логическим путем.

Заключение

Критика идей И. Канта в творчестве представителей полоцкой неосхоластики играет важную роль. Можно утверждать, что идеи немецкого мыслителя, имевшие отрицательную оценку в творчестве полоцких авторов, способствовали более глубокой самоидентификации схоластической философии, обнажив те проблемы, которые были свойственны ей в целом. Пытаясь ответить на эти вызовы, представители полоцкой неосхоластики интенсивно искали ответы на возникшие вопросы, усилив потенциал этого направления. Дж. Анджелини и В. Бучинский обратились к комплексу идей И. Канта и разными путями пытались бороться с его программными установками. Для Дж. Анджелини это был путь риторики, на котором читатель встретит лишь немного действительно философских сюжетов, сосредоточенных в основном вокруг проблем трансцендентальных и математических истин, а также вокруг

понятия здравого смысла. Такая позиция была характерна для первых попыток борьбы с философией трансцендентального идеализма на ранних порах ее существования, однако со временем философы-схоласты осознали ее бесплодность. Единственной возможностью преодолеть вызовы философии И. Канта была попытка начать с ней диалог, что обнаруживается в творчестве В. Бучинского. Эта заочная полемика проходит практически через все работы полоцкого профессора, значительно обогащая его творчество. В. Бучинский, пользуясь многовековым опытом схоластической философии, легко сразил своего немецкого соперника. Проблема заключается в том, что в процессе полемики В. Бучинский использовал идеи, которые критиковал И. Кант. Таким образом, опровержение идей немецкого мыслителя остается для полоцких авторов открытым вопросом.

Необходимо также отметить большую роль критики идей И. Канта в творчестве представителей Полоцкой иезуитской академии для всего историко-культурного пространства Беларуси XIX в., что стало одной из первых попыток обращения к идеям И. Канта в истории религиозного направления философии и социально-политической мысли Беларуси этого периода. Полоцкие авторы предложили собственные ответы на поставленные немецким философом вопросы, что обусловило дальнейший поиск вариантов рецепции кантовского наследия в европейском философском проблемном поле.

Библиографические ссылки

1. Легчилин АА. Немецкая философия в интеллектуальной культуре Северо-Западного края Российской империи: историографический обзор. В: Белорусский государственный университет. *Национальные культуры в межкультурной коммуникации (новая парадигма охраны культурного и природного наследия). Материалы IV Международной научно-практической конференции; 11–12 апреля 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Колорград; 2019. с. 43–50.
2. Климович АИ. Анджолини vs Кант: к философскому наследию Полоцкой иезуитской академии. *Кантовский сборник*. 2023;42(1):107–131. EDN: TJRQHO. DOI: 10.5922/0207-6918-2023-1-6.
3. Angiolini J. *Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*. Polack: Typis Academicis; 1819. 310 p.
4. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam intrudictione*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1843. 159 p.
5. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 302 p.
6. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 206 p.
7. Buczyński W. *Instutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritatem religionis applicantur*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1842. 300 p.
8. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1(1):70–75.
9. Инглот М. *Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена в мире*. Коваль А, переводчик. Москва: Институт Святого Фомы; 2004. 632 с.
10. Bieś AP, Chrost M, Topij-Stempińska B, redaktorzy. *Pamięć historia polityka*. Krakow: Akademia Ignatiarum Wydawnictwo WAM; 2012. 548 s.
11. Чугайнова ЮИ, Логинов ЕВ, Воронин АА, Басов АС, Бурмина КВ, Юнусов АТ и др. Прологомены ко всякому знанию, могущему называться априорным. *Финиковый компот*. 2016;11:3–14. EDN: GGHNEO.
12. Кант И. *Сочинения. Том 3*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. 799 с.
13. Zallinger JA. *Disquisitiones philosophicae Kantiana*. Wien: Augustae Vindelicorum; 1799. 432 p.
14. Tittel GA. *Kantische Denkformen oder Kategorien*. Frankfurt: Gebhard; 1787. 111 p.
15. Miotti P. *Ueber die Gottlosigkeit und Falschheit des Kantischen Systems*. Augsburg: [s. n.]; 1802. 120 p.

References

1. Liahchylin AA. [German philosophy in the intellectual culture of the North-Western region of the Russian Empire: a historiographical review]. In: Belarusian State University. *Natsional'nye kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii (novaya paradigma okhrany kul'turnogo i prirodnogo naslediya). Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 11–12 aprelya 2019 g.; Minsk, Belarus* [National cultures in intercultural communication (new paradigm for the protection of cultural and natural heritage). Proceedings of the 4th International scientific and practical conference; 2019 April 11–12; Minsk, Belarus]. Minsk: Kolorgrad; 2019. p. 43–50. Russian.
2. Klimovich AI. Angiolini vs Kant: philosophical endeavour at the Polotsk Jesuit Academy. *Kantian Journal*. 2023;42(1): 107–131. Russian. EDN: TJRQHO. DOI: 10.5922/0207-6918-2023-1-6.
3. Angiolini J. *Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*. Polack: Typis Academicis; 1819. 310 p.
4. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam intrudictione*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1843. 159 p.
5. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 302 p.
6. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 206 p.
7. Buczyński W. *Instutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritatem religionis applicantur*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1842. 300 p.
8. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1(1):70–75.
9. Inglot M. *Obshchestvo Iisusa v Rossiiskoi Imperii (1772–1820) i ego rol' v povsemestnom vosstanovlenii Ordena v mire* [The society of Jesus in the Russian Empire (1772–1820) and its role in the widespread restoration of the Order in the world]. Koval' A, translator. Moscow: Institut Svyatogo Fomy; 2004. 632 p. Russian.
10. Bieś AP, Chrost M, Topij-Stempińska B, redaktorzy. *Pamięć historia polityka*. Krakow: Akademia Ignatiarum Wydawnictwo WAM; 2012. 548 s.
11. Chugainova JuI, Loginov EV, Voronin AA, Basov AS, Burmina KV, Iunusov AT, et al. Prolegomena to any knowledge that will be able to present itself as a priori. *Date Palm Compote*. 2016;11:3–14. Russian. EDN: GGHNEO.
12. Kant I. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1965. 799 p. Russian.

13. Zallinger JA. *Disquisitiones philosophiae Kantiana*. Wien: Augustae Vindelicorum; 1799. 432 p.
14. Tittel GA. *Kantische Denkformen oder Kategorien*. Frankfurt: Gebhard; 1787. 111 p.
15. Miotti P. *Ueber die Gottlosigkeit und Falschheit des Kantischen Systems*. Augsburg; [s. n.]; 1802. 120 p.

Статья поступила в редколлегию 20.01.2024.
Received by editorial board 20.01.2024.

УДК 1(091) + 316.77

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ИДОЛОВ БЭКОНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ

И. И. ЛЕЩИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализирована теория идолов Бэкона в контексте коммуникативных практик общества постмодерна. Представлены современные проекции всех видов идолов Ф. Бэкона в пространстве веб-коммуникации. Выявлено методологическое значение данной теории для рассмотрения различных феноменов современной медиакультуры (фейк, хайп, троллинг, флейминг, фолловинг и др.). Установлена сущностная и функциональная общность данных феноменов и идолов познания, которые охарактеризовал английский философ. Исследована отрицательная роль современных идолов познания для человека и общества. Эксплицирован манипулятивный характер современных идолов и выявлены пути минимизации их негативного воздействия.

Ключевые слова: Ф. Бэкон; теория идолов; медиасфера; веб-коммуникация; постправда; интернет-дискурс; фейк; хайп; троллинг; флейминг; лидеры общественного мнения.

Образец цитирования:

Лещинская ИИ. Концептуально-методологическое значение теории идолов Бэкона: современные проекции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:28–36.
EDN: DZDCUS

For citation:

Liashchynskaya II. Conceptual and methodological significance of Bacon's theory of idols: modern projections. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:28–36. Russian.
EDN: DZDCUS

Автор:

Ирина Ивановна Лещинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Iryna I. Liashchynskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liracom@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1362-2629>

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE OF BACON'S THEORY OF IDOLS: MODERN PROJECTIONS

I. I. LIASHCHYNSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article is devoted to the analysis of Bacon's theory of idols in the context of communicative practices of post-modern society. Modern projections of all types of idols of F. Bacon in the space of web communication are presented. The methodological significance of this theory for the analysis of various phenomena of modern media culture is revealed (fake, hype, trolling, flaming, following, etc.). The essential and functional commonality of these phenomena and idols of knowledge, which were revealed by the English philosopher, has been established. The negative role of modern idols of knowledge for humans and society is analysed. The manipulative of character modern idols is explicated and ways to minimise their harmful effects are identified.

Keywords: F. Bacon; theory of idols; media sphere; web communication; post-truth; Internet discourse; fake; hype; trolling; flaming; leaders of public opinion.

Введение

Современный человек, оказавшийся в реальности, которая характеризуется нестабильностью, неопределенностью, сложностью и непредсказуемостью, нуждается в ценностных и методологических ориентирах. Состояния страха, потерянности и отчаяния стали спутниками человека, пережившего пандемию и являющегося свидетелем многочисленных военно-политических конфликтов и природных катаклизмов.

Можно констатировать, что современное человечество переживает кризис доверия к разуму. На практике эпоха господства толерантности с ее лозунгом «Все возможно» получила воплощение в принципе вседозволенности. Тотальная критика рационализма представителями постмодернистской философии с ее пафосом деконструкции опосредованно стала одной из причин размывания и разрушения принципов и норм системы международных отношений. Ситуация, сложившаяся в этой системе, близка к состоянию, которое было определено английским философом Т. Гоббсом как война всех против всех. Этот комплекс условий привел к резкому обострению противоречий между основными субъектами мировой системы и глобальному кризису.

В связи с указанными обстоятельствами обращение к творчеству новоевропейских философов, для которых были присущи беспрецедентная вера в разум и поистине подвижническое служение идее разумного преобразования мира и человека, становится, по мнению автора данной статьи, весьма актуальным. Их идейное наследие помогает понять суть происходящих процессов, а также определяет пути преодоления некоторых проявлений глобального кризиса. Рационализм, как мировоззренческая установка и классический тип рациональности, которые подвергались резкой критике в философском дискурсе в течении последних двух столетий, сегодня заслуживает внимания, потому что может быть использован в качестве инструмента для поиска путей выживания человечества. По этой причине неслучайны усилия современных философов по примирению «старого» и «нового» Просвещения и нахождению основания для «философии баланса, но не исключения» [1, с. 136]. В настоящем исследовании рассмотрены некоторые идеи и концепты новоевропейской философии, отчетливо демонстрирующие свою концептуально-методологическую значимость.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу статьи составили философские труды Ф. Бэкона и современные работы, посвященные творчеству данного мыслителя, а также различным аспектам веб-коммуникации: логико-гносеологическому, лингвистическому, социально-политическому и психологическому. В статье были использованы разработки в области методологии анализа современного информационного пространства и способов производства медиaproдуктов.

В рамках настоящего исследования применялись метод историко-философской реконструкции, по-

зволивший воспроизвести конкретные философские идеи и проследить процесс их развития; метод семантического анализа, с помощью которого была установлена логико-смысловая нагрузка исследуемых единиц; компаративный анализ, предоставивший возможность определить сущностное родство и сходство функционального статуса феноменов современной медиакультуры и идолов познания Ф. Бэкона; метод интерпретационного анализа, позволивший выявить смысл и значение исследуемых явлений.

Результаты и их обсуждение

Плеяду мыслителей новоевропейской философии открывает ее родоначальник и основатель методологии эмпиризма Ф. Бэкон. Его идейное наследие во многих аспектах не утратило актуальности и способно наглядно продемонстрировать свое значение для анализа современных реалий. Особый интерес в контексте современного информационного пространства представляет его широко известная теория идолов, изложенная в труде «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы». В ее рамках идея свободы получила свое первое развернутое теоретическое обоснование и была решена как гносеологическая проблема. Целью данной теории было освобождение разума от пленяющих его предрассудков. Кроме того, она выступила в качестве первой системной теории человеческих заблуждений, а следовательно, частью интеллектуального наследия, для которого история человеческих заблуждений является не менее важной, чем история побед, одержанных разумом.

Сейчас данная теория приобрела особую практическую и теоретическую значимость. Предрассудки, как в свое время предупреждали новоевропейские мыслители, могут видоизменяться сообразно уровню развитости и просвещенности общества, но при этом они не становятся менее опасными в своих последствиях. Так, французский философ-просветитель Н. де Кондорсе предупреждал о том, что «...некоторые предрассудки должны были рождаться в каждой эпохе нашего прогресса, чтобы распространить еще шире свое развращающее влияние, ибо люди остаются верными заблуждениям своего младенчества, своей родины, своего века еще долго после усвоения ими всех истин, необходимых для разрушения этих заблуждений» [2, с. 7].

Ф. Бэкон выделил четыре вида идолов, которые различными способами осаждают умы людей и досаждают им. Философ полагал, что их необходимо не только выявить и классифицировать, но и именовать соответствующим образом: «Для того чтобы изучить их, мы дали им названия. Назовем первый вид идолами рода, второй – идолами пещеры, третий – идолами площади и четвертый – идолами театра» [3, с. 18]. Ф. Бэкон считал, что они разными способами «пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине» [3, с. 18].

Сегодня в обществе, которое благодаря быстрому развитию и широкому распространению информационно-коммуникативных технологий именуется цифровым, или сетевым, данное учение становится чрезвычайно актуальным, что связано с целым рядом причин и прежде всего с распространением фейковых новостей (*fake news*) как специфическим феноменом современной культуры. Невиданная ранее интенсивность информационного потока и трансформация режима истины в режим пост-

правды (*post-truth*) обусловили появление системной основы производства фейковых новостей. Образование изолированных механизмов формирования ложных коллективных представлений и убеждений, а также быстрое их распространение посредством социальных сетей представляет реальную угрозу для человека и общества. Фейковые новости – это своего рода медиавирусы, которые способны «взрывать» информационное пространство и, овладев умами тысяч людей, нарушать стабильность и спокойствие в обществе.

Сетевое информационное пространство обеспечило целый ряд возможностей для создания фейковых новостей в форме речевого, визуального и текстового продукта. Такие новости получили широкое распространение во всех видах современного дискурса: экономическом, политическом, научном и т. д. Они «конструируются влиятельными акторами и распространяются влиятельными медиаагентами для достижения политических или коммерческих целей, легитимируются авторитетными новостными медиа и воспринимаются целевыми группами как достоверные новости из надежных источников» [4, с. 127]. По этой причине их называют «адвокатскими (политическими или коммерческими) медиапродуктами» [4, с. 128].

Слово «фейк» стало одним из самых часто употребляемых в пространстве социальных коммуникаций, что говорит о значимости феномена, который репрезентируется данным словом. Этому феномену и слову, номинирующему его, посвящены исследования в различных (лингвистической, политической, правовой, экономической) областях знания. Так, О. Е. Головацкая, анализируя наиболее популярные словарные издания, в том числе электронный ресурс «Википедия», приводит ряд наиболее распространенных значений слова «фейк»: «фальшивка, подделка»; «что-либо лживое, не соответствующее действительности, поддельное, вводящее в заблуждение»; «информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ» [5, с. 141].

Обращение к концепту «идол» в учении Ф. Бэкона позволяет обнаружить существенное сходство в его трактовке с тем, что имеют в виду современные исследователи под понятием «фейк». В определении упомянутого концепта новоевропейским философом были синтезированы две традиции: античная (греческое слово «эйдолон» обозначало «тень умершего», т. е. обманчивое видение) и средневековая (идол как истукан языческих религий, фальшивый бог). В результате это понятие стало употребляться мыслителем в значении искаженного образа, призрака, который способен увести человека на ложный путь познания. Фейки тоже представляют собой искаженный образ, так как они сочетают в себе факты и вымыслы. Факты целенаправленно отбираются

по степени их субъективной значимости для создателей такого рода новостных продуктов, благодаря чему они становятся информационной мистификацией, в контексте которой стираются границы между фактом и вымыслом, размываются критерии истинности. Такие факты фигурируют и распространяются под видом правдивой информации.

Ф. Бэкон в свое время обосновал необходимость разоблачения замаскированной под истину лжи и испровержения сформированных подобным образом идолов. Для новоевропейского философа демистификация идолов являлась необходимым условием освобождения разума от всего, что сковывает его деятельность. По мнению Ф. Бэкона, заблуждения, или мнимые знания, – это главные враги разума, без искоренения которых невозможна его свобода, а значит, адекватность и результативность его действий. Он был убежден, что заблуждения по тяжести негативных последствий превосходят невежество, поскольку первое в отличие от последнего «рядится» под истину, всячески маскирует свою неподлинность и притязает на занятие места истины. Заблуждение коварно, поскольку переход от знания к заблуждению зачастую незаметен.

Первым в ряду идолов и их современных модификаций Ф. Бэкон назвал идолов рода, которые проистекают из несовершенства познавательных способностей человека. Упрек в несовершенстве прежде всего относится к разуму, про который философ писал: «Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде» [3, с. 18]. Среди разнообразия данного вида идолов он отмечал предпочтительность привычного и выгодного, страсть к обнаружению порядка и единообразия, нетерпение в объяснении и склонность поддаваться влиянию больше положительных фактов, чем отрицательных.

Процесс восприятия новостей современными потребителями, как отмечают исследователи, достаточно наглядно демонстрирует широкий спектр проявлений вышеназванных видов идолов. Современные аналитики по этому поводу отмечают: «Чаше всего они предпочитают те интерпретации, которые совместимы с их собственными взглядами и/или интересами, независимо от качества представленных свидетельств и доводов (предвзятость подтверждения)» [4, с. 127]. Приоритет определенным интерпретациям со стороны потребителей подобного контента отдается ввиду совместимости с их взглядами и интересами. Оно созвучно тому, что было представлено Ф. Бэконом в утверждении: «Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял – потому ли, что это предмет общей веры или потому, что это ему нравится. Как бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их по-

средством различений с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной» [3, с. 20]. Данное положение философа позволяет обнаружить причины, в силу которых в топе просмотров и одобрений («лайков») оказывается информационная ложь. С его помощью можно также объяснить факт повышенного потребительского внимания к информации, подвергнутой значительной деформации. Рост интереса со стороны пользователей социальных сетей представляет собой цепную реакцию, в результате которой осуществляется заражение широкой аудитории медиавирусом такого рода.

Как отмечают исследователи сетевого пространства, в последние несколько лет наряду со словом «фейк» широкое распространение получил термин «хайп» и целый ряд его производных. Социальные сети изобилуют примерами употребления этого термина и таких понятий, отражающих явления и события, как хайпить, хайпануть, на хайпе. Их выбирают для наименования информационных продуктов (например, радиоканал «На хайпе», представляющий творчество хайповых личностей, книга А. Клэй «Зарабатывать на хайпе»). Рассматриваемое понятие также попало в сферу интересов исследователей, что позволило прояснить его происхождение и свойства, которые получили отражение в нем. Как писали К. В. Киуру и А. Д. Кривоносов, хайп (*hype* – обман, ажиотаж, навязчивая реклама) – «внезапный всплеск интереса в СМИ или в интернете к какому-либо событию или человеку» [6, с. 716]. Изначально это слово использовалось в сфере наркобизнеса как сокращенная версия от словосочетания «hypodermic needle» («игла для подкожного впрыскивания») для обозначения дозы наркотиков. Затем оно перешло в сферу рекламной деятельности как способ привлечения внимания к товару. В последние годы хайп становится новой формой дискурсивной практики, которая получила широкое распространение в различных видах социальной коммуникации [6].

Хайп-технологии и их влияние на формирование различных видов интернет-контента, в том числе политического, становятся объектом системного анализа. В качестве основных видов хайпа исследователи выделяют негативный, позитивный, личностный и ситуативный. Негативный хайп, базирующийся на скандалах, спорах и трагедиях, имеет отрицательную окраску. Позитивный хайп основан на событиях положительного характера. Личностный хайп может реализовываться в двух сценариях: как хайп-событие, используемое человеком для обретения интереса аудитории и славы, и как событие, совершаемое самим человеком. Ситуативный хайп возникает как мощный резонанс некоторого явления, имеющего неоднозначные по своему характеру последствия [6, с. 717–718].

Хайп, как новая разновидность дискурса, обладает значительным манипулятивным потенциалом.

Эмоционально заряженная информация очень быстро воздействует на человека: она способна исказить картину представляемого события, а также склонить личность к неадекватным оценкам происходящего и последующим реактивным действиям. Суггестивный характер хайпа проявляется в силу эмоциональности и заразительности установок, имплицитно присутствующих в нем и направленных на его аудиторию.

Некоторые положения Ф. Бэкона еще более глубоко раскрывают природу и роль идолов рода и, соответственно, природу хайпа как их современного «мутанта». Он писал: «На разум человеческий больше всего действует то, что сразу и внезапно может его поразить; именно это обыкновенно возбуждает и заполняет воображение» [3, с. 21]. Философ предупреждал: человек с легкостью отдает предпочтение тому, что возбуждает его чувства, несмотря на то что события, не обладающие таким воздействием, гораздо благоприятнее для него. Страсти способны бесконечно «пятнать и портить» разум и погружать его в «низменное и непрочное» [3, с. 22].

Человек, по мнению Ф. Бэкона, не любит трудности, потому что ему не хватает терпения [3]. Хайп – это орудие быстрого получения желаемого результата. Философ утверждал, что человек не любит трезвое, т. е. то, что способен видеть ясный (адекватно воспринимающий) ум. Причину этого Ф. Бэкон видел в том, что трезвость ума «неволит надежду» [3, с. 21], иначе говоря, не позволяет человеку оторваться от суровой реальности и пребывать в пустых, а порой и опасных иллюзиях. Хайп также дарует надежду на быстрое и легкое исполнение желаний. Новоевропейский философ в связи с этим писал: «Обращаться же к далеким и разнородным доводам, посредством которых аксиомы испытываются как бы на огне, ум вообще не склонен и не способен, пока этого не предпишут ему суровые законы и сильная власть» [3, с. 21].

Одну их разновидностей заблуждений Ф. Бэкон назвал идолами пещеры: «Ведь у каждого, помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы» [3, с. 19]. По его мнению, они являются самыми многочисленными и разнообразными, потому что «происходят из присущих каждому свойств как души, так и тела, а также из воспитания, из привычек и случайностей» [3, с. 23]. Философ предупреждал: к идолам пещеры следует относиться с большой осторожностью по причине того, что способны совращать и загрязнять человеческий разум.

В современном обществе «игра» на человеческих слабостях и пристрастиях также представляет угрозу и приводит к потерям, а иногда – к настоящим бедствиям. Эта угроза возросла в связи с использованием интернет-технологий. Обилие соблазнов, обуславливающих появление желания быстро обогатиться, легкое и не требующее усилий достижение успешности и славы, делает из людей многочислен-

ных жертв идолов пещеры. Разочарования и потери, а также настоящие трагедии, которые порой достойны пера великого У. Шекспира, демонстрируют плененность современного человека идолами пещеры.

Аккаунты в социальных сетях выступают современным аналогом «платоновской пещеры»: позволяют человеку укрыться от внешнего мира, спрятать за красочными и победоносными постами свои страхи, неуверенность и одиночество. Кроме того, контент, размещаемый на персональных страницах, далек от реальности и иногда является мистификацией, миром теней. Яркие картинки бесконечной вереницы постов являются отражением страстного желания определенной части пользователей любой ценой повысить самооценку и свой сетевой статус. В силу этого сетевой контент – наглядное воплощение их притязаний на успешность, одобрение которого со стороны других пользователей позиционируется в качестве необходимого условия ее быстрого достижения. Как результат, формируется человек грезящий, который верит, что в виртуальном мире все возможно и все дозволено. Для значительной части медиаакторов визуализация становится жизненно необходимой, так как воспринимаемость и видимость выступает для них свидетельством собственной успешности и благополучия. Приговор, который вынес Ф. Бэкон деятелям такого рода, звучит следующим образом: «...они почти всегда не могут выполнить того, что обещают, подобно падению Икара с неба, теряют уважение к себе, вызывают презрение к себе и погибают из-за чрезмерного хвастовства» [7, с. 373]. Они неизбежно изобличают сами себя из-за непомерного тщеславия и жажды публичного успеха.

В современных реалиях представленное Ф. Бэконом объяснение природы и раскрытие негативной роли в жизни общества идолов площади (рынка) особенно актуальны. По мнению философа, они представляют особую опасность, так как нестрогое и нелепое установление слов разнообразными и пагубными способами «осаждают разум». Он утверждал: «Но тягостнее всех идола площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами» [3, с. 25]. Философ был убежден, что слова люди устанавливают не в строгом согласии с разумом и рационально организованным способом, а «сообразно разумению толпы». Эти идола распространяются в силу взаимосвязанности сообщества людей и их постоянному общению друг с другом [3, с. 19]. В настоящий момент такая связанность многократно усилилась благодаря социальным сетям и создала еще более благоприятные условия для активизации и размножения идолов площади. Плотная система межличностных отношений и сетевого общения породила «множество трансмедийных мультимодальных дискурсов, инициируемых неисчислимыми социальными акторами, которые с помощью медиаагентов конструируют и распро-

страняют адвокатские медиапродукты, формируют в медиасфере мультимодальные семиотические сети» [8, с. 46]. Для постмодернистского дискурса, получившего широкое распространение в современном публичном пространстве, характерны неопределенность, многозначность, контекстуальность и прагматичность. «В постмодернистском контексте нет ничего завершенного, целостного, связного, централизованного, замкнутого, постоянного, есть только недосказанное, эклектичное, фрагментарное, рассредоточенное, открытое, текучее (“ризоматичность”»)» [8, с. 42]. Кроме того, принцип иронизации, характерный для рассматриваемого дискурса, способен превратить «любые дискуссии, даже на серьезные темы, в риторический гвалт» [8, с. 42].

Имеющиеся в словах неоднозначность и эклектизм могут создать проблемы не только для отдельного человека, но и для больших социальных групп. Контент в социальных сетях наглядно демонстрирует разнообразие моделей агрессивного речевого поведения. В этом отношении любой фейк представляет собой инструмент деструктивного речевого воздействия. При анализе фейка как вида речевого воздействия исследователи Д. И. Ляшенко и В. Ю. Меликян, основываясь на идее Аристотеля о трехчастной структуре речевой модели (логос, этос и пафос), полагают, что «фейк является некорректным типом речевого воздействия, при котором нарушение норм логоса, пафоса и этоса способствует реализации деструктивного коммуникативного замысла и порождает речевую агрессию в коммуникации» [9, с. 72]. Нарушение норм логоса как рациональной процедуры обоснования происходит в фейке посредством пренебрежения законами логики и использования значительного количества лжи. Нормы этоса, который является воплощением морально-нравственного аспекта речи, нарушаются путем применения «скрытой или явной речевой агрессии, конфронтационных коммуникативных тактик, а также негативной... речи» [9, с. 71]. Все это неизбежно приводит к трансформации эмоционального компонента речи – пафоса, который становится основным источником деструктивности фейка. Данное изменение происходит в силу превышения нормы воздействия информации на адресата посредством различных приемов (категоричность требований, нарушение максимы такта, подмена этикетной формы обращения, несоблюдение максим вежливости). В результате актуализируются экспрессивный потенциал речевого поведения и негативный эмоционально-оценочный фон ситуации общения. В комплексной модификации всех трех частей речевой модели создаются необходимые и достаточные условия для формирования агрессивного речевого поведения [9, с. 64].

Специфическими формами речевой агрессии, получившими широкое распространение в интернет-коммуникации, являются троллинг (речевая прово-

кация) и флейминг (спор ради спора). Они наглядно демонстрируют прямые негативные последствия воздействия идолов площади. В данном случае в роли площади, или рынка, в современных условиях может выступать и реальное, и виртуальное пространство. В основе этих форм речевой агрессии «лежит прагматическая установка адресанта на коммуникативное доминирование» [10, с. 111]. Цель таких форм – дестабилизация процесса общения и коммуникативный конфликт.

Троллинг, как речевая провокация, выполняет задачу эскалации коммуникативного конфликта. Данная задача может быть решена с помощью различных тактик: шоковой терапии, перехода на личности и др. В рамках интернет-дискурса эти коммуникативные явления могут быть связаны между собой причинно-следственной связью, в рамках которой троллинг выступает в качестве причины, а флейминг – в роли следствия. Флейминг, как результат троллинга, «представляет собой агрессивное речевое взаимодействие, смысл которого состоит исключительно в развитии агонального диалога или полилога» [10, с. 114]. В этом отношении показательно предупреждение Ф. Бэкона для тех, кто пребывает в полной уверенности, «что их разум повелевает словами» [3, с. 25]. Он был убежден, что такого рода уверенность – это самообольщение человеческого разума, так как слова способны обращать свою силу против него: «Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям» [3, с. 19].

Еще одной демонстрацией недоверия к слову в современном социуме является профайлинг. Эта деятельность направлена на создание психологического профиля (психологического портрета) человека посредством наблюдения и анализа полученных о нем в процессе межличностной коммуникации данных. Профайлинг, по мнению Т. А. Воронцовой, есть «комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных качеств, скрывающих мотивы и оценку передаваемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения субъектов, по прогнозированию процессов развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека» [11, с. 23].

Профайлинговая система оценивает достоверность транслируемой человеком информации с помощью анализа форм его невербальной коммуникации. Данные методики и технологии получили широкое распространение в различных сферах и структурах современного общества. Возникнув в области криминалистики как особый вид экспертной деятельности, профайлинг популяризировался в транспортной, авиационной, управленческой и иных видах деятельности. Растущий интерес к такого рода практикам становится прежде всего следствием недоверия современного человека к вербальной коммуникации.

Одной из его важнейших функций является верификация информации и выявление лжи. По этой причине комплекс методик профайлинга, основанных на анализе наиболее информативных признаков (эмоций, мимики, жестов, речи, поведения, внешнего вида и др.), определяется как неинструментальная форма детекции лжи [11].

Критика идиолов площади Ф. Бэконом также имела своей целью борьбу с искажающим воздействием семантического арсенала языков как на обыденное, так и на научное познание. По этому поводу Н. Ф. Пономарев отмечал: «В публичном дискурсе на смену ожидаемым правдивости, уместности и понятности (в соответствии с максимами кооперативной коммуникации, а также гарантиями релевантности) приходит иронизация как одновременно эксплицитное (явное) утверждение и имплицитное (подразумеваемое) отрицание истинности конкретного факта (ситуации, события, состояния)» [8, с. 41]. Многочисленные медиапродукты нарративной обманной коммуникации выступают в качестве современного аналога идиолов площади, которые «вселились» в души людей благодаря корыстным усилиям демагогов и по совместительству коммерсантов, зарабатывающих на реализации недоброкачественного товара.

С идолами площади тесно связан последний вид заблуждений – идолы театра. По мнению Ф. Бэкона, эти ложные представления являются результатом легковверного, некритического восприятия авторитетов и слепого преклонения перед ними. Философ имел в виду прежде всего создателей ложных философских учений и теорий. Он полагал, что их авторы разыгрывали собственное театральное представление, комедии об искусственных мирах, которые способны зачаровывать людей, подчинять умы, уводить человека от реальности и ее познания: «Вымыслам этого театра свойственно то, что бывает и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слажены и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории» [3, с. 27]. Современное состояние социума демонстрирует в великом множестве и разнообразии этот вид идиолов. Точно так же сегодня многочисленные пьесы онлайн- и офлайн-театра могут затуманивать разум людей и лишать их способности понимать и адекватно оценивать происходящие события. Вымышленные миры, созданные с помощью информационно-коммуникационных технологий, представлены современному человеку посредством технологий расширенной реальности. Они в разной форме и в различной степени способны погружать людей в цифровую симуляцию и изменять их мировоззренческие структуры, а также программы поведения, деятельности и общения. Понятие расширенной реальности (*extended reality*) включает в себя виртуальную (*virtual reality*), дополненную (*augmented reality*) и смешанную (*mixed reality*) реальности.

Использование расширенной реальности сегодня возможно в различных сферах. С одной стороны, благодаря преодолению разрыва между виртуальным и физическим мирами применение данных технологий открыло новые формы и способы социальных практик, в основу которых положен продуктивный интерактивный опыт. Эти технологии расширяют границы пространственно-временного континуума человека. С другой стороны, новые возможности создают риски. Представленные формы расширенной реальности, выступая в качестве медиума между личностью и миром, во многом лишают ее непосредственного контакта с ним. Искусственно созданная картина реальности (своего рода театральная декорация) заменяет собственное видение мира и определяет жизнь человека. Кроме того, «...технологическая и содержательная социальная медиатизация неуклонно замещает непосредственные впечатления индивида опосредованными интерпретациями других субъектов, неуклонно трансформирует медиасферу из аспекта социальной реальности в ее особый модус существования. В результате индивиды, как медиаюзеры, аффективно-когнитивно реагируют на опосредованные медиаагентами социальные события так, как будто бы являются их прямыми участниками (“эффект присутствия”») [4, с. 712]. Виртуализация сознания неизбежно ведет к расширению возможностей манипуляции человеком, так как снижается потенциал его субъектности. Люди, которые максимально погружены в медиажизнь, «все чаще ориентируются при принятии решений в первичной реальности социосферы на переживания и впечатления», конструируемые медиаагентами в медиасфере [8, с. 39].

О самих авторитетах Ф. Бэкон писал: «Они не столько принесли пользы своими способностями, сколько вреда тем, что погубили и совратили способности других» [3, с. 36]. Анализируя этот род идиолов, философ «объявил войну» некритическому следованию авторитетам, а тех, кто слепо повинуется им, он называл пленниками. В качестве идиолов современного театра выступают наиболее влиятельные актеры публичного пространства, так называемые лидеры общественного мнения. К ним относят стейкхолдеров, трендсеттеров, блогеров, которые посредством веб-коммуникации способны воздействовать на социальную систему и приводить к ее существенной трансформации. Ф. Бэкон, анализируя такого рода учителей, писал, что они склонны к тщеславию и суетности. Философ предупреждал о презентации ими собственных достоинств, достижений, их обещаниях обеспечить успех своим последователям и почитателям: «Их мудрость представляется богатой словами, но бесплодной в делах» [3, с. 36].

Авторство в социальных сетях многолико, а также разнообразно по своим формам. Оно может быть открытым или скрытым, персональным или групповым. «На смену традиционным лидерам обще-

ственного мнения – конкретным людям, имеющим публичный статус, – приходят трендсеттеры («предсказатели» и законодатели новых общественных трендов), блогеры (в силу своего истинного или искусственного публичности персоны, имеющие возможность формировать повестку дня публичной web-сферы)» [12, с. 14]. Они не только задают тренды, но и управляют своими неопитами, атрибутивными средствами самоидентификации, а также характером общения в сети. Информация и коммуникация трендсеттеров «направлена на френдов (подписчиков отдельного индивида в социальных сетях), фолловеров (в широком смысле последователей, или наблюдателей)» [12, с. 14–15]. Эти многочисленные потребители, сторонники, клиенты становятся пленниками таких авторитетов. Как результат, формируются сети друзей и почитателей. Впечатляющим примером коллективного подчинения идолам театра является массфоллоуинг (*mass following* – следовать за толпой), который представляет массовую подписку на аккаунты авторитетов в социальных сетях как ручным способом, так и автоматическим (с помощью сервисов, программ).

В результате слепого следования новоявленным идолам театра дружба замещается «френдингом», любовь превращается в «вирт», а симпатия проявляется в «лайкинге». Современный человек попадает

в зависимость от новых специфических форм близких отношений, навязываемых влиятельными акторами веб-коммуникации. Кроме того, представленный категориальный аппарат этих отношений убедительно демонстрирует тесную связь идолов театра и идолов площади, так как социальные сети поставили на первое место не реальные отношения, а информационный обмен между людьми. Этот процесс, как было показано, не является продуктивным диалогом равноправных субъектов, так как часто имеет своей целью обретение власти над человеком и извлечение выгоды. В связи с этим будет уместным привести пожелание Ф. Бэкона, адресованное читателям его основного произведения «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы». В предисловии к нему он писал: «Пусть они прежде надлежащим образом изучат предмет; пусть они сами понемногу испытают тот путь, который мы указываем и пролагаем; пусть они привыкнут к тонкости вещей, запечатленной в опыте; пусть они, наконец, исправят... превратные и глубоко засевшие навыки ума... и тогда, наконец... пусть воспользуются своей способностью суждения» [3, с. 11]. Эти слова могут быть рассмотрены как предупреждение и наставление, оставленные новоевропейским мыслителем, который осознал и отразил в своем учении характер и степень опасности, исходящую от различных идолов познания.

Заключение

Теория идолов, разработанная более четырех столетий назад Ф. Бэконом, не утратила своей значимости в эпоху «текучей» современности и всеобщей сетевизации. Необходимость борьбы с сегодняшними идолами и их воплощениями в многочисленных вирусных продуктах является жизненно важной задачей для человека. Представленное Ф. Бэконом исследование всего разнообразия заблуждений человеческого разума позволяет раскрыть и понять природу современных идолов, выявить комплекс их негативных последствий и определить эффективные способы борьбы с ними. Теория Бэкона и сегодня может выступить в качестве программы реформы познавательной и коммуникативной сфер современного общества, а также в качестве алгоритма борьбы с его заблуждениями.

В рамках своей философской системы Ф. Бэкон также представил оригинальный проект консолидации ученых и философов как носителей научных

знаний и гуманистических ценностей. В современной мире без подобного рода консолидации невозможны разоблачение и низложение новоявленных идолов. В соответствии с идейным завещанием великого новоевропейского философа только освобожденный из плена призрачной веры в авторитеты и вооруженный научным методом познания разум способен разоблачить обманчивые идеалы, иллюзорные надежды и расчеловеченные модели поведения. В этом отношении философское наследие Ф. Бэкона имеет методологическое значение не только для критического осмысления современных идолов, но и для обеспечения конструктивной и безопасной коммуникации. Без руководства разума и укрощения с его помощью слепых страстей современному человеку невозможно сохранить и созидательным способом реализовать свою субъектность и, следовательно, успешно преодолеть последствия системного кризиса.

Библиографические ссылки

1. Старцева АА, Сабанов АО. Иммануил Кант и «новое Просвещение». Обзор международной научной конференции. *Кантовский сборник*. 2023;42(1):132–145. EDN: EUXLVH.
2. де Кондорсе Н. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. Шапиро АИ, переводчик. Москва: Юрайт; 2024. 193 с.
3. Бэкон Ф. *Сочинения*. Том 2. Субботин АЛ, составитель и редактор; Александрова ЗЕ, Гутерман АН, Красильщиков С, Лагутин ЕС, Федоров НА, переводчики. Москва: Мысль; 1978. Новый органон; с. 5–214.

4. Пономарев НФ. Фейковые новости в контексте постправды. *E-Scio*. 2019;6:126–133. EDN: ZDTACC.
5. Головацкая ОЕ. Значение и происхождение термина «fake news». *Коммуникология*. 2019;7(2):139–152. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152.
6. Киуру КВ, Кривоносов АД. Трансформации медиасреды как объект исследования теории массовых коммуникаций. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2018;7(4):711–723. EDN: YTCWIX.
7. Бэкон Ф. *Сочинения. Том 2*. Субботин АЛ, составитель и редактор; Александрова ЗЕ, Гутерман АН, Красильщиков С, Лагутин ЕС, Федоров НА, переводчики. Москва: Мысль; 1978. О мудрости древних; с. 231–300.
8. Пономарев НФ. Постмодернистский дискурс в эпоху конвергенции. *Филология в XXI веке*. 2020;2:38–52. EDN: WSAEXU.
9. Ляшенко ДИ, Меликян ВЮ. Феномен «фейк» в системе видов речевого воздействия. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021;3:63–74. EDN: LMRFFU.
10. Воронцова ТА. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2016;26(2):109–116. EDN: VYWTNF.
11. Арпентьева МР. Экспертный профайлинг как сфера профессиональной деятельности психолога-практика. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 2016;3:20–32. EDN: YUORNV.
12. Кривоносов АД, Лебедева ТЮ. Антропоцентризм цифровых коммуникаций: коллективное одиночество. В: Кривоносов АД, редактор. *Коммуникации в условиях цифровой трансформации. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции; 29–30 ноября 2021 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: АНО «София»; 2021. с. 13–20. EDN: JVKWQI.

References

1. Startseva AA, Sabanov AO. Immanuel Kant and the «new Enlightenment». International conference report. *Kantian Journal*. 2023;42(1):132–145. Russian. EDN: EUXLVH.
2. de Condorcet N. *Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Sketch of a historical picture of the progress of the human mind]. Shapiro AI, translator. Moscow: Yurait; 2024. 193 p. Russian.
3. Bacon F. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Subbotin AL, compiler and editor; Aleksandrova ZE, Guterman AN, Krasil'shchikov S, Lagutin ES, Fedorov NA, translators. Moscow: Mysl'; 1978. [New organon]; p. 5–214. Russian.
4. Ponomarev NPh. [Fake news in the context of post-truth]. *E-Scio*. 2019;6:126–133. Russian. EDN: ZDTACC.
5. Golovatskaya OE. The meaning and the origin of «fake news» concept. *Communicology*. 2019;7(2):139–152. Russian. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152.
6. Kiuru KV, Krivonosov AD. Media environment transformations as an object of study of the theory of mass communications. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2018;7(4):711–723. Russian. EDN: YTCWIX.
7. Bacon F. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Subbotin AL, compiler and editor; Aleksandrova ZE, Guterman AN, Krasil'shchikov S, Lagutin ES, Fedorov NA, translators. Moscow: Mysl'; 1978. [About the wisdom of the ancients]; p. 231–300. Russian.
8. Ponomarev NPh. Postmodernity discourse in the epoch of convergence. *Philology in the XXI Century*. 2020;2:38–52. Russian. EDN: WSAEXU.
9. Lyashenko DI, Melikyan VYu. «Fake» phenomenon in the system of types of linguistic manipulation. *Current issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;3:63–74. Russian. EDN: LMRFFU.
10. Vorontsova TA. Trolling and flaming: speech aggression in the Internet communication. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2016;26(2):109–116. Russian. EDN: VYWTNF.
11. Arpentieva MR. Expert profiling as sphere of practical psychologist's professional activity. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 2016;3:20–32. Russian. EDN: YUORNV.
12. Krivonosov AD, Lebedeva TYu. [Anthropocentrism of digital communications: collective loneliness]. In: Krivonosov AD, editor. *Kommunikatsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29–30 noyabrya 2021 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Communications in the context of digital transformation. Proceedings of the 5th International scientific and practical conference; 2021 November 29–30; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: ANO «Sofiya»; p. 13–20. Russian. EDN: JVKWQI.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2024.
Received by editorial board 12.03.2024.

МУДРОСТЬ Ф. ЛАРОШФУКО В КНИГЕ «МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ»

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены взгляды Ф. Ларошфуко, согласно которым жизнь человека есть результат взаимодействия судьбы, случая с одной стороны и воли, человеческих поступков с другой стороны. Установлено, что страсти управляют поведением людей и определяют их настроение, воздействие страстей сильнее влияния разума, а способность человека познать мир своих страстей, овладеть ими и даже скрыть их от других весьма ограничена. Отмечено, что одной из самых сильных человеческих страстей является гордость. Показано, что Ф. Ларошфуко подвергал поступки людей разностороннему критическому анализу и указывал на необходимость большей объективности и самокритики человека по отношению к себе. Выделены положительные черты характера: бесстрашие, великодушие, доброта и искренность.

Ключевые слова: личность; поведение; страсти; разум; характер; самолюбие; добродетели; пороки.

THE WISDOM OF F. LA ROCHEFOUCAULD'S IN THE BOOK «MAXIMS AND MORAL REFLECTIONS»

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The views of F. La Rochefoucauld are considered, according to which human life is the result of the interaction of fate, chance, on the one hand, and will, human actions, on the other. It is noted that passions guide behaviour and determine the mood of people. The influence of passions is stronger than the influence of reason. The ability of a person to know the world of his passions, master them and even hide them from others is very limited. One of the strongest human passions is pride. Pride sets in motion both virtues and vices. Analysing the tactics of human actions, F. La Rochefoucauld subjects them to a versatile critical analysis, points out the need for greater objectivity and self-criticism of people in relation to themselves. Positive traits of character are highlighted: fearlessness, generosity, kindness and sincerity.

Keywords: personality; behaviour; passions; intelligence; character; self love; virtues; vices.

Ф. Ларошфуко принадлежал к известному аристократическому роду и воспитывался при французском королевском дворе. Результатом его многолетнего общения с людьми придворного круга, чьи нравы философ изучил досконально, поскольку играл в нем видную роль, стал сборник афоризмов «Мак-

симы и моральные размышления». И хотя он представляет собой описание кодекса поведения преимущественно придворных людей, тонкие и отчасти саркастические наблюдения Ф. Ларошфуко, а также нормы и правила, отраженные в данном труде, имеют большое значение.

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость Ф. Ларошфуко в книге «Максимы и моральные размышления». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:37–46.
EDN: HSWARJ

For citation:

Rubanau AV. The wisdom of F. La Rochefoucauld's in the book «Maxims and moral reflections». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2: 37–46. Russian.
EDN: HSWARJ

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Жизнь человека, согласно Ф. Ларошфуко, есть своеобразный результат взаимодействия и взаимопереплетения его воли и действий, а также судьбы и случая. Что касается соотношения судьбы и случая, то о роли второго писатель говорил реже. Судьба чаще оказывает благотворное влияние на жизнь, хотя и относится к людям весьма избирательно: «Наши поступки словно бы рождаются под счастливой или несчастной звездой; ей они и обязаны большей частью похвал или порицаний, выпадающих на их долю» [1, максима 56]; «Каких только похвал не возносят благоразумию! Однако оно не способно уберечь нас даже от ничтожнейших превратностей судьбы» [1, максима 65]; «Наделяет нас достоинствами природа, а помогает их проявить судьба» [1, максима 153]; «Судьба исправляет такие наши недостатки, каких не мог бы исправить даже разум» [1, максима 154]; «Судьба все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует» [1, максима 60]. Судьбы людей несхожи, однако «равновесие в распределении благ и несчастий как бы уравнивает их между собой» [1, максима 52]. Некоторые люди, кому «на роду написано быть глупцами... делают глупости не только по собственному желанию, но и по воле судьбы» [1, максима 309].

Случай, как пишет Ф. Ларошфуко, занимает существенное место в жизни человека: «Как бы ни кичились люди величием своих деяний, последние часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности» [1, максима 57]; «Наше здравомыслие так же подвластно случаю, как и богатство» [1, максима 323]. У многих людей есть скрытые свойства, и «обнаружить их может только случай» [1, максима 344]. Плохие качества, как и хорошие, «неопределенны и сомнительны, и почти всегда они зависят от милости случая» [1, максима 470].

Как относится сам человек к власти судьбы и случая над ходом его жизни? Прежде всего, он в нее верит: «Мы лишь тогда осмеливаемся проявлять неверие в силу и влияние небесных светил, когда речь идет о делах несущественных» [1, максима 302]. Французский мыслитель давал несколько советов о том, как человеку обращаться со своей судьбой. Во-первых, с ней «следует обходиться, как со здоровьем: когда она нам благоприятствует, наслаждаться ею, а когда начинает капризничать, терпеливо выжидать, не прибегая без особой необходимости к сильнодействующим средствам» [1, максима 392]. Во-вторых, «нужно уметь искусно пользоваться всем, что предлагает судьба», и это поможет стать великим человеком [1, максима 343]. Ф. Ларошфуко напоминал: «Судьбу считают слепой главным образом те, кому она не дарует удачи» [1, максима 391].

Однако жизненный путь человека определяется не только судьбой и случаем, но и его поведением. Как писал мыслитель, «миром правят судьба и прихоть» [1, максима 435], т. е. надуманное, капризное

желание, а «наши прихоти куда причудливее прихотей судьбы» [1, максима 45]. По этой причине для человека особое значение имеют придание своей жизни достойного смыслового наполнения, выбор четких целей, нахождение оптимальных путей их достижения и проявление на пути к ним достаточных волевых усилий. Логика рассуждений Ф. Ларошфуко на этот счет прослеживается в его высказываниях.

Высказывание о смысле. «Любое, даже самое громкое деяние нельзя назвать великим, если оно не было следствием великого замысла» [1, максима 160].

Высказывания о постановке и достижении цели. Замысел и деяние «должны соответствовать друг другу, не то заложенные в них возможности так и останутся неосуществленными» [1, максима 161]. Предусмотрительный человек определяет место для каждого своего желания и затем исполняет их по порядку. Человеческая жадность «часто нарушает этот порядок» и «заставляет... преследовать одновременно такое множество целей, что в погоне за пустяками» люди упускают существенное [1, максима 66]. Прозорливости лишены «не те люди, которые не достигают цели, а те, которые прошли мимо нее» [1, максима 377]. По мнению Ф. Ларошфуко, «мы редко до конца понимаем, чего мы в действительности хотим» [1, максима 295] и «если бы мы точно знали, чего... хотим», то «у нас нашлось бы очень мало страстных желаний» [1, максима 439]. Все, что человеку не удастся, перестает его привлекать [1, максима 379]. «В серьезных делах следует заботиться не столько о том, чтобы создавать благоприятные возможности, сколько о том, чтобы их не упускать» [1, максима 453]. Надежда может быть обманчивой, однако «до конца наших дней она ведет нас легкой стезей» [1, максима 168].

Высказывания о месте воли на пути к достижению цели. В мире «мало недостижимых вещей», поэтому, если бы у людей было «больше настойчивости», они смогли бы «отыскать путь почти к любой цели» [1, максима 243]. Люди, «чтобы оправдаться в собственных глазах», часто убеждают себя в том, «что не в силах достичь цели», но на самом деле они «не бессильны, а безвольны» [1, максима 30].

Неоднозначную жизненную ценность для французского мыслителя имеют присущие людям себялюбие и своекорыстие. Последнее «приводит в действие все добродетели и все пороки» [1, максима 253]. Одним оно ослепляет, «другим открывает глаза» [1, максима 40]. Во всех человеческих преступлениях винят своекорыстие и забывают «при этом, что оно нередко заслуживает похвалы за наши добрые дела» [1, максима 305]. Однако Ф. Ларошфуко чаще указывал на отрицательные стороны этих качеств, выражающиеся в порождении разных человеческих пороков, ведущие к обману себя и других и в итоге наносящие многообразный вред своему обладателю. Как утверждал философ, «ни один хитрец

не сравнится в хитрости с самолюбием» [1, максима 4] и «ни один льстец не льстит так искусно, как себялюбие» [1, максима 2]. В большинстве случаев преданность есть «уловка самолюбия, цель которой – завоевать доверие; это способ возвыситься над другими людьми и проникнуть в важнейшие тайны» [1, максима 247]. Своекорыстие может говорить «на всех языках» и разыгрывать «любые роли – даже роль бескорыстия» [1, максима 39]. Иногда людям кажется, что «себялюбие попадает в сети к доброте и невольно забывает о себе», когда они трудятся «на благо ближнего». В сущности, «мы просто избираем кратчайший путь к цели, как бы отдаем деньги в рост под видом подарка и таким образом применяем тонкий и изысканный способ завоевать доверие окружающих» [1, максима 236]. По мнению мыслителя, «легче пренебречь выгодой, чем отказаться от прихоти» [1, максима 390]. Самолюбие страдает больше тогда, «когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды» [1, максима 13]. Чаще в основе огорчений «лежит обманутое своекорыстие или уязвленное тщеславие» [1, максима 232]. Говоря о том, что представленный черный список самолюбия можно существенно расширить, Ф. Ларошфуко подытоживал: «Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель» [1, максима 3].

Самолюбие – одна из самых сильных человеческих страстей, а именно страсти, согласно Ф. Ларошфуко, управляют поведением людей и определяют их настроение. Людям часто кажется, что они владеют собой, тогда как в действительности что-то владеет ими. «Пока разумом он (человек. – А. Р.) стремится к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой» [1, максима 43]. Человек не в силах и представить, на что его могут «толкнуть... страсти» [1, максима 460]. Есть «такая степень счастья и горя, которая выходит за пределы нашей способности чувствовать» [1, максима 464].

Воздействие страстей на поведение сильнее влияния разума. Способность человека познавать мир своих страстей, овладеть ими и даже скрывать их от окружающих является весьма ограниченной. По этому поводу Ф. Ларошфуко писал следующее: «Мы никогда не стремимся страстно к тому, к чему стремимся только разумом» [1, максима 469]; «Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца» [1, максима 108]; «Ум всегда в дураках у сердца» [1, максима 102]. Не каждый, кто познал «глубины своего ума, познал глубины своего сердца» [1, максима 103]. Человек пытается «скрыть... страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров» [1, максима 12].

Мир страстей необычайно динамичен. Они могут угасать так же быстро, как и вспыхивать, нередко являются весьма противоречивыми, вступают в своеобразное противоборство и сменяются одна другой.

Когда «происходит непрерывная смена страстей... угасание одной из них почти всегда означает торжество другой» [1, максима 10]. В одном человеческом сердце уживаются «множества противоречивых чувств» [1, максима 478]. «Наши страсти часто являются порождением других страстей, прямо им противоположных: скупость порой ведет к расточительности, а расточительность – к скупости; люди нередко стойки по слабости характера и отважны из трусости» [1, максима 11].

Влияние страстей на человека и его поведение является более чем неоднозначным вплоть до того, что они превращают «умного человека в глупца», но не менее часто наделяют «дураков умом» [1, максима 6]. С одной стороны, благодаря им раскрываются способности и проявляются таланты людей: «...природа скрывает в глубинах нашей души способности и дарования, о которых мы и сами не подозреваем; только страсти пробуждают их к жизни и порою общают нам такую пронизательность и твердость, каких при обычных условиях мы никогда не могли бы достичь» [1, максима 404]. С другой стороны, «страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными» [1, максима 9].

Попытки овладеть своими страстями, стать свободным от них (тем более противодействовать им) даются человеку нелегко и часто оказываются безуспешными. Долговечность страстей зависит от него так же, как и долговечность жизни [1, максима 5]. Здоровье хрупко, как и «здоровье тела, и тот, кто мнит себя свободным от страстей, так же легко может им поддаться, как человек цветущего здоровья заболеть» [1, максима 188]. Человек сопротивляется страстям не потому, что он силен, «а потому, что они слабы» [1, максима 122]. Люди, которым «довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению, и горюют о нем» [1, максима 485]. Как писал философ, «пока угасающая страсть все еще волнует наше сердце, оно более склонно к новой любви, чем впоследствии, когда наступает полное исцеление» [1, максима 484].

Изложение характеристики, которую Ф. Ларошфуко дал человеческому уму и его способностям, лучшего всего начать с выдвинутого им положения о двух разновидностях любопытства: своекорыстном (внушенном «надеждой приобрести полезные сведения») и самолюбивом (вызванном «желанием узнать то, что неизвестно другим» [1, максима 173]). Особенности умственной деятельности человека, в том числе те, которые оцениваются весьма критически, он описывал в представленных ниже афоризмах.

Общие оценки. «Умен не тот, кого случай делает умным, а тот, кто понимает, что такое ум, умеет его распознать и любит его» [1, максима 105]. «Учтивость ума заключается в способности думать достойно

и утонченно» [1, максима 99]. «Порою в нашем уме рождаются мысли в форме уже такой отточенной, какую он никогда не смог бы придать им, сколько бы ни ухищрялся» [1, максима 101].

Критические высказывания. «Наш разум по своей лености и косности занят обычно лишь тем, что ему легко или приятно; эта привычка ограничивает наши познания, и никто еще не дал себе труда обогатить и расширить свой разум до пределов возможного» [1, максима 482]. «Мы находим несколько решений одного и того же вопроса не столько потому, что наш ум очень плодovit, сколько потому, что он не слишком прозорлив и, вместо того чтобы остановиться на самом лучшем решении, представляет нам без разбора все возможности сразу» [1, максима 287].

Говоря об умственной деятельности человека, французский мыслитель различал ум и проницательность, отмечая ценность последней. Он называл неправым того, «кто считает, будто ум и проницательность – различные качества». Проницательность для Ф. Ларошфуко есть «просто особенная ясность ума, благодаря которой он (человек. – А. Р.) добивается до сути вещей, отмечает все, достойное внимания, и видит невидимое другим». Следовательно, «все, приписываемое проницательности, является лишь следствием необычайной ясности ума» [1, максима 97]. Проницательность придает людям «такой всезнающий вид, что она льстит нашему тщеславию больше, чем все прочие качества ума» [1, максима 425]. Особые способности отдельных людей к умственной деятельности лежат в основе некоторых личностных черт: «Люди мелкого ума чувствительны к мелким обидам, люди большого ума все замечают и ни на что не обижаются» [1, максима 357]; «Ум ограниченный, но здравый, в конце концов не так утомителен в собеседнике, как ум широкий, но путаный» [1, максима 502]; «Изысканность ума сказывается в умении тонко льстить» [1, максима 100]; «Люди недалекие обычно осуждают все, что выходит за пределы их понимания» [1, максима 375]; «Нет глупцов более несносных, чем те, которые не совсем лишены ума» [1, максима 451].

Весьма оригинально Ф. Ларошфуко ранжировал оценочные высказывания людей по поводу умственных способностей: «Все расхваливают свою доброту, но никто не решается похвалить свой ум» [1, максима 98]; «Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум» [1, максима 89].

Характеризуя поведение и личностные черты, мыслитель уделял внимание удовлетворенности жизнью, отношению индивида к успехам и неудачам. По его словам, нас радует не то, что окружает, а «наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви» [1, максима 48]. Все, что посылается судьбой, человек оценивает «в зависимости от расположения духа» [1, максима 47]. Не-

счастье и счастье «мы переживаем соразмерно нашему самолюбию» [1, максима 339]. Иногда, когда люди проливают слезы, они «ими обманывают не только других, но и... себя» [1, максима 373].

Отношение людей к себе наиболее очевидно проявляется в их самооценке. Она может быть как завышенной, так и заниженной, ведь «человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому» [1, максима 49]. Например, «люди, верящие в свои достоинства, считают долгом быть несчастными, дабы убедить таким образом других и себя в том, что судьба еще не воздала им по заслугам» [1, максима 50]. Чаще всего, по мнению Ф. Ларошфуко, встречаются люди с завышенной самооценкой, в том числе те, кто сравнивает себя с другими. В мире нет «человека, который не ценил бы любое свое качество куда выше, чем подобное же качество у другого, даже самого уважаемого им человека» [1, максима 452]. Чрезмерное стремление к повышению самооценки, как и своей ценности в глазах других, с использованием различных способов достижения цели, а порой и очевидных ухищрений, включая самообман, неразумно. Если судить по словам Ф. Ларошфуко, их применяют достаточно часто. Он подчеркивал, что «в людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют» [1, максима 134] и что «нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех» [1, максима 231]. Человек старается «вменить себе в заслугу те недостатки», которые не желает исправлять [1, максима 442]. Если бы люди никогда себе не льстили, они «не знали бы удовольствия в жизни» [1, максима 123] и их «не портила бы чужая лесть» [1, максима 152]. Отдавать «должное своим достоинствам наедине с собой столь же разумно, сколь смехотворно превозносить их в присутствии других» [1, максима 307]. То, «насколько ясно люди понимают свои ошибки, видно из того, что, рассказывая о своем поведении, они всегда умеют выставить его в благоприятном свете... самолюбие, которое обычно ослепляет их ум, в этом случае придает ему такую зоркость и проницательность, что им удается ловко утаить или смягчить любую мелочь, способную вызвать неодобрение» [1, максима 48]. Преувеличивая чужие добродетели, люди отдают дань «не столько им, сколько... собственным чувствам», они ищут «похвал себе, делая вид, что хвалят других» [1, максима 143]. Человек признается «в своих недостатках для того, чтобы этой искренностью возместить ущерб, который они наносят в мнении окружающих» [1, максима 184]. Рассуждая об искренности, Ф. Ларошфуко утверждал, что она «вызвана желанием... выставить свои недостатки в благоприятном свете» [1, максима 383]. Он также подчеркивал, что любой недостаток «более простителен, чем уловки, на которые мы идем, чтобы его скрыть» [1, максима 411].

Анализируя тактику повседневных человеческих действий, Ф. Ларошфуко выделял прежде всего их неосознанность и непредсказуемость: «Наши поступки подобны строчкам бури: каждый связывает их с чем ему заблагорассудится» [1, максима 382]. Философ критически оценивал некоторые тактические приемы и действия: «Слава, уже приобретенная нами, – залог той славы, которую мы рассчитываем приобрести» [1, максима 270]; «Чтобы упрочить свое положение в свете, люди старательно делают вид, что оно уже упрочено» [1, максима 56]; «Мы обещаем соразмерно нашим расчетам, а выполняем обещанное соразмерно нашим опасениям» [1, максима 38]; «Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства» [1, максима 310]; «Примирение с врагами говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию» [1, максима 82]; «Высшая ловкость состоит в том, чтобы всему знать истинную цену» [1, максима 244]; «Поистине ловок тот, кто умеет скрывать свою ловкость» [1, максима 245].

Злоупотребление хитростью, по мнению мыслителя, «говорит об ограниченности ума». Люди, пытающиеся «прикрыть таким способом свою наготу в одном месте, неизбежно разоблачают себя в другом» [1, максима 125]. Некоторые люди (Ф. Ларошфуко называл их ловкими) «всю жизнь делают вид, что гнушаются хитростью, а на самом деле они просто прибегают к ней для исключительных случаев, обещающих исключительную выгоду» [1, максима 124]. Истинный «способ быть обманутым – это считать себя хитрее других» [1, максима 127]. Человек может перехитрить кого-то одного, но не всех [1, максима 394]. Иногда «ложь... прикидывается истиной, что не поддается обману значило бы изменить здравому смыслу» [1, максима 282]. «За отвращением ко лжи нередко кроется затаенное желание придать вес... утверждениям и внушить благоговейное доверие к... словам» [1, максима 63]. Мельчайшую неверность в отношении себя люди судят «куда суровее, чем самую коварную измену в отношении других» [1, максима 360]. Иной раз «легче стерпеть обман того, кого любишь, чем услышать от него всю правду» [1, максима 395]. Человек оправдывает «своим недоверием... чужой обман» [1, максима 86]. Когда люди притворяются, «будто... попали в расставленную... ловушку», они проявляют «поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего тогда, когда он хочет обмануть» [1, максима 117].

Ф. Ларошфуко уделял особое внимание тактике поведения, причинам ее выбора и связанным с этим последствиям: «Было бы куда полезнее употребить все силы нашего разума на то, чтобы достойно сносить несчастья, уже случившиеся, нежели на то, чтобы предугадывать несчастья, которые еще только могут случиться» [1, максима 174]; «Как раз те люди, кото-

рые во что бы то ни стало хотят всегда быть правыми, чаще всего бывают неправы» [1, максима 386]; «Люди скорее согласятся себя чернить, нежели молчать о себе» [1, максима 138]; «Тому, кто не доверяет себе, разумнее всего молчать» [1, максима 79]; «Что может быть сокрушительнее для нашего самодовольства, чем ясное понимание того, что сегодня мы порицаем вещи, которые еще вчера одобряли» [1, максима 51] и др.

Философ указывал на необходимость большей объективности и критичности по отношению к самому себе и делал вывод о принципиальной возможности и некоторых путях личностного душевного оздоровления: «Счастливые люди неисправимы: судьба не наказывает их за грехи, и поэтому они считают себя безгрешными» [1, максима 227]; «Мы легко забываем свои ошибки, когда они известны лишь нам одним» [1, максима 196]; «Люди безутешны, когда их обманывают враги или предают друзья, но они нередко испытывают удовольствие, когда обманывают или предают себя сами» [1, максима 114]; «Так же легко обмануть себя и не заметить этого, как трудно обмануть другого и не быть избалованным» [1, максима 115]; «Мы нередко относимся снисходительно к тем, кто тяготит нас, но никогда не бываем снисходительны к тем, кто тяготится нами» [1, максима 304] и др. Однако путь душевного оздоровления не бывает простым. Хотя, «когда пороки покидают нас, мы стараемся уверить себя, что это мы покинули их» [1, максима 192], на самом деле «пороки души похожи на раны тела: как бы старательно их ни лечили, они все равно оставляют рубцы и в любую минуту могут открыться снова» [1, максима 194]. В продолжение этой мысли философ добавлял: «Болезни души так же возвращаются к нам, как и болезни тела. То, что мы принимаем за выздоровление, обычно оказывается либо кратковременным облегчением старого недуга, либо началом нового» [1, максима 193].

Многие афоризмы Ф. Ларошфуко касаются характера человека, его достоинств и недостатков и влияют на ход человеческой жизни. Начать их изложение целесообразно со следующего тезиса, подчеркивающего значение характера в жизни людей: «Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы» [1, максима 61]. Сам характер – феномен неоднозначный, во многом противоречивый. Как писал философ, «у человеческих характеров, как и у некоторых зданий, несколько фасадов, причем не все они приятны на вид» [1, максима 292]. Существуют «люди столь ветреные и легковесные, что у них не может быть ни крупных недостатков, ни подлинных достоинств» [1, максима 498]. Он также утверждал, что в характере человека «больше изъянов, чем в его уме» [1, максима 290]. Некоторые достоинства трансформируются «в недостатки, если они присущи нам от рождения, а другие никогда

не достигают совершенства, если они благоприобретенные» [1, максима 365]. Судить о «достоинствах человека нужно... не по его хорошим качествам, а по тому, как он ими пользуется» [1, максима 437].

Когда Ф. Ларошфуко говорил о твердости или слабости человека, их отдельных проявлениях в жизни, он подчеркивал волевые качества личности, причем внимание акцентировал на поступках людей со слабым характером, который, по его мнению, не поддается исправлению: «Истинно мягкими могут быть только люди с твердым характером, у остальных же кажущаяся мягкость – это чаще всего просто слабость, которая легко превращается в озлобленность» [1, максима 479]; «Похвалы за доброту достоин лишь человек, у которого хватает твердости характера на то, чтобы иной раз быть злым; в противном случае доброта чаще всего говорит лишь о бездеятельности или о недостатке воли» [1, максима 237]. Слабохарактерность человека «еще дальше от добродетели, чем порок» [1, максима 445]. Слабохарактерные «не способны быть искренними» [1, максима 316]. Предательство чаще всего совершается «по слабости характера» [1, максима 120]. У людей «не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка» [1, максима 42]. Иногда человеку «не так мучительно покориться принуждению окружающих», как к чему-то себя принудить [1, максима 363]. Философ называл слабость характера единственным недостатком, «который невозможно исправить» [1, максима 130]. У слабохарактерных людей он видел лишь одно личное преимущество: «Слабость характера нередко утешает... в таких несчастьях, в каких бессилем утешить разум» [1, максима 325].

В качестве позитивных черт характера Ф. Ларошфуко выделял великодушие, доброту (сострадание) и искренность (откровенность), а также бесстрашие (храбрость), которое противопоставляется трусости. Первые три черты он считал весьма редкими и в целом к их проявлениям относился достаточно скептически, усматривая в них своекорыстный интерес человека. Бесстрашие есть «...необычайная сила души, возносящая ее над замешательством, тревогой и смятением, порождаемыми встречей с серьезной опасностью. Эта сила поддерживает в героях спокойствие и помогает им сохранять ясность ума в самых неожиданных и ужасных обстоятельствах» [1, максима 217]. Оно проявляется, когда люди в одиночестве совершают то, на что... отваживаются лишь в присутствии многих свидетелей» [1, максима 216]. По мнению философа, «высшая доблесть и непреодолимая трусость – это крайности, которые встречаются очень редко» и между ними «располагаются всевозможные оттенки храбрости». Существуют люди, «которые смело встречают опасность в начале сражения, но легко охлаждаются и падают духом, если оно затягивается». Есть и те, кто «делают то, чего от них требует общественное мнение, и на

этом успокаиваются». Одни не всегда могут «овладеть своим страхом, другие подчас заражаются страхом окружающих, а третьи идут в бой просто потому, что не смеют оставаться на своих местах». Кто-то, привыкнув к мелким опасностям, закаляется «духом для встречи с более значительными». Некоторые люди «храбры со шпагой в руках, но пугаются мушкетного выстрела; другие же смело стоят под пулями, но боятся обнаженной шпаги». Данные «виды храбрости схожи между собой в том, что ночью, когда страх усиливается, а тьма равно скрывает и хорошие, и дурные поступки, люди ревнивей оберегают свою жизнь». Однако у людей есть «еще один способ оберечь себя, и притом самый пространственный, – делать меньше, чем они сделали бы, если бы знали наперед, что все сойдет благополучно». Из всего перечисленного следует, что «страх смерти в какой-то мере ограничивает доблесть» [1, максима 215]. Великодушие, как утверждал Ф. Ларошфуко, «довольно точно определено своим названием... можно сказать, что оно – здоровый смысл гордости и самый достойный путь к доброй славе» [1, максима 285]. Истинная доброта является редким качеством: «...большинство людей, считающих себя добрыми, только снисходительны или слабы» [1, максима 481]. О сострадании мыслитель писал как о способности «увидеть в чужих несчастьях свои собственные» и о предчувствии «бедствий, которые могут постигнуть и нас». Человек помогает другим, чтобы они в свою очередь помогли ему. Таким образом, «наши услуги сводятся просто к благодеяниям, которые мы загодя оказываем самим себе» [1, максима 264]. Искренность есть чистосердечие. «Мало кто обладает этим качеством, и то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого – добиться откровенности окружающих» [1, максима 62].

Предметом повышенного внимания и преимущественно высокой оценки у Ф. Ларошфуко стала гордость: «Природа, в заботе о нашем счастье... подарила нам гордость... для того, чтобы избавить нас от печального сознания нашего несовершенства» [1, максима 36]; «Гордость свойственна всем людям; разница лишь в том, как и когда они ее проявляют» [1, максима 35]; «Наша гордость часто возрастает за счет недостатков, которые нам удалось преодолеть» [1, максима 450]; «У гордости, как и у других страстей, есть свои причуды: люди стараются скрыть, что они ревнуют сейчас, но хвалятся тем, что ревновали когда-то и способны ревновать и впредь» [1, максима 473] и др.

В одну линию с гордостью Ф. Ларошфуко ставил тщеславие и честолюбие, к которым относился куда менее позитивно: «Тщеславие чаще заставляет нас идти против наших склонностей, чем разум» [1, максима 467]; «Даже самые бурные страсти порою дают нам передышку, и только тщеславие терзает нас не-

отступно» [1, максима 443]; «Если тщеславие и не подвергает в прах все наши добродетели, то, во всяком случае, оно их колеблет» [1, максима 388]; «То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается переряженным честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идет к крупным» [1, максима 246]; «Самое большое честолюбие прячется и становится незаметным, как только его притязания наталкиваются на непреодолимые преграды» [1, максима 91] и др.

Еще хуже отношение философа к зависти, которую, за редким исключением, он напрямую противопоставлял добродетели: «Вернейший признак высоких добродетелей – от самого рождения не знать зависти» [1, максима 433]; «Зависть еще непримиримее, чем ненависть» [1, максима 328]. Она «всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем» [1, максима 476]. Независтливые люди «встречаются еще реже, чем бескорыстные» [1, максима 486]. «Доброжелательность, с которой люди порою приветствуют тех, кто впервые вступает в свет, обычно бывает вызвана тайной завистью к тем, кто уже давно занимает в нем прочное положение» [1, максима 280].

Неприязненно Ф. Ларошфуко относился к скупости, считая ее непрактичной в поведении человека: «Скупость нередко приводит к самым противоречивым следствиям: многие люди приносят все свое состояние в жертву отдаленным и сомнительным надеждам, другие же пренебрегают крупными выгодами в будущем ради мелочной сегодняшней наживы» [1, максима 492]; «Непомерная скупость почти всегда ошибается в своих расчетах: она чаще, чем все другие страсти, уходит от цели, к которой стремится, и оказывается во власти настоящего в ущерб будущему» [1, максима 491]. В конечном счете «скупость дальше от бережливости, чем даже расточительность» [1, максима 167].

В своеобразном реестре человеческих недостатков есть и другие, в частности лень, упрямство и трусость. Ф. Ларошфуко писал о том, что самой сильной страстью «нередко оказывается бездеятельная лень: завладевая людскими помыслами и поступками, она незаметно подтачивает все их стремления и добродетели» [1, максима 266]. Люди охотнее признаются «в лени, чем в других... недостатках», они внушают себе, «что она проистекает из... миролюбивых добродетелей и, не нанося большого ущерба прочим достоинствам, лишь умеряет их проявление» [1, максима 398]. Им «нравится надеяться себя недостатками, противоположными тем, которые присущи... на самом деле: слабохарактерные люди, например, любят хвастаться упрямством» [1, максима 424]. Упрямство, по его мнению, «рождено ограниченностью нашего ума: мы неохотно верим тому, что выходит за пределы нашего кругозора» [1, максима 265]. Трусливый человек обычно не сознает «всей силы своего страха» [1, максима 370].

Особо философ говорил о любви и ревности (их природе, истоках, влиянии на поведение): «Ни в одной страсти себялюбие не царит так безраздельно, как в любви; люди всегда готовы принести в жертву покой любимого существа, лишь бы сохранить свой собственный» [1, максима 262]; «Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших ближних» [1, максима 28]. Твердый характер человека «заставляет... сопротивляться любви, но в то же время... сообщает этому чувству пылкость и длительность» [1, максима 477]. Ревность «умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность» [1, максима 32]. Мыслитель также напоминал, что «война между Августом и Антонием, которую объясняют их честолюбивым желанием властвовать над миром, была, возможно, вызвана просто-напросто ревностью» [1, максима 7].

Должное внимание Ф. Ларошфуко уделял такой одобряемой и проповедуемой многими поколениями философов человеческой черте, как умеренность. Раскрывая сущность этой черты, он оценивал ее двойственно и связывал склонность к ней с бездеятельностью, стремлением утешить людей не самых успешных, боязнию зависти. Умеренность является душевной бездеятельностью и леностью [1, максима 293], боязнию зависти или презрения, хвастовством мощью ума и желанием «казаться выше своей судьбы» [1, максима 18]. Ее «провозгласили добродетелью для того, чтобы обуздать честолюбие великих людей и утешить людей незначительных, обладающих лишь скромным достоянием и скромными достоинствами» [1, максима 308]. У счастливых людей умеренность «проистекает из спокойствия, даруемого неизменной удачей» [1, максима 17].

Появление и широкое распространение данной традиции философской мысли Ф. Ларошфуко объяснял достаточно прозаично: «Презрение философов к богатству было вызвано их сокровенным желанием отомстить несправедливой судьбе за то, что она не наградила их по достоинствам жизненными благами; оно было тайным средством, спасающим от унижений бедности, и окольным путем к почету, обычно доставляемому богатством» [1, максима 54]. Мыслитель подкреплял свою точку зрения следующим высказыванием: «В привязанности или равнодушии философов к жизни сказывались особенности их себялюбия, которые так же нельзя оспаривать, как особенности вкуса, как склонность к какому-нибудь блюду или цвету» [1, максима 46]. Его общая позиция по отношению к философии и философам выражена в обобщающем афоризме: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией» [1, максима 22].

В рассматриваемом труде Ф. Ларошфуко затрагивал сферу межличностных отношений. В своих рассуждениях он исходил из нескольких положений. Во-первых, «легче управлять людьми, чем помешать им управлять нами» [1, максима 151]. По этой причине «люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос» [1, максима 87]. Во-вторых, «тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее» [1, максима 201]. В-третьих, «многие презирают жизненные блага, но почти никто не способен ими поделиться» [1, максима 301]. Разъяснения по этому поводу он начинал с того, как было бы желательно представлять себя другим людям и как такое представление происходит на самом деле. С одной стороны, «мы выиграли бы в глазах людей, если бы являлись им такими, какими мы всегда были и есть, а не прикидывались такими, какими никогда не были и не будем» [1, максима 457]. С другой стороны, нас отличает многоликость: «Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться, поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин» [1, максима 256]. Так, «признаваясь в маленьких недостатках, мы тем самым стараемся убедить окружающих в том, что у нас нет крупных» [1, максима 327].

Характеризуя поведение людей по отношению к другим, Ф. Ларошфуко раскрывал понятие «благодарность» с упором на лежащий в его основе личный расчет: «Благодарность подобна честности купца... Часто мы оплачиваем ее счета не потому, что стремимся поступать справедливо, а для того, чтобы впредь люди охотнее давали нам займы» [1, максима 223]. Этот расчет прежде всего выражается в том, что «почти все люди охотно расплачиваются за мелкие одолжения, большинство бывает признательно за немаловажные, но почти никто не чувствует благодарности за крупные» [1, максима 300]. Он может проявляться и в том, что «признательность большинства людей порождена скрытым желанием добиться еще больших благодеяний» [1, максима 298], или в том, что «наша благодарность иногда бывает так велика, что, расплачиваясь с друзьями за сделанное нам добро, мы еще оставляем их у себя в долгу» [1, максима 438]. Нужно помнить, что «при некоторых обстоятельствах, точно так же, как при некоторых болезнях, помощь со стороны может иной раз только повредить», и необходима «большая пронизательность, чтобы распознать те случаи, когда она опасна» [1, максима 288].

В расчетах людей за оказанные услуги есть ошибки. Они «происходят оттого, что гордость дающего и гордость принимающего не могут сговориться о цене благодеяния» [1, максима 225]. Вызвано это тем, что «гордость не хочет быть в долгу, а самолю-

бие не желает расплачиваться» [1, максима 228]. Принятие услуги со стороны другого человека требует особой тактики. Так, «чрезмерная поспешность в расплате за оказанную услугу есть своего рода неблагодарность» [1, максима 226]. К тому же такая услуга налагает ответные обязательства, не всегда пропорциональные ее значимости. «Если кто-нибудь сделает нам добро, мы обязаны терпеливо сносить и причиняемое этим человеком зло» [1, максима 229].

К некоторым моральным максима́м поведения, связанным с ответом на благодеяние, Ф. Ларошфуко относил следующие: «Не всякий, кто платит долги благодарности, имеет право считать себя на этом основании благодарным человеком» [1, максима 224]; «Невелика беда – услужить неблагодарному, но большое несчастье – принять услугу от подлеца» [1, максима 317]; «Причинять людям зло большей частью не так опасно, как делать им слишком много добра» [1, максима 238].

Существенное место во взаимных отношениях людей занимает похвала. Ее истоки, формы и последствия многозначительны. Суть подобного проявления отношения к другому Ф. Ларошфуко выразил такими словами: «Похвала – это искусная, скрытая, изящная лесть, приятная и тому, кто льстит, и тому, кому льстят: один принимает ее как награду за свои достоинства, другой преподносит, чтобы доказать свою справедливость и пронизательность» [1, максима 144]. В ее основе лежат своекорыстие и расчет на такое же ответное действие: «Люди не любят хвалить и никогда не хвалят бескорыстно» [1, максима 144]; «Мы хвалим других обычно лишь для того, чтобы услышать похвалу себе» [1, максима 146]. Преувеличивая добродетели иных людей, «мы отдаем дань не столько им, сколько... собственным чувствам; мы ищем похвал себе, делая вид, что хвалим других» [1, максима 143]. Человек обычно награждает чистосердечной похвалой тех, кто им восхищается [1, максима 356]. Уклонение от похвалы, по мнению философа, есть «просьба повторить ее» [1, максима 149]. Похвала может выражаться в различных формах, в том числе таких, которые имеют скрытый критический смысл: «Иные упреки звучат как похвала, зато иные похвалы хуже злословия» [1, максима 148]; «Мы часто выискиваем отравленные похвалы, косвенно открывающие в тех, кого мы хвалим, такие недостатки, на которые мы не осмеливаемся указать прямо» [1, максима 145]. Роль похвалы может быть двойной. Ее позитивное значение обусловлено тем, что «жажда заслужить расточаемые нам похвалы укрепляет нашу добродетель; таким образом, похвалы нашему уму, доблести и красоте делают нас умнее, доблестнее и красивее» [1, максима 150]. Один из негативных эффектов заключается в том, что «люди редко бывают достаточно разумны, чтобы предпочесть полезное порицание опасной похвале» [1, максима 147].

Во взаимных отношениях людей имеют место советы. Как писал Ф. Ларошфуко, человек ничего не раздаст «с такой щедростью, как советы» [1, максима 110]. Тем более что «проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в... собственных» [1, максима 132]. Выражение своего отношения к советам мыслитель начинал так: «Сколько лицемерия в людском обычае советоваться!» Далее он пояснял критический пафос совета: «Тот, кто просит совета, делает вид, что относится к мнению своего друга с почтительным вниманием, хотя в действительности ему нужно лишь, чтобы кто-то одобрил его поступки и взял на себя ответственность за них. Тот же, кто дает советы, притворяется, будто платит за оказанное доверие пылкой и бескорыстной жадной услужить, тогда как на самом деле обычно рассчитывает извлечь таким путем какую-либо выгоду или снизить почет» [1, максима 116]. Однако если совет дается с добрым намерением и является действительно полезным, то часто бывает не так просто его реализовать на практике. Чтобы «воспользоваться хорошим советом со стороны, подчас требуется не меньше ума, чем для того, чтобы подать хороший совет самому себе» [1, максима 283]. Можно дать человеку «разумный совет, но нельзя научить его разумному поведению» [1, максима 378].

О том, как люди оценивают других, Ф. Ларошфуко писал: «Большинство... судит о ближних по их богатству или светским успехам» [1, максима 212]. Он также перечислял факторы (в основном личностные), которые искажают эту оценку: «Прелесть новизны и долгая привычка при всей их противоположности одинаково мешают нам видеть недостатки наших друзей» [1, максима 426]; «Самолюбие увеличивает или уменьшает добродетели наших друзей в зависимости от того, насколько мы довольны этими людьми: об их достоинствах мы судим по их отношению к нам» [1, максима 88]. Человек считает «здравомыслящими лишь тех людей, которые во всем... согласны» с ним [1, максима 347]. Если бы у людей не было недостатков, им «было бы не так приятно подмечать их у ближних» [1, максима 31]. Философ заявлял, что суждения о человеке его врагов ближе к истине, чем его собственные [1, максима 458].

Еще одним обсуждением в рассматриваемом труде стали эмоциональные проявления межличностных отношений. Затрагивая тему любви и прощения, Ф. Ларошфуко писал: «Пока люди любят, они прощают» [1, максима 330]. О ненависти он высказывался следующим образом: «Ненависть к людям, попавшим в милость, вызвана жадной этой самой милости. Досада на ее отсутствие смягчается и умиротворяется презрением ко всем, кто ею пользуется; мы отказываем им в уважении, ибо не можем отнять того, что привлекает к ним уважение всех окружающих» [1, максима 55]; «Слишком лютая ненависть ставит нас ниже тех, кого мы ненавидим» [1, мак-

сима 338]; «Иногда людям кажется, что они ненавидят лезть, в то время как им ненавистна лишь та или иная ее форма» [1, максима 329]. Человек не только забывает благие действия со стороны других и собственные обиды, но и может «ненавидеть своих благодетелей и прощать обидчиков», а «необходимость отблагодарить за добро и отомстить за зло» кажется ему рабством [1, максима 14].

Традиционные размышления о мудрости жизни касаются темы добродетелей и пороков. Ф. Ларошфуко даже начал рассматриваемое произведение следующим эпиграфом: «Наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки» [1]. Непреходящую жизненную ценность следования добродетелям как для тех, на кого они направлены, так и для творящих их он подчеркивал в следующих максимах: «Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута» [1, максима 157]; «Пока человек в состоянии творить добро, ему не грозит опасность столкнуться с неблагодарностью» [1, максима 306]; «Мы презираем не тех, у кого есть пороки, а тех, у кого нет никаких добродетелей» [1, максима 186]; «Истинный признак христианских добродетелей – это смирение; если его нет, все наши недостатки остаются при нас, а гордость только скрывает их от окружающих и нередко от нас самих» [1, максима 358] и др. Однако и у добродетелей путь в жизненную практику людей, по убеждению Ф. Ларошфуко, отнюдь не является прямым. Прежде всего это касается истинных причин добродетельных поступков: «Нелегко разглядеть, чем вызван честный, искренний, благородный поступок – порядочностью или дальновидным расчетом» [1, максима 170]; «Добродетель не достигала бы таких высот, если бы ей в пути не помогало тщеславие» [1, максима 200]; «Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло» [1, максима 121] и др. То, что человек принимает «за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой или... собственной хитростью; так, например, порою женщины бывают целомудренны, а мужчины – доблестны совсем не потому, что им действительно свойственны целомудрие и доблесть» [1, максима 1]. Человеческие «пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств; благоразумие смешивает их, ослабляет их действие и потом умело пользуется ими как средством против жизненных невзгод» [1, максима 182]. В основе доблести, как утверждал мыслитель, лежат «жажда славы, боязнь позора, погоня за богатством, желание устроить жизнь удобно и приятно, стремление унижить других» [1, максима 213]. Ф. Ларошфуко дал совет, как распознавать добродетели и пороки: «Как все предметы лучше всего видны на свету, так наши добродетели и пороки отчетливее всего выступают в лучах удачи» [1, максима 380].

О пороках и порочных людях Ф. Ларошфуко высказывал следующее мнение: «Можно сказать, что пороки ждут нас на жизненном пути, как хозяева постоянных дворов, у которых приходится поочередно останавливаться, и я не думаю, чтобы опыт помог нам их избежать, даже если бы нам было дано пройти этот путь вторично» [1, максима 191]; «Всёцело предаться одному пороку нам обычно мешает лишь то, что у нас их несколько» [1, максима 195]; «Только у великих людей бывают великие пороки» [1, максима 190] и др.

При оценке себя люди часто преуменьшают свою порочность и преувеличивают добродетельность, а при оценке нравов и поступков других, наоборот, преуменьшают добродетельность и преувеличивают порочность. Вот что Ф. Ларошфуко писал по этому поводу: «Мы не дерзаем огульно утверждать, что у нас совсем нет пороков, а у наших врагов совсем нет добродетелей, но в каждом отдельном случае мы почти готовы этому поверить» [1, максима 397]. Однако он делал оговорку: «Как ни склонны люди к неправильным суждениям, все же несправедливость к подлинным достоинствам они проявляют реже, чем благосклонность к мнимым» [1, максима 455].

Итоговое заключение философа о степени склонности людей к добродетельным и порочным поступкам звучит весьма пессимистично: «Насколько преступление легче находит себе покровителей, нежели невинность!» [1, максима 465]. Говоря о причинах и путях распространения в человеческой среде тех и других, он называл один и тот же механизм – под-

ражание (в его терминологии «заражение»): «Пример заразителен, поэтому все благодетели рода человеческого и все злодеи находят подражателей. Добрым делам мы подражаем из чувства соревнования, дурным же – из врожденной злобности, которую стыд сдерживал, а пример выпустил на волю» [1, максима 230].

Таким образом, жизнь людей, согласно Ф. Ларошфуко, – это своеобразный результат взаимодействия судьбы, случая с одной стороны и воли, действий человека с другой стороны. Направляют поведение людей и определяют их настроение в первую очередь страсти. Воздействие страстей сильнее влияния разума, а способность человека познать мир своих страстей, овладеть ими и даже скрыть их от окружающих является весьма ограниченной. Одна из самых сильных человеческих страстей – самолюбие. Оно приводит в действие и все добродетели, и все пороки. Попытки человека овладеть своими страстями, противодействовать им и быть свободным от них даются нелегко и часто оказываются безуспешными. При анализе тактики человеческих действий Ф. Ларошфуко, подвергая их разностороннему критическому разбору, указывал на необходимость самокритичности человека и его большей объективности в отношении себя. Из отдельных черт характера в качестве позитивных он выделял бесстрашие, великодушие, доброту и искренность. При оценке себя люди, по его мнению, склонны преуменьшать свою порочность и преувеличивать добродетельность, а при оценке нравов и поступков других делать наоборот.

Библиографические ссылки

1. Ларошфуко Ф. *Максимы и моральные размышления* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 декабря 2023 г.]. Доступно по: <https://nice-books.ru/books/proza/klassicheskaja-proza/137441-fransua-vi-laroshfuko-maksimy-i-moralnye-razмышleniya.html>.

References

1. La Rochefoucauld F. *Maksimy i moral'nye razмышleniya* [Maxims and moral reflections] [Internet]. 2019 [cited 2023 December 12]. Available from: <https://nice-books.ru/books/proza/klassicheskaja-proza/137441-fransua-vi-laroshfuko-maksimy-i-moralnye-razмышleniya.html>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2024.
Received by editorial board 04.02.2024.

УДК 316.74:27-184(476)

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫМ ФОРМАМ МАГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (НА ОСНОВЕ АПРОБАЦИИ АВТОРСКОЙ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Е. В. РЕУТ¹⁾, Е. В. ШКУРОВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены результаты апробации авторской методики изучения уровня приверженности экзотеризму. Произведена концептуализация понятий «магия», «магические представления», «мистическое познание», «эзотеризм» и «экзотеризм». На ее основе разработан опросник, выполнена его экспертная оценка, а также последующая коррекция по результатам когнитивных интервью. Продемонстрированы результаты опроса последователей традиционных христианских конфессий, по итогам которого сконструированы четыре типа шкал для выявления приверженности модернистским, традиционалистским и имплицитным представлениям о действенности магических практик и ориентации на церковные практики. Проведена проверка надежности шкал и разработана структура показателей, характеризующих степени вовлеченности в указанные системы представлений. Методика прошла психометрическую проверку валидности и надежности, она может быть использована в диагностических, исследовательских и прогностических целях.

Ключевые слова: магия; магические представления; магические практики; эзотеризм; экзотеризм; уровень приверженности экзотеризму.

Образец цитирования:

Реут ЕВ, Шкурова ЕВ. Особенности приверженности различным формам магических представлений (на основе апробации авторской методики исследования). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:47–59.
EDN: HISPQC

For citation:

Reut LV, Shkurova AV. Features of adherence to various forms of magical ideas (based on approbating of the author's research methodology). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:47–59. Russian.
EDN: HISPQC

Авторы:

Елизавета Викторовна Реут – преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии, аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук, доцент; старший научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.

Authors:

Lizaveta V. Reut, lecturer at the department of social work and rehabilitation sciences, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
liliiren6997@mail.ru

Alena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; senior researcher at the Belarusian-Turkish Research Center.
voget_82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1214-0783>

FEATURES OF ADHERENCE TO VARIOUS FORMS OF MAGICAL IDEAS (BASED ON APPROBATING OF THE AUTHOR'S RESEARCH METHODOLOGY)

L. V. REUT^a, A. V. SHKUROVA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus
Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to representing the results of approbating the author's methodology for studying the level of commitment to exotericism. The categories of magic, magical ideas, mystical knowledge, esotericism, exotericism were conceptualised. A questionnaire was developed on its basis, its expert assessment was made and subsequent correction was carried out based on the results of cognitive interviews. The article presents the results of a survey of followers of traditional Christian denominations, based on the results of which four types of scales were constructed to assess adherence to modernist, traditionalist, implicit ideas about the effectiveness of magical practices, and orientation towards church practices. The reliability of the scales was checked and a system of indicators was developed to characterise the degree of involvement in these belief systems. The methodology has passed psychometric tests of validity and reliability and can be used for diagnostic, research and prognostic purposes.

Keywords: magic; magical ideas; magical practices; esotericism; exotericism; level of commitment to exotericism.

Введение

В конфессиональной среде традиционно присутствует определенный канонически одобряемый стандарт отношения к магическим практикам и представлениям. При этом подобные элементы могут приниматься или отвергаться в данной среде. Границы между такими элементами весьма размыты. Еще более нечеткими они становятся для последователей традиционных конфессий в силу их массовости и различной степени вовлеченности в религиозную систему. К таким феноменам можно отнести, например, канонические представления о вере в посмертное существование и популяризацию идей реинкарнации в повседневной практике, или канонический стандарт веры в бестелесное существование души и мифы про призраков и полтергейстов, или веру в возможность исцеления от прикосновения святых при одновременном порицании практик народного целительства.

В данном контексте актуальной становится оценка отношения последователей конфессий к специфике проявлений магии в повседневности, что выдвигает вопрос концептуализации тех категорий, которые определяют эту специфику.

Философы, социальные антропологи, социологи и психологи проявляют интерес к исследованию магических феноменов, однако сложность концептуализации понятия и сбора фактологического материала обуславливают редкость их проведения. Наиболее известными и авторитетными исследователями считаются А. Юбер [1], Э. Тэйлор [2], М. Мосс [1], Дж. Дж. Фрэнгер [3], А. Фиркандт [4], Е. Г. Кагаров

и Н. А. Кисляков [5], Б. Малиновский [6], К. Леви-Стросс [7] и др.

В немногочисленных отечественных исследованиях магии акцент делается на различных проявлениях магического мышления, а не ее влиянии на формирование мировоззрения современного человека в целом. Распространенным считается определение, согласно которому магия – это суеверные действия индивида, ставящие целью воздействовать сверхъестественным образом на материальный предмет или явление [8]. Подобные действия влияют на человеческое мышление и проектируют особую форму отражения внешней действительности.

Понимание магии как инструмента практического воздействия довольно распространено. Например, в Оксфордском словаре английского языка под магией понимается совокупность действий и слов в религиозно-мистических представлениях, обладающих чудодейственными свойствами и способных подчинить так называемые сверхъестественные силы¹. Магические возможности обусловлены верой в способность человека влиять на судьбу людей, силы природы, животных, предметы посредством подчинения сверхъестественных сил или с помощью внешних атрибутивных компонентов – заклинаний, амулетов и обрядов.

В представлении термина «магия» традиционно можно выделить две группы значений – собственные и теологически окрашенные, наследуемые от христианства. В широком смысле магия – это сово-

¹Magic [Electronic resource] // Oxford English dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/magic_n?tab=factsheet#38547716 (date of access: 09.11.2023).

купность влияющих на реальность символических действий, означающая практический символизм, или ритуальность, любой религии. В теологически окрашенном смысле это противопоставление притязания на символическое изменение миропорядка принятию объективного статуса человека в реальности, а также дохристианских религиозных установок христианским.

В практической психологии магическое мышление часто понимается как тип когнитивного искажения или неточного образа мыслей, в связи с чем происходит смешение понятий «магия» и «мистика», «магическое мышление» и «мистическое мышление». В Оксфордском словаре английского языка мистика определяется как вера в сверхъестественное², а мистицизм – как форма религиозно-идеалистического мировоззрения, основанная на мистике. В данном контексте термин «мистическое мышление» может представляться избыточным, однако оно присутствует в научных публикациях [9].

Термин «мистика» и его производные используются для обозначения опыта переживания единения, или слияния, индивида с онтологической первоосновой мира и бытия вообще (Бог, Абсолют и т. д.), различного рода эзотерических ритуалов (мистерий), а также разных форм оккультизма; реже – для обозначения магии, астрологии, мантики и т. д. [10].

Несмотря на неопределенность в использовании понятий, для целей настоящего исследования представляется значимым их разграничение как двух разнонаправленных областей познания и представления мира. Мистическое познание – познание, созерцательное путем переживания мистического опыта единения, или слияния, с источником бытия, в ходе которого наблюдатель приобретает определенные знания о мире. Он олицетворяет собой саму возможность непосредственного контакта между человеком и высшими силами. Магическое познание строится на постижении мира при помощи определенных магических практик. Маг воспринимает внешнюю действительность и относится к ней иначе, чем мистик, ведь маг не созерцает, а предпринимает конкретные попытки для того, чтобы изменить свое физическое окружение, которое существует вне зависимости от него. Иными словами, магия – это пример попытки управленческого взаимодействия с миром сверхъестественного. Этим аспектом, т. е. антропо- и эгоцентрической ориентацией магии, объясняется повышенный интерес к ней. Магия особым образом возвышает человека, стирая границы его пределов, и ставит на «пьедестал», на который ни религия, ни наука никогда его не воздвигали. По мнению Дж. Б. Рассела, именно в этом состоит причина ее особой притягательности, «неиссякае-

мого обаяния» – в искушении обладать силой, которая если не граничит с силой Бога, то, по крайней мере, приравнивается к возможностям сверхчеловека [11, с. 19].

Стоит отметить, что магическое мировоззрение – это в первую очередь совокупность специфических действий индивида или группы людей как средства влияния на окружающие предметы и явления для достижения сверхъестественным путем необходимого практического результата. Данный тип мировоззрения характеризуется верой в возможность добиться конкретных результатов при помощи определенных магических действий (обрядов). Закономерно, что в большинстве случаев такое знание не является общедоступным. В связи с этим возникают еще два специфических феномена, связанных с магическими практиками, – эзотеризм и оккультизм.

Однако, прежде чем концептуализировать указанные феномены, следует сделать методологическую оговорку, обусловленную современными глобальными социально-культурными трендами. Одной из самых заметных и специфических черт современного общества является распространение процесса цифровизации. Массовая популяризация информационных технологий существенно трансформировала и расширила информационную сферу, включив в цифровое пространство традиционно сакральные, не связанные с материальным миром компоненты – религию и магию. Спрос на приобретение духовных знаний и получение ответов на смысложизненные вопросы в условиях цифровой трансформации обуславливают изменение духовных практик и возникновение иных способов удовлетворения духовных потребностей [12].

Дифференциация информационных потоков меняет религиозные, магические и эзотерические практики и способствует использованию цифровых технологий для решения стоящих перед ними задач. Переход религии на «цифровые рельсы» позволяет их носителям за счет использования информационно-коммуникационных ресурсов выполнять функцию привлечения потенциальных последователей на качественно новом уровне. Трансляция информации в интернете обуславливает, помимо преобразования ключевого материала в более доступный формат, охват гораздо большей целевой аудитории, включая тех, кто при обычных условиях, вероятно, самостоятельно ее бы не обнаружил. Формируются и расширяются сферы религиозных и магических услуг. Магические специалисты («профессиональные» маги, ясновидящие, предсказатели, знахари и др.) появляются в средствах массовой информации, дают «экспертные» оценки, рекламируют магические идеи, создают торговые фирмы, размещают

²Mystic [Electronic resource] // Oxford English dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/mystic_n?tab=factsheet#35213750 (date of access: 09.11.2023).

в интернете оккультную и магическую литературу, организуют курсы обучения магическим практикам и регистрируют интернет-сайты, проникая во все сферы светской жизни общества. Таким образом, цифровая активность в интернете генерирует новую реальность, в которой современный человек может удовлетворить свои потребности в поиске «высших», духовных знаний. Это порождает новые вопросы, нуждающиеся в систематическом и комплексном изучении.

Специфика повседневных религиозных представлений и практик в широкой среде характеризуется признанием информации, которая может не соответствовать каноническим стандартам, истинной (без доказательств). При этом источники таких сведений могут существенно варьироваться, включать в себя абсолютно любые информационные потоки, игнорирующие авторитет конфессиональной догматики, в рамках которой эклектичность религиозных представлений, как правило, не признается. Особенность этих потоков состоит в том, что они открыты и доступны каждому, в отличие от скрытых форм знания, которые рассматриваются как сакральные. В целях дифференциации форм представлений в настоящей работе различаются термины «эзотеризм» и «экзотеризм», а также производные от них. Под эзотеризмом (греч. *esoterikos* – внутренний) понимается совокупность мистических, философских или религиозных знаний, недоступных для широкого круга лиц. В то время как термин «экзотеризм» (греч. *exoterikos* – внешний, наружный) обозначает часть тех же знаний, которые не скрыты от непосвященных, доступны для изучения и понимания посторонними людьми.

Любое эзотерическое и экзотерическое учение базируется на вере в сверхъестественное, основанной на мистическом переживании; последующее развитие таких доктрин есть толкование и переработка первичного мистического опыта. Происходит это следующим образом: сначала индивид переживает мистический опыт, после доносит полученные «истины» до других людей. В случае успешной передачи «истины» у носителя мистического переживания появляются последователи, а полученное мистическое откровение трансформируется в учение.

В контексте эзотерических представлений информация носит сакральный характер: она предназначена для ограниченного круга специально подготовленных лиц, способных ее воспринимать и интерпретировать в соответствии с догматическими нормами, которые приняты в определенной группе. В то время как экзотерическая информация не предполагает ограничений в доступности и распространности. Хотя данная информация имеет сакральный компонент, она общедоступна и не требует соблюдения таких стандартов качества, ко-

торые применимы к эзотерическому знанию. Термин «экзотерическая информация» используется по аналогии с аристотелевской категорией «общедоступное», для обозначения которой он в работе «Политика» ввел термин «экзотерический» [13]. Следует отметить, что в рамках настоящего исследования авторы используют его в более узком смысле – как совокупность эклектических мистических, оккультных, философских, религиозных, психологических, научных и псевдонаучных знаний, которые доступны для широкого круга лиц. Также необходимо подчеркнуть, что любые эзотерические знания после публикации в массы автоматически становятся экзотерическими, т. е. доступными для всех.

В момент получения адресатом откровения оно сразу начинает обрастать границами с целью допустить к нему исключительно посвященных лиц. Это необходимо для процесса дифференциации общества, обладающего тайным, эзотерическим знанием. Имеют место случаи, когда в самом откровении содержатся указания о необходимости подобной демаркации [14]. Процесс приобщения лиц к такому откровению намеренно затрудняется (например, процедурой посвящения). Происходит четкое разграничение на тех, кто допущен к сакральному источнику (посвященных), и тех, кто не входит в круг доверенных лиц.

Для приверженцев эзотеризма крайне важно оставаться в кругу единомышленников. Это утверждение верно и для носителей экзотерического мышления. Однако последователям внутреннего, эзотерического круга поддерживать субъективную реальность намного проще, чем последователям внешнего, экзотерического круга, так как им необходимо самим конструировать свою субъективную реальность, двигаясь в сторону иррационального мышления, и выстраивать экзотерическую картину мира вопреки современным рациональным конструктам. Одной из главных особенностей экзотерической реальности является синкретизм: она всегда пластична и открыта для новой информации, в том числе для религиозных представлений, философских идей и концепций, научных открытий и др. Эта особенность выводит в поле исследовательского интереса еще одну категорию – оккультизм, актуальность изучения которого в современных условиях обусловлена возрастающим спросом на атрибутивные элементы, формирующие и поддерживающие экзотерическую реальность. Интерпретация данной категории довольно противоречива: немецкий философ Т. В. Адорно в работе «Тезисы против оккультизма» употребил его в качестве широкого синонима иррациональности³. Эта идея поддерживалась немецким историком Д. Веббом, считавшим оккультизм «секуляризированной формой эзотеризма (перевод наш – Е. Р., Е. Ш.)» [15, р. 8–9]. Позднее сформировалась тра-

³See: Pasi M. Occultism // The Brill dictionary of religion / ed. by K. von Stuckrad. Leiden : Brill, 2006. P. 1364–1368.

дидия рассматривать оккультизм и эзотеризм как разные (пусть и связанные между собой) явления. Американский социолог и философ культуры Э. Тирьякян разделял оккультизм на техники, практики и процедуры, в то время как эзотеризм – на религиозные и философские системы убеждений, основывающиеся на оккультных практиках⁴.

Смещение понятий «эзотеризм» и «оккультизм» происходит достаточно часто. Оккультная литература изначально формировалась в рамках эзотерической культуры, когда авторы были носителями определенных знаний, не нашедших своего непосредственного отражения в текстах по причине их жанровой специфики. Позднее подобные материалы автономизировались и стали практическим фундаментом для приверженцев этих практик и оккультных групп. Стоит отметить, что сущностью эзотеризма является учение, скрываемое от непосвященных лиц, находящихся за пределами эзотерического круга, в то время как оккультизм является совокупностью мировоззрений, основанных на признании самой вероятности существования скрытых сил как в мире, так и в самом индивиде.

В связи с этим целесообразно разграничить понятия эзотеризма, экзотеризма и оккультизма. Первые два понятия – более широкие термины, которые могут включать в себя как оккультизм, так и другие на-

правления, не связанные с ним. Эзотерические и экзотерические доктрины имеют теоретическую или мировоззренческую оформленность и ориентированы на религиозно-мистическое переживание или духовно-нравственное самосовершенствование (суфизм, современные учения «нью-эйдж», отдельные виды восточных практик и т. д.). Оккультными являются лишь те эзотерические и экзотерические системы, которые непосредственно являются частью практик данного течения. При этом оккультизм представляет собой ориентацию на достижение конкретных результатов при помощи теоретических и практических средств (т. е. направлен на внешнее видоизменение окружающей действительности). Иными словами, это одно из практических выражений экзотерических учений, которое может существовать и как отдельный социокультурный феномен.

Информационный вакуум приводит к потребности в заполнении информационных пробелов доступными материалами. В таком случае магия может выступать инструментом такого заполнения и даже вытеснять идеи, проповедуемые традиционной религией, к которой индивид принадлежит. При этом экзотерические представления, транслируемые стихийно и несистемно, позиционируются как магические элементы, следование которым и применение которых обеспечивают конкретный практический результат.

Методология исследования

Главной задачей исследования стал поиск механизмов изучения распространенности магических представлений в повседневных практиках. Объект исследования – представители традиционных христианских конфессий (в первую очередь православия и евангельской веры). Выбор респондентов обусловлен тем, что традиционное христианство, как правило, крайне неодобрительно относится к увлечению магическими практиками, а в догматическом плане осуждает магию. Следует подчеркнуть, что такой выбор не означает, что понятие «магия» в настоящем исследовании трактуется в теологическом смысле.

Для решения задачи оценки наличия и проявления магических компонентов, которые не одобряются официальной канонической доктриной, в представлениях последователей конфессиональных сред

сформирован исследовательский инструментарий. Сам факт принятия каких-либо экзотерических установок говорит о потребности заполнения информационных пробелов, не охваченных традиционными конфессиональными идеями. Такие представления без особого сопротивления признаются индивидом как истинные и органично встраиваются в его когнитивную структуру, формируя эклектичную систему восприятия трансцендентных феноменов и при этом не вызывая внутреннего дискомфорта, не нарушая правил внутренней логики.

Таким образом, целью настоящего исследования стала апробация оригинальной методики «Опросник уровня приверженности эзотеризму», ее последующая психометрическая проверка, применение и проверка надежности.

Процедура и методика исследования

На основе рабочего определения и феноменологического описания эзотеризма был разработан авторский опросник. Для компоновки опросника сформулированы 84 суждения, сгруппированные в шкалы, которые характеризуют присутствие магических элементов в церковно-традиционной повседневности, наличие неодобряемых магических

элементов у представителей христианских конфессий, уровень магического мышления, погруженность в магические практики и восприятие обществом магии в традиционном или модернистском контекстах.

Для обеспечения валидности исследовательского инструментария в первоначальном виде он прошел процедуру двухэтапной проверки: проведены

⁴Hanegraaff WT. *Esoterica // Dictionary of gnosis and Western esotericism / ed. by W. T. Hanegraaff. Leiden : Brill, 2006. P. 884–889.*

экспертные оценки, а также пилотажные интервью. На первом этапе проверки надежности методики были привлечены пять экспертов: кандидат философских наук, два кандидата психологических наук, два кандидата социологических наук, один из которых является доктором теологии Венского университета. После корректировки опросника по результатам экспертной оценки в ходе адаптации было проведено 12 пилотажных интервью методом «размышление вслух» (*think-aloud*) в целях проверки понимания респондентами содержания рассматриваемых теоретических конструктов (суждений), которое напрямую зависит от культурного контекста и особенностей интерпретаций самих респондентов. Выбор такого метода обусловлен необходимостью тестирования вопросов на правильность конструкций с точки зрения русского языка, проверки того, не являются ли они трудными для понимания, не вызывают ли противоречий при толковании.

В ходе интервью респонденты акцентировали свое внимание на слове «отпугивание» в вопросе № 5: «Верите ли Вы в молитву как в чудодейственное средство для отпугивания плохих мыслей, колдовства, злых духов?» – и отмечали неточность предложенной формулировки: *Я верю в молитву, я верю в силу молитвы, но молитва служит не только для «отпугивания». Это слово не очень красивое здесь. Если отвечать в рамках «отпугивания», то это слово мне не нравится, я здесь полностью не согласна* (женщина-католик, 44 года). В таком контексте целесообразнее использовать слово «помочь»: *Молитва может помочь. Если, например, другого человека одолевают вот эти злые духи, то молитва может помочь. Поэтому здесь я верю* (женщина-католик, 44 года). Было принято решение заменить оригинальную формулировку на следующую: «Верите ли Вы в молитву как в чудодейственное средство против плохих мыслей, колдовства, злых духов?»

Было установлено, что вопрос № 11: «Верите ли Вы в чудотворное действие икон?» – не детализирован. Один из респондентов прокомментировал его так: *Мне кажется, что для верующего человека немаловажно, кто на ней изображен, твое состояние души в этот момент, не сам предмет* (православная женщина, 48 лет). Так, оригинальная формулировка была заменена на следующую: «Верите ли Вы в чудотворное действие святого, изображенного на иконе?»

По мнению респондентов, слово «необходимым» в вопросе № 18: «Находите ли Вы необходимым молиться, чтобы избавиться от плохих мыслей?» – режет слух: *Меня смущает слово «необходимо». У нас молитва – это больше не как средство, а как способ общения с тем, кто будет отвечать. Это как телефон для связи с другом* (девушка-протестант, 22 года). Было принято решение заменить оригинальную формулировку на следующую: «Находите ли Вы помощь в молитве как в способе избавления от плохих мыслей?»

Вопрос № 20: «Считаете ли Вы, что определенные вещи заряжены чужими чувствами и переживаниями?» – не соответствует согласно участникам интервью бытовому представлению о «заряженности» вещей: *Если тут имеется в виду какая-нибудь энергия, то да. Просто я реже сталкивалась именно с чувствами и переживаниями. Чаще это была какая-то, по рассказам людей, энергия больше, нечистая сила* (девушка-протестант, 21 год). В данном случае оригинальная формулировка была заменена на следующую: «Считаете ли Вы, что определенные вещи могут быть заряжены чужой энергетикой?»

В вопросе № 21: «Считаете ли Вы, что секрет эффективности молитв в их регулярности?» – использование словосочетания «секрет эффективности» не оправдано с точки зрения русского языка: *Я думаю, что важна практика регулярности молитв, т. е. это не про то, что она будет эффективной или неэффективной. Молитва тоже нужна нам для укрепления нашей веры. Молитва помогает укрепить веру. И поэтому, если ты регулярно молишься, возможно, ты увидишь больший эффект* (женщина-католик, 44 года). Было принято решение заменить оригинальную формулировку на следующую: «Считаете ли Вы, что в молитвах существенную роль играет регулярность?»

Респонденты имели трудности в интерпретации понятия «альтернативная медицина» в вопросе № 25: «Полагаете ли Вы, что альтернативная медицина может быть эффективна в лечении болезней?». Один из них дал такой ответ: *Вопрос в том, что такое альтернативная медицина. Я бы сказала, что это природная медицина, вроде фитолечения травами. В это я верю. Можно эффективно лечить природными компонентами. Для меня альтернативная – это природная* (православная женщина, 46 лет). Оригинальная формулировка была заменена на следующую: «Полагаете ли Вы, что народная медицина может быть эффективна в лечении болезней?»

В вопросе № 27: «Считаете ли Вы возможным существование ведуний, обладающих врожденным даром ведать взаимосвязи тонкого мира и физического?» – респонденты отмечали излишнюю «витиеватость» предложенной формулировки и спрашивали значение слова «ведать»: *Вот здесь я затрудняюсь ответить, не знаю* (православная женщина, 46 лет). *Возможно, что «тонкий» – это духовный мир, я просто не знаю, что это* (парень-протестант, 22 года). Было принято решение заменить оригинальную формулировку на следующую: «Считаете ли Вы возможным существование ведуний, обладающих врожденным даром видеть духовный мир?»

Респонденты по-разному интерпретировали понятия «паранормальные» и «фантастические» в вопросе № 35: «Возможно ли существование людей со сверхспособностями (паранормальными, фантастическими)?» Они акцентировали внимание именно на этих двух терминах и пытались дать им определение: *Паранормальными... Не знаю, меня смущает*

это слово. Это значит, что они могут передвигать какие-то вещи? (православная девушка, 21 год). Оригинальная формулировка была заменена на следующую: «Возможно ли существование людей со сверхспособностями (т. е. способностями, выходящими за пределы человеческих возможностей)?»

Респонденты соглашались только с первой частью вопроса № 51: «Верите ли Вы в существование “энергетических вампиров”, т. е. людей, обладающих сильным отрицательным биополем, способных высасывать энергию из других?» Один из интервьюируемых утверждал: *Я бы сказала об этом по-другому. Так называемые «энергетические вампиры» – это просто люди с «трудным», конфликтным характером; про отрицательное биополе я не говорю* (православная женщина, 46 лет). Было принято решение заменить оригинальную формулировку на следующую: «Верите ли Вы в существование “энергетических вампиров”, способных высасывать энергию из других людей?»

Респонденты по-разному интерпретировали понятие «красная нить судьбы» в вопросе № 70: «Существует ли вероятность того, что людей может связывать “красная нить судьбы”?» Они приводили примеры, связанные с оккультизмом, и сразу ставили вопросу самый низкий балл: *Смотря как это воспринимать. Тут двоякий вопрос: с одной стороны, это что-то оккультное, а с другой стороны, мне кажется, что Бог иногда так соединяет судьбы, что вот как будто бы они действительно друг для друга созданы* (девушка-протестант, 19 лет). Было решено уточнить вопрос и заменить оригинальную формулировку на следующую: «Существует ли вероятность того, что людей может связывать “красная нить судьбы” (т. е. люди, которые предназначены друг другу судьбой, связаны вместе невидимой “красной нитью”)?»

Участники интервью также по-разному трактовали вопрос № 71: «Считаете ли Вы возможным то, что человек, проживая свою нынешнюю жизнь, может помнить свою предыдущую?» Большинство из них указали на связь данного вопроса с жизненным опытом: *Тут вот «ошибки из прошлого» – это одно, «ошибки из жизни» – это другое, мне непонятно. Я этот вопрос понимаю однозначно, как в психологии, т. е. как прошлый опыт человека* (православная женщина, 46 лет). Оригинальная формулировка была заменена на следующую: «Считаете ли Вы возможным то, что человек, проживая свою нынешнюю жизнь, может помнить свою предыдущую (реинкарнация, перерождение)?»

В вопросе № 78: «Придерживаетесь ли Вы мнения о том, что народные целители и знахари обладают практическими знаниями, способными излечивать заболевания?» – использование слова «излечивать»,

по мнению респондентов, не совсем оправданно: *Как врача, меня смущает слово «излечить». Это абсолютно полностью очистить организм от этой болезни. В таком контексте целесообразнее использовать слово «лечить», потому что оно звучит более адекватно, как что-то, что может периодически происходить и не предполагает конечного исхода* (девушка-протестант, 20 лет). Было принято решение заменить оригинальную формулировку на следующую: «Придерживаетесь ли Вы мнения о том, что народные целители и знахари обладают практическими знаниями, способными лечить заболевания?»

По результатам когнитивных интервью были внесены изменения в формулировки вопросов. В финальном варианте опросника представлены 84 утверждения, касающихся астрологии, парапсихологии, космоэнергетики, нумерологии, альтернативной медицины, бытовых примет и суеверий, гаданий, реинкарнации (перерождения), ритуальных магических практик, оккультизма, экстрасенсорики, традиционных религиозных представлений и др. Каждое из утверждений оценивается по пятибалльной шкале Ликерта, в основе которой лежит параметр согласия или несогласия с суждениями, направленными на выявление уровня приверженности экзотеризму, где 5 – полностью согласен; 4 – частично согласен; 3 – трудно сказать, согласен или не согласен; 2 – частично не согласен; 1 – совершенно не согласен [16, с. 359–362; 17, с. 625–632; 18, с. 1058–1066]. Суммарный балл по шкалам в рамках описанной терминологии исследования авторы настоящей статьи интерпретируют как общий показатель приверженности экзотерическим представлениям.

Данная методика предполагает оценку поведения последователей конфессий, их информированности и приверженности экзотерическим представлениям. Следует отметить, что в качестве объекта исследования выступают представители христианских конфессий, демонстрирующие признаки заметной вовлеченности в исповедуемую религию. Для репрезентации мировоззренческих особенностей приверженцев различных конфессий в качестве выборки рассматривались последователи православия как наиболее распространенной традиционной конфессии в Беларуси и христиане-евангелисты как участники традиционной, но более закрытой профессиональной группы со строгими каноническими требованиями.

Эмпирической базой апробации опросника стало исследование, проведенное в 2023 г. методом раздаточного анкетного опроса, в религиозных общинах по предварительному согласованию с их руководителями.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования было опрошено 246 респондентов (табл. 1), из которых 45 % респондентов

идентифицировали себя как православные, 30 % респондентов – как христиане веры евангельской,

1,2 % респондентов – как католики. Примечательно, что влияние эклектических представлений сказывается даже на среде последователей конфессий. С учетом того что вопрос о религиозной принадлежно-

сти был открытым, 11 % респондентов отнесли себя к христианству в целом, 9,3 % респондентов – к протестантизму в целом и еще 2 % респондентов отказались указать конфессиональную принадлежность.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос об их принадлежности конфессии

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question about their confession

Ответ	Количество респондентов
Православие	113
Христиане веры евангельской	75
Католицизм	3
Христианство	27
Протестантизм	23
Нет ответа	5

Главной задачей оценки методики является определение ее надежности как исследовательского инструмента. Для решения задачи по снижению объема пространства анализируемых переменных использовался метод главных компонент факторного анализа с применением ортогонального вращения по методу варимакс с нормализацией Кайзера. Выделение главных компонент осуществлялось для всего набора вопросов. Приемлемость использования факторного анализа оценивалась на основании критерия адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина и критерия сферичности Бартлетта. Итогом применения эксплораторного факторного анализа стало выделение 19 главных компонент, сохра-

нивших около 68 % дисперсии исходных показателей. Для определения оптимального числа факторов использовалась точечная диаграмма (*Screeplot*), которая демонстрирует, что область значимых факторов наблюдается выше пятого фактора (см. рисунок), а ниже располагается область незначимых факторов («щебень»). Для снижения размерности пространства переменных количество факторов было ограничено и равнялось пяти. Итогом применения конфирматорного факторного анализа стало выделение 5 главных компонент, сохранивших около 43 % дисперсии исходных показателей (табл. 2). В качестве значимого коэффициента корреляции между переменными установлено значение 0,45.

Таблица 2

Объясненная совокупная дисперсия в результате выделения пяти главных компонент

Table 2

Explained total variance as a result of isolating five principal components

Номер компоненты	Начальное собственное значение			Извлечение суммы квадратов нагрузок			Ротация суммы квадратов нагрузок		
	Всего	Процент дисперсии	Суммарный процент	Всего	Процент дисперсии	Суммарный процент	Всего	Процент дисперсии	Суммарный процент
1	17,981	21,406	21,406	17,981	21,406	21,406	11,809	14,059	14,059
2	7,569	9,011	30,417	7,569	9,011	30,417	7,318	8,712	22,771
3	4,056	4,828	35,245	4,056	4,828	35,245	7,128	8,486	31,257
4	3,535	4,208	39,453	3,535	4,208	39,453	6,209	7,391	38,648
5	3,093	3,682	43,135	3,093	3,682	43,135	3,769	4,487	43,135

Группа утверждений, формирующая первый фактор (первую компоненту), отражает модернистские представления об использовании магических прак-

тик в повседневной деятельности. Она образована суждениями, характеризующими приверженность астрологическим представлениям, нумерологии, га-

данию на картах Таро, вере в реинкарнацию (перерождение) и наличие определенных энергетически благоприятных дат, событий, отрезков времени, применению в практике действий, традиционно относящихся к суевериям и т. д. Для второй группы факторов присущи традиционалистские магические представления, основанные на вере в экстрасенсорнику: наличие различных энергий, духовных сил и возможность ими управлять. Третий фактор можно обозначить как имплицитные представления о действенности магических практик, базирующиеся на вере в магическую причинность, в действенность магических ритуалов, сверхъестественное, одержимость и т. д. Четвертый фактор отражает ориентацию на церковные практики, обуславливающие веру

в необходимость и важность совершения культовых действий и эффективность использования культовых предметов: произношение молитв, употребление святой воды, зажжение свечей и т. д. Пятый фактор объединил всего четыре суждения, характеризующих веру во взаимосвязь определенных действий и их последствий, а также конспирологические представления, связанные с существованием тайных правящих сил.

Суждения, которые образовали факторы, были сгруппированы в шкалы (табл. 3). В целях последующей проверки надежности для всех шкал были рассчитаны значения α -коэффициента Кронбаха (его значение более 0,7 является удовлетворительным).

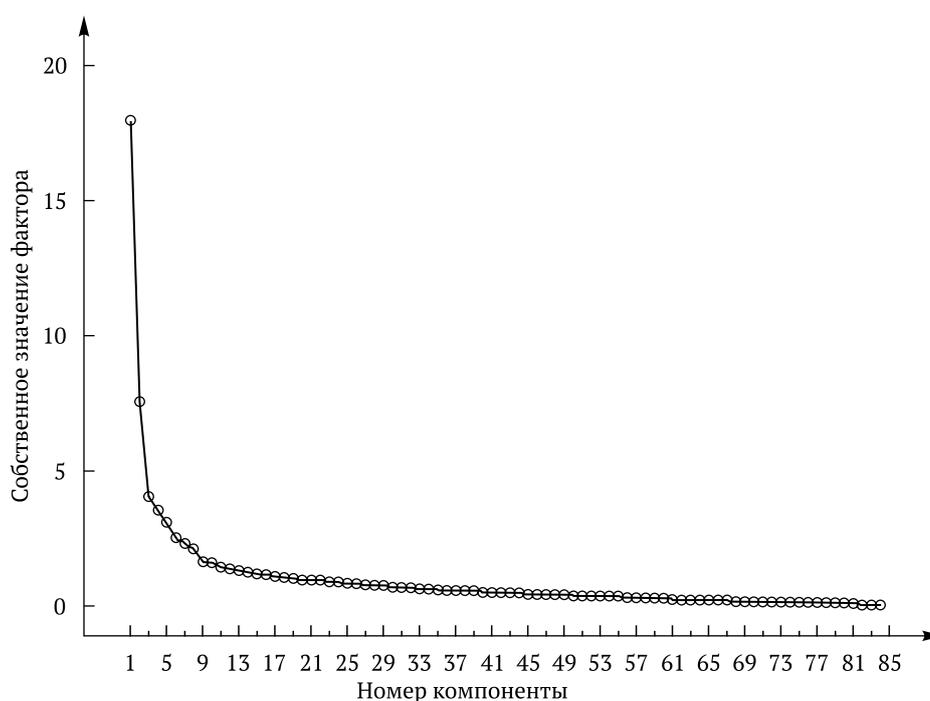

График собственных значений факторов
Factor eigenvalue plot

Таблица 3

Результаты проверки надежности шкал

Table 3

Results of scale reliability testing

Номер шкалы	Наименование шкалы	Количество элементов (утверждений) в шкале	Статистика надежности α -коэффициента Кронбаха
1	Модернистские представления	23	0,936
2	Традиционалистские магические представления	11	0,852
3	Имплицитные представления о действенности магических практик	11	0,890
4	Ориентация на церковные практики	9	0,875
5	Конспирологическая ориентация	4	0,555

В шкалу № 1 «модернистские представления» вошли 23 утверждения (номера утверждений в опроснике: 3, 4, 7, 9, 14, 15, 26, 34, 40, 43, 46, 49, 52, 56, 61, 64, 67, 68, 71, 73, 81, 82, 84), характеризующие веру в астрологию, нумерологию, космоэнергетику, реинкарнацию (перерождение), а также в бытовые приметы и суеверия. Шкала продемонстрировала высокую степень надежности ($\alpha = 0,936$), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,005.

Шкала № 2 «традиционалистские магические представления» (установка «традиционалистские представления») включает 11 утверждений (номера утверждений в опроснике: 1, 2, 5, 8, 12, 18, 21, 24, 31, 50, 65), характеризующих веру в экстрасенсорику и возможности магического воздействия на здоровье. Шкала продемонстрировала высокую степень надежности ($\alpha = 0,852$), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,022.

Шкала № 3 «имплицитные представления о действенности магических практик» (установка «имплицитные представления») состоит из 11 утверждений (номера утверждений в опроснике: 20, 27, 32, 35, 51, 57, 60, 62, 75, 77, 78), характеризующих веру в эффективность традиционных религиозных практик (молитвы) и магическую причинность. Шкала продемонстрировала высокую степень надежности ($\alpha = 0,890$), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,018.

В шкалу № 4 «ориентация на церковные практики» (установка «воцерковленность») вошли 9 утверждений (номера утверждений в опроснике: 11, 13, 16, 22, 39, 69, 74, 76, 79), характеризующих веру в действенность традиционных церковных практик и предметов (крещение, использование святой воды, церковного масла и т. д.). Шкала продемонстрировала высокую степень надежности ($\alpha = 0,875$), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,033.

Шкала № 5 «конспирологическая ориентация» содержит всего 4 элемента, включающие в себя конспирологию (теории заговоров) и субъективный контроль (склонность человека приписывать причины событий внешним или внутренним факторам). Шкала показала невысокую степень надежности ($\alpha = 0,555$). Отклонения при исключении пунктов распределились в диапазоне от 0,023 до 0,171. В силу низкой степени надежности было решено исключить пятый компонент из дальнейшего анализа.

Для определения естественного разбиения набора данных на группы (или кластеры) на основе выявленных факторов была проведена процедура двухэтапного кластерного анализа с последующим распределением респондентов на 4 группы: 32,5 % человек являются приверженцами модернистских представлений, 32,9 % человек – приверженцами воцерковленности, 18,7 % человек ориентируются, как правило, на традиционалистские магические представления, 15,9 % человек – на имплицитные представления о действенности магических практик.

На основе анализа социально-демографического профиля последователей обозначенных уста-

новок можно отметить его особенности (табл. 4). Соблюдение культовых практик, вера в действенность священных сил (установка на воцерковленность) наиболее важны для женщин. Им также свойственно наличие астрологических и зодиакальных представлений (модернистские представления). Для мужчин в первую очередь характерен интерес к современным модернистским представлениям и ориентация на стереотипизированные традиционные представления.

Приверженность формам экзотеризма имеет и возрастную специфику. Культовые действия значимы для людей среднего и старшего возрастов (установка на воцерковленность). Для молодежи более существенна установка на современные тренды увлечения астрологическими и нумерологическими идеями. Вероятно, интерес к традиционалистским представлениям и установкам на воцерковленность обусловлен влиянием окружения и стремлением к одобряемому поведению. Респонденты среднего возраста привержены имплицитным представлениям о действенности магических практик, что, возможно, связано с чувством социальной ответственности, наряду с установкой на воцерковленность. Представители старшей возрастной группы интересуются либо каноническими практиками, либо более новыми трендами, традиционалистские и имплицитные представления в данной группе выражены слабо.

Проявления магических установок имеют определенную конфессиональную окрашенность. Так, у последователей централизованных конфессий (православие и католицизм) больший интерес вызывает астрология, нумерология, гадание (модернистские представления), а также экстрасенсорные и магические воздействия (традиционалистские представления). Для последователей протестантских конфессий более значимым является совершение традиционных ритуальных практик.

С целью оценки характера погруженности в идейные компоненты магических представлений для четырех шкал были рассчитаны описательные статистики (табл. 5) и сделано пропорциональное распределение по уровням оценок (табл. 6). Пропорциональное распределение (33,33 %) позволило сгруппировать ответы респондентов по трем уровням: высокий, средний и низкий (см. таблицу 6). Для них были рассчитаны соответствующие диапазоны значений.

Специфику демографического профиля респондентов можно представить для обозначенных позиций и уровней (табл. 7). Женщины склонны демонстрировать приверженность магическим представлениям в отношении всех обозначенных установок. Однако стоит отметить, что как для мужчин, так и для женщин характерен умеренный интерес к различным видам магических практик: уровень вовлеченности для всех четырех шкал является преимущественно средним. Наибольший интерес у женщин вызывают модернистские представления и установка на воцерковленность, у мужчин – традиционалистские и имплицитные представления.

Таблица 4

Доля респондентов, приверженных установке, в зависимости от их характеристик, %

Table 4

Share of respondents committed to installation, depending on their characteristics, %

Характеристика		Установка			
		Модернистские представления	Традиционалистские представления	ИмPLICITные представления	Воцерковленность
Пол	Мужской	36,4	22,7	19,3	21,6
	Женский	33,6	16,8	14,0	35,7
Возраст	18–30 лет	39,7	25,5	9,2	25,5
	31–50 лет	18,6	8,6	32,9	40,0
	51 год и старше	42,9	9,5	4,8	42,9
Конфессия	Православие	64,6	32,7	0	2,7
	Католицизм	0	100,0	0	0
	Христианство	11,1	11,1	33,3	44,4
	Протестантизм	13,0	8,7	26,1	52,2
	Христиане веры евангельской	1,3	0	30,7	68,0

Таблица 5

Описательные статистики

Table 5

Descriptive statistics

Установка	Количество человек	Среднее отклонение	Среднеквадратическое отклонение	Минимум	Максимум	Процентили		
						25-й	50-й (медиана)	75-й
Модернистские представления	246	38,1016	17,47260	23,0	91,0	25,0	30,0	46,0
Традиционалистские представления	246	26,3211	9,79622	11,0	50,0	19,0	26,0	33,0
ИмPLICITные представления	246	50,6789	9,83157	15,0	60,0	46,75	54,0	58,0
Воцерковленность	246	20,1220	9,22028	9,0	44,0	13,0	17,0	28,0

Таблица 6

Уровни оценок в диапазонах значений шкал, балл

Table 6

Levels of ratings in ranges of scale values, point

Уровень	Шкала			
	Модернистские представления	Традиционалистские магические представления	ИмPLICITные представления о действенности магических практик	Ориентация на церковные практики
Низкий уровень	23–26	11–20	12–49	9–13
Средний уровень	27–37	21–30	50–56	14–22
Высокий уровень	38–115	31–55	57–60	23–45

Доля респондентов в зависимости от уровня приверженности установке и социально-демографических характеристик, %

Table 7

Share of respondents depending on the level of commitment to the installation and socio-demographic characteristics, %

Характеристика		Установка											
		Модернистские представления			Традиционалистские представления			ИмPLICITные представления			Воцерковленность		
		Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Пол	Мужской	31,4	42,3	39,8	40,3	32,5	41,5	44,0	30,4	40,3	38,9	36,5	38,8
	Женский	68,6	57,7	60,2	59,7	67,5	58,5	56,0	69,6	59,7	61,1	63,5	61,2
Возраст	18–30 лет	55,7	53,1	72,8	60,6	67,5	54,3	86,5	53,8	43,8	49,3	62,7	69,0
	31–50 лет	37,1	35,8	18,5	29,6	25,0	35,8	10,8	33,3	45,0	42,5	32,0	17,9
	51 год и более	7,1	11,1	8,6	9,9	7,5	9,9	2,7	12,8	11,3	8,2	5,3	13,1

Молодежь в возрасте 18–30 лет имеет наиболее высокий уровень увлечения модернистскими магическими практиками. Для респондентов средней возрастной группы характерна установка на традиционалистские и имPLICITные представления. Респонденты старшего возраста ориентированы на традиционные церковные практики. Так, конфессионально установленные нормы религиозной деятельности в большой степени влияют на взрослое поколение.

Наибольшее влияние религиозной нормативности проявляется у старшей возрастной группы. Религиозные представления молодежи более размыты: они демонстрируют увлеченность магическими представлениями и практиками различных типов. Можно говорить о том, что объектами экзотерического воздействия являются прежде всего женщины и молодые люди как группы, вовлеченные в активное цифровое медиапотребление.

Заклучение

Можно судить об успешной апробации методики выявления уровня приверженности экзотеризму, поскольку она прошла психометрическую проверку валидности и надежности. Методика может быть использована в диагностических, исследовательских и прогностических целях. Однако стоит обратить внимание на то, что при ее применении требуется до-

полнительная проверка конструктивной валидности опросника с использованием методов наблюдения и эксперимента в связи с предполагаемым влиянием на ответы респондентов их сложившихся установок, мотивов, представлений о цели исследования и изучаемом явлении, а также в связи с возможным воздействием на ответы эффекта социальной желательности.

Библиографические ссылки

1. Мосс М. *Социальные функции священного. Избранные произведения*. Трофимов ВЮ, составитель; Утехин ИВ, Геренко НМ, редакторы. Санкт-Петербург: Евразия; 2000. 448 с.
2. Тэйлор ЭБ. *Первобытная культура*. Коропчевский ДА, переводчик. Москва: Издательство политической литературы; 1989. 573 с.
3. Фрезер ДжДж. *Золотая ветвь. Исследование магии и религии*. Рыклин МК, переводчик. Москва: Эксмо; 2006. 960 с.
4. Фиркандт А. Механизм культурных изменений. *Личность. Культура. Общество*. 2000;1:199–217. EDN: HSKQBH.
5. Кисляков НА. Евгений Георгиевич Кагаров. *Советская этнография*. 1963;1:144–147.
6. Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. Москва: Рефл-бук; 1998. 288 с.
7. Леви-Стросс К. *Структурная антропология*. Иванов ВячВс, переводчик. Москва: Наука; 1985. 512 с.
8. Токарев СА. *Ранние формы религии*. Москва: Политиздат; 1990. 622 с.
9. Иваненко АЮ. *Мистическое мышление как познавательная деятельность: гносеологический анализ* [диссертация]. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет; 2002. 117 с.
10. Торчинов ЕА. *Мистический (трансперсональный) опыт и метафизика (к постановке проблемы)* [Интернет]. 1993 [цитировано 9 ноября 2023 г.]. Доступно по: https://royallib.com/read/torchinov_evgeniy/misticheskiy_transpersonalnyy_opit_i_metafizika.html#0.
11. Рассел ДжБ. *Колдовство и ведьмы в Средние века*. Татлыбаева АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Евразия; 2001. 480 с.

12. Поклад ЕА, Шкурова ЕВ. Религиозные практики в условиях цифровой трансформации. В: Институт философии НАН Беларуси. *Современные задачи гуманитарного знания. Материалы Шестой международной научной конференции; 17–18 ноября 2022 г.; Минск, Беларусь. Том 2.* Минск: Четыре четверти; 2022. с. 176–180.
13. Аристотель. *Сочинения. Том 4.* Жебелев С, переводчик. Москва: Мысль; 1983. Политика; с. 374–644.
14. Vidyaratna T, editor. *Kulārōava-tantra.* London: Cosmo Publications; 1917. 262 p.
15. Webb J. *The occult establishment.* Illinois: Open Court Publishing Company; 1976. 535 p.
16. Armstrong RL. The midpoint on a five-point Likert-type scale. *Perceptual and Motor Skills.* 1987;64(2):359–362. DOI: 10.2466/pms.1987.64.2.359.
17. Norman G. Likert scales, levels of measurement and the «laws» of statistics. *Advances in Health Sciences Education.* 2010;15(5):625–632. DOI: 10.1007/s10459-010-9222-у.
18. Robbins NB, Heiberger RM. *Plotting Likert and other rating scales* [Internet]. 2011 [cited 2023 May 2]. Available from: https://www.asasrms.org/Proceedings/y2011/Files/300784_64164.pdf.

References

1. Mauss M. *Sotsial'nye funktsii svyashchennogo. Izbrannye proizvedeniya* [Social functions of the sacred. Selected works]. Trofimov VYu, compiler; Utekhin IV, Gerenko NM, editors. Saint Petersburg: Evraziya; 2000. 448 p. Russian.
2. Tylor EB. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Koropchevskii DA, translator. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1989. 573 p. Russian.
3. Frazer JG. *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [Golden branch. Study of magic and religion]. Ryklin MK, translator. Moscow: Eksmo; 2006. 960 p. Russian.
4. Vierkandt A. A mechanism of cultural changes. *Persony. Culture. Society.* 2000;1:199–217. Russian. EDN: HSKQBH.
5. Kislyakov NA. [Evgeniy Georgievich Kagarov]. *Sovetskaya etnografiya.* 1963;1:144–147. Russian.
6. Malinovskii B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, science and religion]. Moscow: Refl-buk; 1998. 288 p. Russian.
7. Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Ivanov VyachVs, translator. Moscow: Nauka; 1985. 512 p. Russian.
8. Tokarev SA. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat; 1990. 622 p. Russian.
9. Ivanenko AYu. *Misticheskoe myshlenie kak poznavatel'naya deyatel'nost': gnoseologicheskii analiz* [Mystical thinking as cognitive activity: epistemological analysis] [dissertation]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University; 2002. 117 p. Russian.
10. Torchinov EA. *Misticheskii (transpersonal'nyi) opyt i metafizika (k postanovke problemy)* [Mystical (transpersonal) experience and metaphysics (towards the formulation of the problem)] [Internet]. 1993 [cited 2023 November 9]. Available from: https://royallib.com/read/torchinov_evgeniy/misticheskii_transpersonalnyi_opit_i_metafizika.html#0. Russian.
11. Russell JB. *Koldovstvo i ved'my v Srednie veka* [Witchcraft and witches in the Middle Ages]. Tatlybaeva AM, translator. Saint Petersburg: Evraziya; 2001. 480 p. Russian.
12. Poklad EA, Shkurova EV. [Religious practices in the context of digital transformation]. In: Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus. *Sovremennye zadachi gumanitarnogo znaniya. Materialy Shestoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 17–18 noyabrya 2022 g.; Minsk, Belarus'. Tom 2* [Modern tasks of humanitarian knowledge. Proceedings of the 6th International scientific conference; 2022 November 17–18; Minsk, Belarus. Volume 2]. Minsk: Chetyre chetverti; 2022. p. 176–180. Russian.
13. Aristotle. *Sochineniya. Tom 4* [Essays. Volume 4]. Zhebelev S, translator. Moscow: Mysl'; 1983. Politics; p. 374–644. Russian.
14. Vidyaratna T, editor. *Kulārōava-tantra.* London: Cosmo Publications; 1917. 262 p.
15. Webb J. *The occult establishment.* Illinois: Open Court Publishing Company; 1976. 535 p.
16. Armstrong RL. The midpoint on a five-point Likert-type scale. *Perceptual and Motor Skills.* 1987;64(2):359–362. DOI: 10.2466/pms.1987.64.2.359.
17. Norman G. Likert scales, levels of measurement and the «laws» of statistics. *Advances in Health Sciences Education.* 2010;15(5):625–632. DOI: 10.1007/s10459-010-9222-у.
18. Robbins NB, Heiberger RM. *Plotting Likert and other rating scales* [Internet]. 2011 [cited 2023 May 2]. Available from: https://www.asasrms.org/Proceedings/y2011/Files/300784_64164.pdf.

Статья поступила в редколлегию 28.12.2023.
Received by editorial board 28.12.2023.

УДК [159.923.2+316.61]:316.477

АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ ВЫБОРА

ЧЖАО ЮАНЬЛУН¹⁾, Л. В. ФИЛИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализирована особенность психологического и социологического рассмотрения концепции жизненного пути. Отмечено, что феномен жизненного пути был введен в психологических исследованиях, в которых основной акцент делался на понятии самоосуществления, а также на личности как субъекте своего жизненного пути. При этом субъект изучался в качестве некоей автономной единичности, ставящей перед собой жизненные цели и подбирающей средства для их достижения. Социологический подход принципиально меняет точку зрения, делая предметом рассмотрения зависимость жизненного пути от социального контекста. Этот контекст имеет два основных измерения: идеологическое (ценностно-нормативное), в рамках которого происходит институционализация жизненного пути, и материальное, в рамках которого осуществляется объективная детерминация жизненного пути в зависимости от доступа к ресурсам и от положения индивида в социальном пространстве. Таким образом, общество создает механизм структурного принуждения к выбору определенной жизненной траектории.

Ключевые слова: жизненный путь; жизненная траектория; биографический метод; жизненный сценарий; социальный возраст.

ANALYSIS OF METHODOLOGICAL PRESUPPOSITIONS FOR LIFE COURSE STUDYING: THE PROBLEM OF CHOICE SUBJECTIVITY

ZHAO YUANLONG^a, L. V. FILINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. V. Filinskaya (filinskav@gmail.com)

Abstract. The article analyses the peculiarity of the psychological and sociological consideration of the concept of the life course. It is noted that initially the concept of a life course was introduced within the framework of psychological research, in which the main emphasis was placed on self-realisation and personality as a subject of one's life course. At the same time, the subject was considered as a kind of autonomous unit that sets life goals for itself and selects the means to achieve them. The sociological approach fundamentally changes the point of view, making the dependence of the life course on the social context the subject of its consideration. This context has two main dimensions: ideological (value-normative) within which

Образец цитирования:

Чжао Юаньлун, Филинская ЛВ. Анализ методологических предпосылок изучения жизненного пути: проблема субъектности выбора. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:60–66. EDN: AKYEXO

For citation:

Zhao Yuanlong, Filinskaya LV. Analysis of methodological presuppositions for life course studying: the problem of choice subjectivity. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:60–66. Russian. EDN: AKYEXO

Авторы:

Чжао Юаньлун – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Л. В. Филинская.

Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Zhao Yuanlong, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. z.bestdragon5@gmail.com

Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. filinskav@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4133-5416>

the institutionalisation of the life course takes place, as well as material, within which the objective determination of the life course is carried out depending on access to resources and on the position of the individual in the social space. Thus, society creates a mechanism of structural compulsion to choose a certain life trajectory.

Keywords: life course; life trajectory; biographical method; life scenario; social age.

Введение

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества эмпирических исследований и, соответственно, публикаций, основанных на анализе большого массива биографических данных. Кроме того, если ранее такие исследования носили скорее локальный характер (по крайней мере, в Китае и странах СНГ), то сейчас реализуются крупные международные проекты, позволяющие проводить межстрановые сравнения, реконструируя историю жизни целых поколений. Примером проекта выступает исследование «Поколения и гендер», в котором приняло участие 31 государство мира, в том числе Беларусь и специальный административный район Китая – Гонконг¹ [1]. Особенностью указанного проекта является открытость информации для исследователей, что предоставляет большие возможности для практической реали-

зации подходов к изучению данных, базирующихся на методологии анализа жизненного пути. Следует отметить, что в социологических исследованиях сбор и анализ биографии осуществляется в рамках концепции жизненного пути, которая имеет собственные теоретико-методологические основания. В ряде публикаций эта концепция упоминается в качестве самостоятельного подхода, отдельной методологии и междисциплинарной парадигмы социально-гуманитарного познания. В данной статье проанализированы методологические предпосылки изучения жизненного пути, при этом в качестве основного теоретико-методологического аспекта рассматриваемой концепции, позволяющего разграничить разные предметные области исследования, предлагается изучение проблемы субъектности выбора жизненного пути.

Основная часть

Интерес к исследованию жизненного пути в рамках социально-гуманитарного знания возник в первые десятилетия XX в. преимущественно в Австрии, СССР и США. В Австрии попытка изучения данного феномена впервые предпринята Ш. Бюлер, о чем писал А. А. Мясников [2]. Она обобщила большое количество биографических данных в работе «Путь человеческой жизни как психологическая проблема». С одной стороны, Ш. Бюлер впервые обратила внимание на закономерности (регулярности) в жизни людей, что стало основанием для определения так называемых фаз жизни [3]. С другой стороны, анализ этих закономерностей не привел к идее их внешней (социальной) обусловленности. Ш. Бюлер, как представитель гуманистической психологии, исследовала самоосуществление человека на каждой фазе жизненного пути, при этом идея самоосуществления подразумевала наличие некой внутренней сути человека, его самости. Так, основной залог психологического здоровья человека заключается в правильном выборе жизненных целей, которые соответствуют сущности человека [4].

Несмотря на то что Ш. Бюлер акцентировала внимание на субъектности человека в рамках его жизненного пути, она признавала значимость некоторых внешних факторов, способных помешать самоосуществлению. В частности, правильному са-

моосуществлению может помешать плохое воспитание, при котором ребенку навязываются цели и модели поведения, не соответствующие его самости. Вместе с тем последствия неправильного воспитания, результатом которого являются неврозы, образующиеся в силу противоречия внутренней самости человека и неверного выбора жизненных целей, по мнению Ш. Бюлер, поддаются корректировке в рамках психологической терапии.

В СССР концепцию жизненного пути также разрабатывали психологи, прежде всего С. Л. Рубинштейн и Б. Г. Ананьев, о чем писал Ю. Н. Долгов². Как отмечала Я. А. Сурикова, для С. Л. Рубинштейна ключевым элементом и субъектом жизненного пути выступает личность [5]. В научных статьях, посвященных концепции С. Л. Рубинштейна о личности как субъекте жизненного пути, часто встречаются такие характеристики личности и субъекта, как самоорганизация, активность, инициатива, целеполагание, сознательность и ответственность [6]. Жизненный путь он рассматривал как время и пространство возможностей для самореализации личности.

В США первые исследования истории жизни людей обычно связывают с У. В. Томасом и Ф. А. Знанецким и их фундаментальным трудом «Польский крестьянин в Европе и Америке» (подробнее об этом сказано в работах [7; 8]). В данном случае для развития

¹Generations and gender programme : site. URL: <https://www.ggp-i.org/> (date of access: 20.09.2023).

²Долгов Ю. Н. Ценностно-событийный анализ жизненного пути личности : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.06. Саратов, 2004. 20 с.

социологической методологии значение имело использование так называемого биографического подхода, или биографического метода, который основан на анализе биографических документов (писем), отражающих события в жизни отдельных людей и их отношение к этим событиям, что служит базой для последующих аналитических обобщений. Однако в отличие от Ш. Бюлер, которая также изучала биографические документы, У. А. Томас и Ф. В. Знанецкий не разрабатывали жизненный путь как концепцию или специальный термин. Аналогичная ситуация характерна и для всей чикагской школы первой половины XX в., где активно применялся биографический подход, использовалось понятие «жизненный цикл», однако отсутствовали глубокий анализ и теоретическая проработка самой концепции.

Таким образом, в первой половине XX в. концепция жизненного пути формировалась преимущественно в психологии с точки зрения самоосуществления и (или) самореализации личности (самости субъекта). В свою очередь, субъект рассматривался как некая автономная единичность, ставящая перед собой жизненные цели и подбирающая средства для их достижения. При таком подходе центральное место занимает понятие «выбор жизненного пути» как «характеристика свободной личности, способной к принятию решения зачастую вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам» [9, с. 124]. В последующие годы в рамках психологического рассмотрения термина «жизненный путь» разрабатывалась проблематика так называемой субъективной картины жизненного пути [5]. В данном контексте понятие «биография» анализируется прежде всего как определенный нарратив – содержательное повествование (рассказ) человека о своей жизни, которое обеспечивает, с одной стороны, интегративную функцию восприятия личного Я как некоей целостности на протяжении всей жизни, а с другой стороны, функцию самопрезентации или выстраивания своей я-концепции. Для психологов подобные нарративы – это важный материал, в котором через практику интерпретации личной биографии раскрывается субъективный психологический мир конкретного человека. Кроме того, поскольку биографический нарратив напрямую связан с я-концепцией, его корректировка позволяет вносить изменения в эту концепцию, преодолевая таким образом психологические проблемы.

Углубление психологических исследований жизненного пути в субъективную сферу позволяет разграничить предметную область психологии и социологии при изучении рассматриваемого феномена. Вместе с тем следует отметить некоторые психологические концепции, имеющие теоретическое значение для социологии. В частности, представитель психоаналитического направления Э. Берн высказал сомнения в абсолютной субъектности человека

при определении жизненного пути. Он ввел понятие «жизненный сценарий». В отличие от жизненного пути с его традиционным акцентом на сознательный выбор субъекта жизненный сценарий представляет собой бессознательный план, который программируется у ребенка в возрасте от 2 до 5 лет под влиянием родителей. Будучи бессознательным образованием, этот сценарий воспринимается скорее как нечто «само собой разумеющееся» и выражается в предрасположенности к определенным ситуациям, событиям и способам поведения [10, с. 75].

Предложенная Э. Берном постановка вопроса вполне созвучна общей направленности социологического способа рассмотрения концепции жизненного пути, который активно развивался в 1960–80-х гг. Первыми представителями собственно социологического анализа жизненного пути можно назвать Б. Ньюгартена (его труд на эту тему опубликован в 1965 г.), П. Блау и О. Дункана (их работа датируется 1967 г.). Б. Ньюгартен обратил внимание на то, что для каждого возраста существует свой набор социальных норм и ожиданий конкретных биографических событий. Социолог подчеркивал, что определенная сеть возрастных ожиданий является неотъемлемой частью культуры устройства взрослой жизни, при этом такие ожидания оказываются скорее предписаниями наиболее важных событий в жизни, которые сильно воздействуют на поведение людей [7]. В свою очередь, П. Блау и О. Дункан затронули, возможно, более очевидный фактор объективного социального ограничения для свободного выбора субъектом своего жизненного пути. Если упростить их идею, то речь идет о существовании в каждом обществе неравенства и, соответственно, социальной стратификации, которая выявляет объем располагаемых ресурсов для представителей каждой страны. Таким образом, пространство выбора жизненного пути в значительной мере определено объективными социальными условиями (материальным положением семьи, доступностью и качеством образования и т. д.). Каков бы ни был личностный потенциал отдельного человека, для его реализации требуются существенные инвестиции, которые имеют как денежное, так и временное выражение. Например, если очень одаренный ребенок родился в бедной семье или стал сиротой, то, вероятно, инвестиции в его развитие будут минимальны: на его обучение будет потрачено меньше времени (к тому же качество этого времени будет гораздо ниже), чем на менее одаренного сверстника из более обеспеченной семьи [10]. Последующие десятилетия социологической рефлексии над концепцией жизненного пути были посвящены преимущественно осмыслению двух описанных интенций: системы социальных ожиданий в связи с биологическим возрастом и системы объективных ограничений пространства выбора жизненного пути в связи с позицией субъекта в социальной структуре.

Развитие первой интенции в социологии привело к разработке понятийного аппарата, позволяющего всесторонне анализировать жизненный путь. Наряду с хронологическим, биологическим и психологическим возрастом появился феномен социального возраста человека [3, с. 18], который определяется путем соотнесения актуального набора статусов и ролей субъекта с ожидаемым для того или иного возраста набором. Кроме того, социальный возраст – это не просто аналитическое понятие, а общественный институт, который влияет на восприятие людьми друг друга с точки зрения социальной зрелости и успешности. В соответствии с представлениями о социальном возрасте люди оценивают и самих себя, что порождает конкретные психологические проблемы и кризисы (когда, например, человек не успевает к тому или иному возрасту обзавестись семьей, собственным жильем, построить карьеру и т. д.). Таким образом, происходит «институционализация жизненного пути» [11, р. 61].

Как отмечал М. Коли, такая институционализация выражается в формировании системы общепринятых представлений о том, как должна складываться нормальная жизнь человека, т. е. какие социально значимые события должны произойти в его жизни, какие социальные статусы он получит в соответствии со своим хронологическим возрастом. Следовательно, если человек выбивается из так называемого графика (например, к 40 годам мужчина так и не отделился от семьи и живет с родителями в одном доме), это воспринимается как ненормальность и вызывает сомнение в полноценности человека. Так, для социологии жизненный путь – это не «пространство возможностей для самореализации личности», а, по определению Д. П. Хогана, «социально заданная, соотнесенная с возрастом последовательность стадий жизни индивида от рождения до смерти, связанная с возрастными изменениями (взрослением), организацией социальных ролей и воспроизводством» (цит. по [10, с. 73]).

Жизненный путь, как социальный институт, имеет свои репрессивные механизмы. В этом отношении он не отличается от других социальных институтов. Социолог П. Ариес еще в середине 1970-х гг. обратил внимание на сильную дифференциацию возрастных фаз (групп), которую он обозначил как институционально подкрепленную сегрегацию. В рамках указанной сегрегации вычленяются маргинальные возрастные группы детей, молодежи и старшего поколения, которые ограничены собственными институциональными структурами [11]. В последующем репрессивные механизмы возрастной маргинализации и сегрегации, особенно в трудовой сфере, получили название «эйджизм». В настоящее время этот феномен ставится в один ряд с другими репрессивными практиками, в основе которых лежит дискриминация по биологическим

признакам (например, сексизм – это дискриминация по половому признаку).

В контексте рассмотрения жизненного пути как социального института необходимо отметить его тесную связь с иерархической структурой ценностей конкретного общества. В частности, как было указано, нормативное расписание событий в рамках жизненного пути касается только значимых событий. Однако то, какое из них считать важным, определяет система ценностей. Например, если в конкретном обществе рождение ребенка есть значимое событие для самореализации женщины, то нормативное расписание жизненного пути четко регламентирует наиболее подходящий возраст для рождения ребенка и, соответственно, приобретения социального статуса матери. В результате на каждую женщину будет оказываться существенное давление (со стороны друзей, родственников, средств массовой информации и т. д.) в случае отставания от нормального графика рождения ребенка и тем более в случае, если такое событие не наступит вовсе. Как было показано в ряде исследований, оценка значимости рождения ребенка для самореализации женщины в конкретном обществе сильно коррелирует с долей женщин, которые предпочитают остаться бездетными [12].

Необходимо отметить, что ценностное восприятие тех или иных жизненных событий может сильно различаться в обществе той или иной страны. Так, например, в Великобритании, Бельгии, Ирландии, Нидерландах, Норвегии, Финляндии и Швеции менее 20 % населения считают рождение ребенка значимым событием для самореализации женщины. В свою очередь, в Китае примерно 40 % людей считают, что это важное условие для самореализации женщины, а в Беларуси их насчитывается около 70 % человек. С учетом настолько существенных различий восприятия ценности ребенка белорусские женщины будут испытывать большой уровень тревоги, если им не удастся родить.

Аналогичная ситуация характерна и для других биографических событий. При этом зависимость нормативного расписания жизненного пути от иерархической структуры ценностей общества во многом объясняет изменение этого расписания. Так, например, увеличение ценности образования приводит к повышению продолжительности периода жизни, когда образование является основным видом деятельности человека, а снижение ценности деторождения приводит к все более продолжительной отсрочке рождения первого ребенка. С учетом тесной связи ценностной структуры и нормативного расписания жизненного пути некоторые исследователи предлагают использовать ценностно-событийный подход к анализу жизненного пути³. Этот подход акцентирует внимание на более существенном эвристическом потенциале изучения жизненного

³Долгов Ю. Н. Ценностно-событийный анализ ... 20 с.

пути вместе с рассмотрением системы ценностей как отдельных респондентов, так и социальных групп (например, когорт или поколений).

Использование ценностно-событийного подхода при изучении выбора значимых этапов жизненного пути весьма актуально в странах с четко выраженной государственной идеологией, например в Китае. Масштабные социологические исследования студенческой молодежи Китая показали, что их отношение к официальной государственной идеологии существенно влияет на выбор места будущей работы. Так, среди студентов, которые позитивно относятся к идеологии своей страны и, следовательно, разделяют ее ценности, ориентированы на трудоустройство в государственном секторе экономики около 55 % молодежи, а среди студентов, негативно относящихся к идеологии, – лишь 37 % человек [13]. В целом результаты соответствуют глобальным трендам современности. Так, в настоящее время во многих странах мира все больше крупных компаний считают необходимым открыто демонстрировать свои базовые ценности (например, забота об окружающей среде, недопустимость дискриминации по половому или этническому признаку, недопустимость использования принудительного труда, осуждение харассмента и др.). При этом случаи резкого расхождения между реальными практиками и провозглашенными этическими принципами часто приводят к оттоку наиболее мобильных специалистов, а иногда и клиентов.

Как отмечалось выше, помимо институционального подхода к анализу жизненного пути, весьма продуктивным оказался подход, рассматривающий жизненный путь в рамках социальной стратификации. В данном контексте используется понятие стартовой позиции жизненного пути, или пункта отправления жизненной траектории (в терминологии П. Бурдьё). Как указывал французский социолог, позиции прибытия не являются одинаково вероятными для разных пунктов отправления, между ними существует очень тесная корреляция. Поясняя мысль П. Бурдьё, Г. А. Чередниченко отмечала, что индивидуальные траектории обусловлены социальным происхождением, которое служит их отправной точкой и фиксирует направленность траектории конечного достижения [8, с. 61]. Данный тезис социолога нашел свое подтверждение в многочисленных эмпирических исследованиях зависимости академических успехов детей (в школе и затем в университете) от их социального происхождения. Особенно

выразительна эта связь в случае детей-сирот, которые в среднем демонстрируют существенное отставание по результативности в образовательной сфере по сравнению с детьми, проживающими со своими родителями. Причем эта закономерность проявляется независимо от страны или региона мира [10, с. 75].

Резюмируя социологическое рассмотрение концепции жизненного пути, можно констатировать, что в отличие от ранних психологических работ в исследованиях по социологии предметом рассмотрения становится зависимость жизненного пути от социального контекста, а не от свободного выбора личности как субъекта истории своей жизни. Этот контекст имеет два основных измерения: идеологическое (ценностно-нормативное) и материальное (уровень доступа к ресурсам в зависимости от положения человека в социальном пространстве). При этом в современных версиях социологического анализа индивидуальные различия сводились к незначительным случайным отклонениям от общего тренда (исключения имеют место, но они настолько редкие, что ими можно пренебречь). Такие оценки вполне соответствовали духу времени (вторая половина XX в.), когда провозгласили смерть субъекта в пользу примата структур. В этом контексте российский социолог В. Ильин предложил использовать термин «жизненная колея», под которым понимается «механизм структурного принуждения к выбору определенной жизненной траектории» [14, с. 516].

Однако в настоящее время многие авторы акцентируют внимание на ускоряющейся тенденции снижения нормативной связанности жизненного пути как социального института [11, с. 64]. Эмпирические исследования действительно свидетельствуют о плюрализации моделей жизненного пути с точки зрения времени, последовательности и вариантов реализации значимых биографических событий. Эта тенденция вовсе не означает, что жизненный путь деинституционализировался и превратился в пространство свободного творчества и самореализации личности. Скорее в данном случае уместно говорить о том, что разные общества характеризуются различным уровнем жесткости социальной структуры, которая задает диапазон (границы) возможного (допустимого) выбора модели жизненного пути. В связи с этим перспективной задачей для последующих исследований может стать разработка методологии количественной оценки (измерения) уровня жесткости социальной структуры относительно вариативности выбора жизненного пути.

Заключение

Понятие жизненного пути было введено в рамках психологических исследований, в которых основной акцент делался на самоосуществлении, а также на личности как субъекте своего жизненного пути. При этом субъект рассматривался в качестве некой автономной сущности (единичности), ставящей пе-

ред собой жизненные цели и подбирающей средства для их достижения. Подобная субъектоцентричность стала фундаментальной методологической предпосылкой ранних концепций жизненного пути и важнейших инструментов для практической психологии, которая может использовать во многом ме-

тафизическое понятие «подлинная самость», а также постулат о необходимости ее самоосуществления для идеологического обоснования корректировки установок и поведения конкретного человека в рамках терапии.

Социологический подход принципиально меняет точку зрения, делая предметом рассмотрения зависимость жизненного пути от социального контекста. Этот контекст имеет два основных измерения:

идеологическое (ценностно-нормативное), в рамках которого происходит институционализация жизненного пути, и материальное, в рамках которого осуществляется объективная детерминация жизненного пути в зависимости от доступа к ресурсам и от положения индивида в социальном пространстве. Таким образом, общество создает механизм структурного принуждения к выбору определенной жизненной траектории.

Библиографические ссылки

1. Ротман ДГ, Эмери Т. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер». Том 1.* Минск: Белсэнс; 2018. 162 с.
2. Мясников АА. К проблеме актуальности исследования жизненного пути в социальных науках. *Гуманитарный вестник.* 2014;2:7. EDN: SEBIXF.
3. Маляров НА. Жизненный путь человека: определение и содержание понятия. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* 2013;2:8–21. EDN: QZKXLJ.
4. Логинова НА. Шарлотта Бюлер – представитель гуманистической психологии. *Вопросы психологии.* 1980;1:154–158.
5. Сурикова ЯА. Взаимосвязь ценностных ориентаций и значимых событий субъективной картины жизненного пути личности. *Высшее образование сегодня.* 2007;12:62–66. EDN: LPWULZ.
6. Абульханова КА. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности. *Психологический журнал.* 2014;35(2):5–18. EDN: SDVFST.
7. Ежов ОН. Проблема жизненного пути в западной социологии. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология.* 2005;4:82–95. EDN: JWAQBB.
8. Чередниченко ГА. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты. *Социологический журнал.* 2013;3:53–74. EDN: RDLZYT.
9. Арапова ПИ. Образ будущего и выбор жизненного пути в юношеском возрасте. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология.* 2015;1:122–129. DOI: 10.15382/sturIV201536.122-129.
10. Бессчетнова ОВ. Генезис концепции жизненного пути в отечественной и зарубежной науке. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии.* 2016;4:71–80. EDN: XSBWNH.
11. Mescherkina EY. Life course and biography: succession of sociological categories (analysis of Western conceptions). *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2002;7:61–67. EDN: MPKWPP.
12. Белов АА. Нематериальные факторы рождаемости: о влиянии пронаталистских ценностей на репродуктивное поведение в странах Европы. *Беларуская думка.* 2017;2:58–64.
13. 李爽. 当代大学生校园政治表达的类型及其教育意涵: 基于全国大学生社会心态调查数据 (2015) 的实证研究. *复旦教育论坛.* 2019;17:55–61 = Ли Шуан. Типы политического самовыражения современных студентов колледжей в кампусе и их образовательные последствия: эмпирическое исследование на основе данных Национального исследования социального менталитета студентов колледжей (2015). *Фуданьский образовательный форум.* 2019;17:55–61.
14. Ильин В. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории. *Журнал исследований социальной политики.* 2015;13(4):515–528. EDN: VSDBHT.

References

1. Rotman DG, Emeri T. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Metodologiya i opyt provedeniya issledovaniya «Pokoleniya i gender». Tom 1* [Belarus: family structure, family relationships, reproductive behaviour. Methodology and experience in conducting the study «Generations and gender». Volume 1]. Minsk: Belsens; 2018. 162 p. Russian.
2. Myasnikov AA. On the problem of relevance of researching the course of life in social sciences. *Humanities Bulletin of BMSTU.* 2014;2:7. Russian. EDN: SEBIXF.
3. Malyarov NA. [A person's life course: definition and content of the concept]. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development.* 2013;2:8–21. Russian. EDN: QZKXLJ.
4. Loginova NA. [Charlotte Buhler – representative of humanistic psychology]. *Voprosy psikhologii.* 1980;1:154–158. Russian.
5. Surikova YaA. Interconnection of value orientations and meaningful events in subjective picture of personality lifetime. *Vysshee obrazovanie segodnya.* 2007;12:62–66. Russian. EDN: LPWULZ.
6. Abulkhanova KA. Methodological principle of a subject: study of person's life course. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2014; 35(2):5–18. Russian. EDN: SDVFST.
7. Yezhov ON. [The problem of the course of life in Western sociology]. *Moscow State University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science.* 2005;4:82–95. Russian. EDN: JWAQBB.
8. Cherednichenko GA. [Educational and professional trajectories of youth: research concepts]. *Sociological Journal.* 2013; 3:53–74. Russian. EDN: RDLZYT.
9. Arapova PI. Vision of the future and choice of life in adolescence. *St. Tikhon's University Review. Series 4, Pedagogy. Psychology.* 2015;1:122–129. Russian. DOI: 10.15382/sturIV201536.122-129.
10. Besschetnova OV. Genesis of life course conception in Russian and foreign science. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii.* 2016;4:71–80. Russian. EDN: XSBWNH.

11. Mescherkina EY. Life course and biography: succession of sociological categories (analysis of Western conceptions). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;7:61–67. EDN: MPKWPP.
12. Belov AA. [Non-material factors of fertility: on the influence of pronatalist values on reproductive behaviour in European countries]. *Belaruskaja dumka*. 2017;2:58–64. Russian.
13. Li Shuang. [Types of political expression of contemporary college students on campus and their educational implications: an empirical study based on data from the National college social mentality survey (2015)]. *Fudan Educational Forum*. 2019;17:55–61. Chinese.
14. Ilyin V. [Profession as an individual life path: conceptualisation of the category]. *Journal of Social Policy Studies*. 2015;13(4):515–528. Russian. EDN: VSDBHT.

Статья поступила в редколлегию 18.01.2024.
Received by editorial board 18.01.2024.

УДК 101.1:316.347

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы особенности конструирования этнокультурной идентичности в современном городском пространстве. Выявлены закономерности в актуализации этнокультурной идентичности с учетом численных и возрастных показателей населения города, а также внешнего агрессивного фактора социодинамики. Уделено внимание проблемным аспектам этнической самокатегоризации среди мигрантов: этническая культура становится символическим нарративом и способом самопрезентации в условиях иного этнокультурного пространства. Затронут вопрос о статусе и значимости этнокультурной идентичности в повседневном городском пространстве этнофоров. Выделены институциональный и индивидуальный форматы актуализации темы этничности для поддержания внутригрупповой сплоченности и локальной идентичности. Подчеркнута необходимость обращения к конструктивистской парадигме интерпретации этничности, трактуемой как открытая и изменчивая структура, принадлежность к которой определяется не столько по объективным показателям, сколько по символическим маркерам.

Ключевые слова: этнос; этничность; этнокультурная идентичность; город; мегаполис; миграция; мигрант; этнофор; толерантность; этнические стереотипы; диалог культур; конструктивизм.

METAMORPHOSES OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN THE MODERN URBAN ENVIRONMENT

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the characteristics of creating an ethnocultural identity in modern urban settings. The author notes trends in the actualisation of ethnocultural identity while accounting for the population's numerical and age indicators, and the existence of an aggravating sociodynamic external element. The research focuses in particular on highlighting problematic elements of immigrant ethnic self-categorisation: ethnic culture transforms into a symbolic story and a means of self-presentation in a new ethnocultural setting. The status and importance of ethnocultural identity in the daily urban environment of ethnophores is another issue that the author brings up. The preservation of local identity and intragroup cohesiveness emphasises the institutional and individual formats for discussing ethnicity. It is stressed that in order to understand ethnicity, one must adopt the constructivist paradigm, which views ethnicity as a flexible and open structure whose membership is mostly decided by symbolic markers rather than objective markers.

Keywords: ethnos; ethnicity; ethnocultural identity; city; metropolis; migration; migrant; ethnophor; tolerance; ethnic stereotypes; dialogue of cultures; constructivism.

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Метаморфозы этнокультурной идентичности в современной городской среде. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:67–73.
EDN: CZVBND

For citation:

Kurbacheva OV. Metamorphoses of ethnocultural identity in the modern urban environment. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2: 67–73. Russian.
EDN: CZVBND

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

Современный город представляет собой транскультурное и полиэтничное пространство, в котором пересекается множество различных культурных практик и традиций. Сегодня демографическая статистика больших городов чаще всего показывает разнообразие национальных и этнических культур. Даже в небольшом по сравнению с другими мегаполисами Минске (по данным национальной статистики на 1 января 2023 г., население Минска составило 1 995 471 человек)¹ насчитывается более 25 национальных культур, среди которых можно отметить как многочисленные (русские, поляки, украинцы, евреи), так и малочисленные (удмурты, турки, корейцы, осетины) этнические группы². В современных условиях жизни в крупных городах не только расширяется матрица социальных ролей, но и заметно трансформируется этнокультурная идентичность городских жителей. Сегодня городской среде свойственна более гибкая и подвижная идентификационная модель, возникает эффект множественной или даже «дрейфующей» этнокультурной идентичности. Еще М. Вебер, анализируя процессы урбанизации, подчеркивал, что для создания города современного типа характерен отказ от традиционных социальных связей и переход к рационально-экономическим отношениям [1, с. 335]. Вместе с тем космополитичная модель городской среды, как и концепция мультикультурализма «салатница» или «плавильный котел», является не критичной и даже идеализированной моделью. В общественном сознании по-прежнему сохраняются этнокультурные стереотипы и предубеждения, которые могут выражаться как активно, так и в фоновом режиме, но при этом влияют на характер социального взаимодействия. Сегодня мегаполисы становятся не только центрами социокультурного, профессионального или финансового развития, но и местами этнокультурной напряженности, бытового шовинизма, этнофобии и потенциальных (или реальных) этнокультурных конфликтов. Уже при приближении к вопросам этнокультурной идентичности в современной городской среде становится очевидной проблемность поднимаемой темы. Актуальна ли этнокультурная идентичность в городской среде сегодня и что она из себя представляет? Влияет ли тип города по численности населения на востребованность этнического самосознания? Какова роль миграционного процесса в специфике этнокультурного взаимодействия в городе? Эти и многие другие вопросы легли в основу настоящего социально-философского исследования. Они аккумулируют различные проблемные аспекты этничности в пространстве городской среды.

Для осмысления заданной темы в первую очередь следует обозначить семантические границы интерпретации феномена этнокультурной идентичности. Выходя за пределы эссенциалистских трактовок этноса, основывающихся преимущественно на понимании неизменности и гомогенности этнической группы, автор данной работы предлагает концептуализировать этнокультурную идентичность как принадлежность к конкретной этнической группе с разделением свойственных ей мировоззренческих универсалий, ценностных ориентаций и символов. При этом важной особенностью выступают динамичный и открытый характер процесса самокатегоризации, в котором человек (этнофор) выступает не пассивным носителем этнокультурных маркеров, а активным субъектом, определяющим свою идентичность. По данной причине этнокультурная идентичность может быть устойчивой либо вариативной, множественной, вынужденной или даже «дрейфующей».

Как уже было отмечено, современный город является гетерогенным полиэтничным сообществом. В нем формируется уникальное пространство, отличающееся административно-территориальными, производственными, функциональными, транспортными, демографическими и другими характеристиками. В рамках настоящей статьи интерес представляет именно численная типология городов, в соответствии с которой в градостроительной практике выделяют малые (до 50 тыс. жителей), средние (от 50 тыс. до 100 тыс. жителей), крупные (от 100 тыс. до 1 млн жителей) и крупнейшие (более 1 млн жителей) города [2, с. 72]. Численные показатели влияют на следующее: чем больше по количеству жителей город, тем более актуальной становится тема этнокультурного взаимодействия. Эта закономерность объясняется тем, что в малых или средних городах производственная и организационно-хозяйственная деятельность обеспечивается за счет внутреннего ресурса жителей: рабочие места чаще всего являются ограниченными и не требуют дополнительного приглашения или привлекательных условий для найма со стороны. К проблеме отсутствия трудовой иммиграции можно добавить проблемы в таких важных сферах, как туризм и образование. Зарубежные студенты, туристы и представители трудовой иммиграции составляют существенную долю иностранцев в стране. Высшие учебные заведения, способные организовать обучение на международном уровне, чаще всего расположены именно в крупнейших городах. По этим причинам сельская местность и малые города (за исключением приграничных зон) являются более монолитным этнокуль-

¹Численность населения на 1 января 2024 г. по областям и г. Минску // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : сайт. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan-roob/ (дата обращения: 10.01.2024).

²Национальный состав населения Республики Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей : сайт. URL: <https://belarus21.by/Articles/1458134839> (дата обращения: 10.01.2024).

турным сообществом, в которое входит знакомая локальная аудитория, приобретающая в процессе совместной жизнедеятельности паттерны поведения, символические ритуалы, традиции и отличающаяся местным наречием. Соответственно, чем больше население, тем меньше определенности и больше разнообразных культурных практик, которые могут как интегрироваться в общую городскую среду, так и формировать относительно сепарированные городские районы, где проживают в основном диаспоры. В качестве примера можно привести данные Германии. Здесь одной из самых многочисленных диаспор в 2023 и 2024 гг. выступает турецкая диаспора (более 17 % представителей от общего числа иностранцев), локализуемая в больших городах преимущественно сепарированными районами (Берлин, Дортмунд, Кёльн, Бремен и др.)⁵.

Еще одним важным аспектом, раскрывающим специфику этнокультурной проблематики в городской среде, является возрастной критерий. Влияет ли возраст горожан на их востребованность в этнокультурном самоопределении? Ответ на данный вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Безусловно, нельзя говорить о четких возрастных границах этнокультурной идентичности. Самокатегоризация представляет собой очень сложный процесс и отражает индивидуальный запрос каждого этнофора. Вместе с тем важно понимать, что потребность в самоопределении может быть актуализирована внешними факторами: насильственной ассимиляцией, миграцией, активной формой аккультурации и иными обстоятельствами, при которых этнофор вынужден взаимодействовать с другой общностью, он также испытывает необходимость в фиксации символических границ своего и чужого. Следует учитывать, что особенности развития и проявления этнического самосознания детерминированы этапами психологического развития человека и стадиями психосоциальной идентичности [3, с. 148]. Иными словами, можно проследить определенные возрастные закономерности, отражающие уровень значимости этничности в повседневной практике горожан, без воздействия на них агрессивного внешнего фактора. Многочисленные психологические исследования указывают, что старшее поколение характеризуется консервативностью в самокатегоризации и имеет невысокий уровень принятия этнокультурной инаковости, что безусловно отражает установившуюся и осознанную позицию более возрастных респондентов, а также историко-культурный контекст жизненного опыта [4, с. 95]. Психологи определяют возраст формирования этнокультурной идентичности как младший подростковый возраст (10–11 лет), т. е. такой период, когда осознаются границы своего, происходит самоутвер-

ждение и одновременно обрисовывается образ чужого [3, с. 143]. По этой причине этническая толерантность, а также признание инаковости и проявление уважения к ней свойственны молодому поколению. Такая открытость иным культурам обуславливается как внутренними психологическими факторами, так и внешними обстоятельствами: с одной стороны, это происходит из-за возрастного стремления к чему-то новому, с другой стороны, сегодня молодое поколение изначально находится в условиях глобализационного и информационного открытого общества, в рамках которого инаковость воспринимается как норма. При этом важно отметить, что существенную роль играют условия взросления и становления индивида, когда конституируется собственная этнокультурная идентичность. На форму самосознания влияют уровень образования, семейные ценности и мировоззренческие установки, социальные этнические стереотипы, финансовое благополучие в семье, позволяющее, например, путешествовать и узнавать другой мир. Устанавливающаяся культурная грамотность снижает уровень этнического негативизма и стереотипизации, а следовательно, повышает уровень этнической толерантности.

При анализе воздействия численности городского населения на актуализацию проблемы этнокультурной идентичности возникает вопрос о значимости вышеупомянутых аспектов не только для крупных или больших, но и для малочисленных городов. Так, в малых городах или сельской местности этнокультурная идентичность не является вопросом первой важности. Поэтому можно сделать вывод о том, что в более гомогенной среде с невыраженной этнокультурной дифференциацией идентификационные маркеры находятся в латентном состоянии. Значимым обстоятельством, способным актуализировать групповое этническое самоопределение, выступает внешний фактор: геополитические изменения или кризисы могут послужить импульсом для роста этнокультурного или национального самосознания, что проявляется в мифологизации истории, героизации отдельных событий или личностей, популяризации национального языка, обычаев или участвовавшей практики обращения к традиционным ценностям. Ярким примером этнического ренессанса является период распада СССР, характеризующийся, с одной стороны, колоссальной геополитической трансформацией, социально-экономическим кризисом, а с другой стороны, подъемом этнонациональных интересов и движений, в рамках которых актуализируется и даже политизируется этничность [4, с. 26].

В больших городах гетерогенность – это не просто норма, а исходные условия, в которых развивается культура. Так как мегаполисы по своей сущности

⁵Миграция и интеграция // Факты о Германии : сайт. URL: <https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/migraciya-i-integraciya> (дата обращения 17.01.2024).

полиэтничны, в повседневной городской культуре постепенно формируется надэтническая универсализированная система знаков, которая является специфической именно для данного времени и места и аккумулирует все локальные этнокультурные коды в общий габитус. Так, границы этничности размываются и представляют собой скорее символический нарратив. Однако следует избегать идеализированного образа большой городской среды, а также дифференцировать уровни идентичности и специфику взаимодействия людей. В зависимости от того, какой будет выбран критерий принадлежности к той или иной группе, уровень солидарности и признания индивидами друг друга в качестве членов своей общности будет варьироваться. Условным и предельно типизированным своим может быть горожанин как представитель общей воображаемой городской (я минчанин, одессит, таллинец, лондонец и т. д.) или национальной (я белорус, поляк, украинец) идентичности. Однако при оценивании этнокультурной идентичности свой лондонец может быть определен как представитель чужой, иной этнической культуры. Это явление хорошо иллюстрирует разница между наименованиями «русский» и «россиянин». Данные понятия отражают различные уровни идентичности – этнокультурную и гражданскую, которые следует разграничивать: можно быть россиянином, но не русским, или русским, но не россиянином. Иначе говоря, этнокультурная идентичность может сосуществовать с другими идентичностями: гражданской, конфессиональной, городской и т. д. Она чаще всего находится в латентном фоновом режиме, пока нет своеобразного запроса на самоидентификацию или внешнюю категоризацию (обозначить символические границы чужого). В качестве такого запроса, актуализирующего интерес к этнокультурной идентичности, как уже было обозначено выше, чаще всего выступает внешний фактор: ассимиляция, военная угроза, конфликтное состояние, потеря независимости и другие причины.

Следует отдельно сказать о влиянии миграционного фактора на этнические процессы в современной городской среде. Миграция напрямую усиливает интерес к этнической самокатегоризации. Психологический стресс, который испытывает мигрант при смене места жительства, в большинстве своем связан с чувством оторванности, потери привычного образа жизни и окружения, страха перед неизвестным. По этой причине у мигранта включается защитный механизм – поиск или сохранение знакомого, того, что хотя бы на символическом уровне будет связывать его с домом или утраченным местом. И одним из способов реализовать эту связь выступает актуализация этнокультурной идентичности. При этом осознание себя как части целого может быть абсолютно незначимым или находиться на периферии духовно-ценностных установок у человека, который живет внутри привычного этнокультурно-

го пространства. Но при символической потере, смене этого пространства возникает потребность в самокатегоризации, необходимой для преодоления чувства оторванности и отчужденности, что может проявляться по-разному (например, разговор, чтение литературы или слушание музыки на родном языке, соблюдение национальных традиций, посещение мероприятий, посвященных родной культуре). Этничность в таком случае выступает конструируемой системой знаков, актуализирующейся для человека в конкретное время, своеобразным символическим нарративом, при использовании которого возможно самоопределение мигранта.

Проблема этнокультурной идентичности среди мигрантов является сложной и многогранной темой для осмысления. Для иллюстрации «рельефности» вопроса представляется необходимым обратиться к конкретным моделям миграционной практики. Показательным примером выступает Лондон, который по праву считается иммигрантской столицей: около 40 % населения этого города – выходцы из других стран. Соответственно, в данном случае тема этнокультурной идентичности является более чем востребованной [5]. Разберем сложность и «рельефность» этой темы на примере крупных иммигрантских районов Лондона, среди которых можно выделить Китайский квартал, Брикстон (среди самых многочисленных народов проживает малочисленный народ – ямайцы), Маленькую Индию (или Саутолл) и др. Эти сепарированные районы есть своеобразные этнокультурные анклав, в которых даже рекламные вывески и названия автобусных остановок прописываются или озвучиваются на местном языке, а система общественного питания и обслуживания осуществляется в соответствии с локальными поведенческими паттернами, традиционными установками и привычками иммигрантов [5]. Попадая в эти районы, человек символически трансгрессирует в иное знаковое пространство, фактически оставаясь в пределах исходного государства. Повышенный уровень этносоциальной сплоченности в таких этнических зонах проявляется в бытовой, профессиональной, культурно-развлекательной и непосредственно в социально-экономической сферах. Сепарированное проживание и поддержание традиционного порядка обусловлено тремя важными взаимосвязанными факторами: экономическим, психологическим и социальным. Пребывание в условных границах своего места (локальной этнической зоны) позволяет по меньшей мере снять психологический стресс из-за отчужденности, одиночества или оторванности от дома. Такие районы – это символическое место психологического комфорта, в котором человека окружают знакомые образы, язык, система ценностей и предпочтений, вплоть до привычного и установленного внешнего облика жителей. Габитус иммигранта в этнических городских анклавах заново собирается и обеспечивает знакомое, а значит, надежное жизненное пространство.

Среди своих легче или быстрее найти жилье, работу, получить социальную и финансовую поддержку. При этом наблюдается такая закономерность: чем тяжелее финансовое положение у мигрантов или чем ниже уровень культурной и языковой грамотности, в частности знания международного языка или языка принимаемого государства, тем сильнее поддерживаются традиционные связи внутри сепарированной этнической группы [6, с. 68]. Этническая категоризация представляет собой и символический защитный пояс, позволяющий мигранту найти свое место и сохранить устоявшиеся духовно-мировоззренческие ценности, и своеобразный акт этнической солидарности для представителей одной культуры. Вместе с тем уровень этнокультурной идентичности в таких условиях может быть нестабильным и принимать гиперболлизированную форму. Например, он может варьироваться от этноцентризма до этнофанатизма с ярко выраженной приверженностью к групповой догме, т. е. к непосредственным коренным жителям, и интолерантному отношению к иноэтническому окружению (нежелание вписываться в существующую систему правил). Как следствие, возникают различные этнокультурные конфликты, кризисы в межэтническом диалоге, влекущие за собой антиэмигрантские настроения. При этом важно учитывать и другую закономерность: для второго и последующих поколений мигрантов характерен более высокий уровень адаптивности и культурной грамотности, даже если их первое поколение придерживалось акцентированной сепарации. Со временем развивается нелинейная модель идентификации, интегрирующая различные культурные коды. Самокатегоризация, включающая дифференцированные идентификационные маркеры (например, маркеры городской, этнической, национальной, конфессиональной и другой системы означивания), становится более гибкой. С учетом глобализационных процессов на уровне правительства стран и непосредственно руководства мегаполисов осуществляется постепенная миграционная политика, ориентированная на интеграцию населения и формирование конструктивной модели отношений. И сегодня при сохранении этнических анклавов увеличивается доля взаимодействия мигрантов с представителями других культур (в образовании, на культурно-массовых мероприятиях, в сфере искусства, бизнеса и др.), а значит, постепенно создается универсальное жизненное пространство, аккумулирующее различные культурные установки, не исключающие при этом локальные ценности.

Вместе с тем стоит разделять миграционные процессы по своим видам и причинам (факторам). Модели поведения и стратегии аккультурации мигрантов в городах будут различаться в зависимости от причины миграции, ее временных показателей (постоянная или временная миграция), характера (добровольная или принудительная миграция), степени законности (легальная или нелегальная миграция), а также

от общего уровня жизни и культурной грамотности индивидов. В соответствии с моделью канадского исследователя кросс-культурной коммуникации Дж. Берри можно выделить четыре стратегии аккультурации мигрантов: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и сегрегацию [7, p. 725]. В каждой из этих стратегий уровень этнокультурной идентичности может варьироваться, а также выражаться в толерантном или нетолерантном отношении к иной группе. Безусловно, проблема миграционного процесса и непосредственно идентичности мигрантов является отдельной темой для исследования, требующей детального осмысления.

Стоит отметить, что проблема этничности в городской среде актуальна не только для мигрантов, но и для этнофоров в своей привычной повседневной среде. Несмотря на то что в научной литературе тема этнической идентичности долгое время нивелировалась и переносилась в область периферийных вопросов под влиянием глобализационных тенденций, сегодня глобализация представляет собой сложный диалектический процесс, она во многом способствовала этническому ренессансу и актуализации проблемы идентичности, во-первых, из-за описанного выше миграционного потока, а во-вторых, из-за появления протекционистских реакций локальных культур на общую тенденцию универсализации [8, с. 51]. Как было обозначено ранее, проблема этнической идентификации более востребована в больших городах, а также актуальна в кризисные периоды социодинамики. Однако возникает вопрос о роли этничности для малых или средних городов и мегаполисов в спокойный период их развития, без явных внешних вызовов, а также о ее роли в условиях стабильного контролируемого миграционного потока.

Не является ли проблема этничности в частности и этнической категоризации в целом культурным анахронизмом для современного городского жителя? Чтобы ответить на данный вопрос, следует вернуться к вопросу о семантических границах интерпретации понятия этничности и выделить парадигмальные подходы к пониманию сущности этнокультурной идентичности. Если исходить из примордиалистской объяснительной модели, то этническая общность (и, соответственно, принадлежность к ней) фиксируется через объективные и неизменные характеристики этнофоров посредством как их антропогенетического портрета, так и социально-культурных особенностей в виде языка, самосознания, самоназвания, традиций и т. д. [9, с. 37]. Однако перманентный процесс аккультурации, глобализационные и одновременно антиглобализационные тенденции в развитии, а следовательно, и меняющаяся конфигурация геополитических структур снимают иллюзорный занавес эссенциализма, построенный на идее неизменности. Именно в таких парадигмальных рамках интерпретации этнокультурная идентичность для горожанина представляется культурным рудиментом.

В условиях миграционных движений, активного межкультурного взаимодействия и глобальных трансформаций идеи гомогенности и статичности по меньшей мере вызывают недоверие. Они снимают с повестки дня вопрос о необходимости осознания или проблематизации своей идентичности как у горожанина, так и у жителя сельской местности. Если этнос основывается на неизменных и объективных принципах «крови» и «почвы», то вопрос решается просто, отчасти с помощью фиксации, а все сложности самоопределения нивелируются. Однако на практике мы видим совсем иную картину как на уровне самих представителей этнической общности, так и на институциональном, государственном уровне признания этничности. Этнокультурная идентичность – это сложный многоуровневый процесс самокатегоризации, в котором интегрированы в единую взаимосвязанную систему эмоциональный, когнитивный и поведенческий уровни самоопределения. «Рельефность» вопроса заключается в том, что каждый из этих уровней неоднородный и нестабильный: эмоциональное отношение к своей группе и своему месту в ней изменчиво, знание о группе не является единожды данным и статичным, а поведенческие паттерны могут варьироваться. Более того, существует важный нюанс – внешнее признание, о котором писал еще Ф. Барт: чтобы идентифицировать себя как представителя определенной группы, недостаточно личной инициативы и индивидуального осознания себя частью той или иной общности (хочу быть французом, хочу быть белорусом), важно еще признание себя другими членами этой общности как своего [10, с. 10]. Следующим аспектом является поддержание внутригрупповой сплоченности и этнической солидарности, которая осуществляется институционально. Все эти обстоятельства отсылают нас к конструктивистской парадигме интерпретации, в рамках которой этничность представляет собой форму организации культурных различий и предполагает групповое сознание, чувство солидарности, мифотворчество и подвижные границы идентичности (Ф. Барт). Исходя из такой парадигмальной версии интерпретации, можно с уверенностью говорить о востребованности этнической проблематики в современной городской среде.

Более того, этничность в мегаполисах может выступать как форма самопрезентации (через язык, этнокультурную символику, аксессуары, музыку и т. д.). Однако вовсе не обязательно носить этническую традиционную одежду, чтобы чувствовать себя белорусом или представляться им. Хотя, стоит отметить, такая театрализованная демонстрация этнонациональной принадлежности присутствует в рамках проведения международных мероприятий (например, спортивных) либо в рамках реконструкции традиционных праздников или памятных событий. Эта легитимизированная институциональная форма самопрезентации является символическим наррати-

вом с очевидно конструктивистским значением. Стоит отметить, что на институциональном уровне элементы этничности в городской среде часто действительно представлены в театрализованной или декоративной форме: производство и продажа одежды с элементами или аксессуарами традиционной этнической культуры, украшение улиц, культурно-развлекательных мест и общественных мест питания, наличие в городском пространстве граффити и билбордов, выполненных в этническом стиле. Создание такого этнокультурного габитуса является одним из инструментов поддержания сплоченности народа и формирования этнической солидарности, приобщения людей к этнокультурному символическому капиталу и его сохранения. Этнокультурное наследие используется для национального брендинга и создания отличительных маркеров во многих странах. Что касается повседневной городской жизни самих этнофоров, безусловно, мы неосознанно прибегаем к определенным практикам и ритуалам, языковым формам разговорной речи и поведенческим алгоритмам, приобретенным и закрепленным в процессе инкультурации, а также отражающим нашу принадлежность к конкретной общности [11]. При этом этничность выступает как габитус, очертания которого не осознаются и обнаруживаются лишь при встрече с другой отличительной культурной средой.

Таким образом, проанализировав специфику формирования и развития этнокультурной идентичности в городской среде, можно выделить некоторые проблемные аспекты. Во-первых, существенную роль в актуализации вопросов идентичности играют численные показатели населения городов: чем больше количество жителей, тем более востребована необходимость в самоопределении. Крупные города представляют собой гетерогенное полиэтничное сообщество, в котором пересекаются различные культуры, мировоззренческие системы и обнаруживается потребность человека в самокатегоризации, чувстве символической сплоченности со своими. Во-вторых, внешний фактор социальной динамики может актуализировать и проблематизировать вопрос об этническом самоопределении. Была выявлена следующая закономерность: чем более спокойное и стабильное время, тем меньше запросов на идентичность. При возникновении внешних вызовов социокультурного, геополитического и экономического развития или каких-либо конфликтных ситуаций увеличивается потребность в групповой солидарности (этнической или гражданской). В-третьих, для мегаполисов, в которых количество точек пересечения с другими культурами возрастает в геометрической прогрессии, характерен повышенный уровень фрагментированности и анклавизации, что особенно явно прослеживается в среде мигрантов, их стратегиях аккультурации, приверженности к групповым ценностям и уровню толерантности к чужим культурам. В-четвертых, важным пунктом в осмыс-

лении этнокультурной идентичности в городском пространстве выступает вопрос о признании и принятии инаковости как таковой. Значимы не столько сами культурные отличия, сколько смыслы, которые мы им придаем. Ключевое требование совместного проживания и взаимодействия – формирование культурной грамотности, одним из пунктов которой выступает установка на важность знаний о других культурах и формирование уважительного отношения к ним, что непосредственно проявляется

в стремлениях к конструктивному сосуществованию как со стороны принимающей культуры, так и со стороны мигрантов. При этом главным аспектом развития городского пространства становится сохранение своего культурного облика. И именно этническая культура может быть таким символическим габитусом, в котором на институциональном уровне раскрываются ценность и значимость своего, а также происходит своеобразное брендинг локальной культуры.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. *История хозяйства. Город*. Кучков ГЭ, Саркитов НД, редакторы. Москва: Канон-пресс-Ц; 2001. 576 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
2. Старовойтов МК, Медведева ЛН. Типология городов: эволюция и многогранность подходов. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2008;4(6):71–75. EDN: ISCKRT.
3. Стефаненко ТГ. *Этнопсихология*. Москва: Институт психологии РАН, Академический проект; 2000. 320 с. Совместно с издательством «Деловая книга».
4. Науменко ЛИ, Водолажская ТВ. *Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 2006. 183 с.
5. Битюкова ДП. Где живут мигранты в европейских столицах. *Демоскоп Weekly* [Интернет]. 2013 [процитировано 10 января 2024 г.]. Доступно по: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0557/tema01.php>.
6. Григорьев ДС. Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения. *Социальная психология и общество*. 2017;8(3):63–84. EDN: ZQQMDH.
7. Berry JW. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30:719–734. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.004.
8. Курбачёва ОВ. Феномен этнического ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2018;4:49–55. EDN: YSDUNN.
9. Широкогоров СМ. *Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. Москва: URSS; 2022. 136 с.
10. Барт Ф, редактор. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Пильщиков И, переводчик. Москва: Новое издательство; 2006. 200 с.
11. Дробизева ЛМ. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013;3:73–83. EDN: RXOPCN.

References

1. Weber M. *Istoriya khozyaistva. Gorod* [History of the economy. City]. Kuchkov GE, Sarkitov ND, editors. Moscow: Kanonpress-Ts; 2001. 576 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
2. Starovoitov MK, Medvedeva LN. [Typology of cities: evolution and versatility of approaches]. *National Interests: Priorities and Security*. 2008;4(6):71–75. Russian. EDN: ISCKRT.
3. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS, Akademicheskii proekt; 2000. 320 p. Co-published by the «Delovaya kniga». Russian.
4. Naumenko LI, Vodolazhskaya TV. *Etnicheskaya i grazhdanskaya prindlezhnost' v vospriyatii naseleniya sovremennoi Belarusi* [Ethnicity and citizenship in the perception of the population of modern Belarus]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2006. 183 p. Russian.
5. Bityukova DP. [Where migrants live in European capitals]. *Demoskop Weekly* [Internet]. 2013 [cited 2024 January 10]. Available from: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0557/tema01.php>. Russian.
6. Grigor'ev DS. [Discrimination against migrants in the socio-economic sphere: the role of intergroup attitudes of the host population]. *Social Psychology and Society*. 2017;8(3):63–84. Russian. EDN: ZQQMDH.
7. Berry JW. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30:719–734. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.004.
8. Kurbacheva OV. The phenomenon of ethnic renaissance in the context of global transcultural dialogue. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018;4:49–55. Russian. EDN: YSDUNN.
9. Shirokogorov SM. *Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii* [Ethnos. Study of the basic principles of changes in ethnic and ethnographic phenomena]. Moscow: URSS; 2022. 136 p. Russian.
10. Barth F, editor. *Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference*. Pil'shchikov I, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 200 p. Russian.
11. Drobizheva LM. Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2013;3:73–83. Russian. EDN: RXOPCN.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2024.
Received by editorial board 25.01.2024.

УДК 316.7(476)

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

И. П. САЛТАНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В условиях глобализации и виртуализации социальных коммуникаций необходимо формировать новые векторы развития культуры, сопровождаемые изменениями парадигм человека в мире. Претерпеваемые обществом современные коллизии, которые возникли в результате виртуализации и цифровизации почти всех сфер его жизни, и тот факт, что природа человека информационного (*homo informaticus*) теперь амбивалентна, детерминировали необходимость дифференцировать социологические подходы к изучению места культуры в виртуальном пространстве с учетом футурологических моделей сетевого общества.

Ключевые слова: социологические подходы; цифровое общество; культура; интернет; виртуальная реальность; человек информационный; социология культуры; дигитализация; киберкультура.

STUDYING THE CULTURE OF DIGITAL SOCIETY: TRADITIONS AND NEW APPROACHES

I. P. SALTANOVICH^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

Abstract. In the context of globalisation and the virtualisation of social communications necessary the formation of new vectors of development of culture, accompanied by changes in human paradigms in the world. Modern collisions undergoing by society and arising as a result of virtualisation and digitalisation of almost all spheres of its life, as well as the fact that the nature of the information man (*homo informaticus*) is now ambivalent, determined the need to differentiate sociological approaches to studying the place of culture in virtual space, taking into account futurological models of the network society.

Keywords: sociological approaches; digital society; culture; Internet; virtual reality; homo informaticus; sociology of culture; digitalisation; cyberculture.

Введение

Жизнь в непрерывно меняющемся и развивающемся мире характеризуется повсеместным распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые трансформировали все социальные процессы, включая духовную и ма-

териальную культуры, представляющие «единую систему всей общественной жизни» [1, с. 47]. Как следствие, с 1990-х гг. осуществляется технологическая конвергенция коммуникаций и вычислительной техники. Интернет и мобильная связь стали не-

Образец цитирования:

Салтанович И.П. Изучение культуры цифрового общества: традиции и новые подходы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:74–80.
EDN: XAMLFU

For citation:

Saltanovich IP. Studying the culture of digital society: traditions and new approaches. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:74–80. Russian.
EDN: XAMLFU

Автор:

Ирина Петровна Салтанович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры истории и социальных наук.

Authors:

Iryna P. Saltanovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of history and social sciences.
saltan@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-1664-9635>

отъемлемыми компонентами жизни современного общества и его отдельного члена. Повседневный опыт был погружен в новую реальность, которая теперь существенно отличается от привычного бытования [2]. Изменения в культуре с появлением цифровой культуры активно обсуждают ученые: М. Кастельс, А. С. Кармиа, А. С. Соколова, Л. Флориди, О. Н. Астафьева, Ю. М. Лотман, М. К. Горшков, О. И. Карпучин, А. Н. Данилов, В. С. Стёпин, А. В. Рубанов, К. Бессет, М. Доуза, А. Ачерби, Дж. Стиглер и др. Они поднимают вопросы трансформации общества: стирания границ между реальностью и виртуальностью, между людьми, природой и артефактами, а также перехода от информационного дефицита к его переизбытку, что обуславливает создание новой модели культуры с последующим определением социологических подходов к изучению ее места в цифровой ирреальности.

Претерпеваемые обществом коллизии, которые возникли в результате виртуализации и цифровизации практически всех сфер деятельности челове-

ка, обуславливают трансформацию сложившейся социальной структуры индивида и значения культуры в его парадигме, что влечет за собой изменения в поведенческих моделях, характере коммуникации, ценностных ориентациях и культурных практиках социума [3]. Такие кардинальные перемены, связанные с переходом общества от информационного типа к цифровому и с появлением в его контексте человека информационного (*homo informaticus*) – нового типа человека и его теоретического конструкта, актуализировали пересмотр социальных подходов к изучению места культуры в цифровом обществе, а также анализ целесообразности их синтеза.

Через критическую интерпретацию современных и футурологических моделей сетевого общества и поиска ценностных императивов [3] разрабатываются подходы к изучению места культуры и ее сущности, имеющие определенные отсылки к идеологии сциентизма прошлых столетий и отражающие изменения, которые обусловлены информационно-технологическими и социокультурными процессами.

Теоретический аспект: разнообразие подходов

Историко-просветительский подход был сформулирован еще французскими философами XVIII в. Вольтером, А. Тюрго и Ж. А. Кондорсе. Он раскрывал специфику культуры эпохи Просвещения. С одной стороны, характер динамичного развития научной, философской и общественной мысли цифровой эпохи и эпохи Просвещения является одинаковым. С другой стороны, цифровизация децентрализует человеческую субъектность, помещая ее в онтологическое виртуальное пространство, вследствие чего нарушается «бинарность категорий антропологического и неантропологического, живого и неживого и пр.» [4, с. 245].

Далее возник второй традиционный подход к определению места культуры – историко-этнографический подход. Его автором стал Ж.-Ж. Руссо, активно критиковавший культуру и цивилизацию еще в эпоху Просвещения. Такая позиция мыслителя была обусловлена испорченностью и развращенностью интеллигенции, которая, по его мнению, утратила чистоту нравов и простоту, свойственную народу. Этноантропологические концепции также прослеживаются в XXI в. Они связаны с максимальным погружением человека в цифровой мир (интернет и гаджеты), что уменьшает значение гуманизма, растворяет человеческий субъект, дегуманизирует его культуру и влечет за собой распад целостной личности, дигитализацию труда, а также снижает значение патриархальной ступени развития (это особенно заметно в европейских странах и США, активно борющихся за эгалитаризм). При этом феномен патриархата превалирует в странах Востока, где вследствие попытки «осовременить» (вестернизировать и (или) американизировать) традиционную культуру восточные государства стали активно защи-

щать принципы самоидентичности, определенную систему ценностей и традиций [5, с. 104], а также начали концентрироваться на духовности, морали, эстетическом и философском началах. Тем не менее в современном цифровом обществе наблюдается развитие концепции трансгуманизма, усиливающей «гуманистический и антропоцентричный тренды с учетом новейших научно-технических разработок и их потенциала» [4, с. 245]. Как следствие, историко-этнографический подход, в рамках которого прослеживается тенденция популяризировать самобытность народа, подчеркивать его оригинальность, снижать поток глобализационных процессов и аккультурации, актуализируется при определении места культуры в цифровом обществе, которому свойственна «кристаллизация виртуальных этнических идентичностей» [6, с. 187].

Как подчеркивали Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская и А. В. Синяков, в настоящий момент поднимается вопрос о формировании национальной идентичности у молодых поколений, обладающих новым типом восприятия культуры и информации – клиповым и сериальным мышлением, проистекающим «из переизбытка социальной информации в окружающем мире, которая, как правило, носит неструктурированный и социально-депрессивный характер» [7, с. 283], в результате чего национальная идентичность формируется под влиянием виртуальных идентичностей [6, с. 193]. Задачей же современного общества является технологическое совершенствование политико-культурных изменений и социокультурных констант, т. е. такая оптимизация цифровой культуры, которая положительно повлияла бы на самосознание общества.

При рассмотрении связи человека, культуры и сознания с реальным миром, а также погружения сознания в виртуальные отношения часто делается акцент на ИКТ, знаниях и информации, которые «...технологически прогрессивны, но это феномены нематериального плана. Сознание теряет привычные границы верификации, сопряженные с предыдущими эпохами. Современный мир – мир виртуальных отношений. Этот мир многообразен и интересен, но часто он иллюзорен и обманчив в бесконечности таящихся в нем возможностей» [8, с. 18].

Третий подход, в рамках которого целесообразно рассматривать место культуры в цифровом обществе, – это социально-деятельностный подход. Он был предложен К. Марксом и Ф. Энгельсом и положил начало пониманию культуры еще в середине XIX в. Философы интерпретировали ее как результат социально значимой деятельности. Между тем культура в рамках цифровой действительности практически не оставила места для существования той родовой сущности человека, которая была характерна для доцифровой эпохи. Так, рассматриваемый феномен определялся как «истинная общественная связь людей» [9, с. 184; 10, с. 22], сквозь призму которой с точки зрения концепции, разработанной Э. В. Ильенковым [9] и П. Н. Кондрашовым [10], «все формы культуры суть только формы деятельности самого человека» [9, с. 33], т. е. генезис культуры – это деятельность человека. Однако в современности культура может быть формой деятельности искусственного интеллекта (ИИ), в том числе нейросети – какого-то модуса, результата и сущности культуры.

Следуя культурно-социологической методологии, В. Л. Абушенко выделял несколько основных концептуализаций феномена культуры в современном социогуманитарном знании: предметную (как противостояние природному), деятельностную (результативную), ценностную (аксиологическую), технологическую, символическую (как чувственное воплощение), игровую (как самоценную игру), текстовую (как знаковое пространство), коммуникативную (субъективную) и организационно-диалоговую [11]. Он отмечал, что «в современном знании культурсоциология обозначает “определенный тип позднеклассического социологизирования в анализе культуры”» [12, с. 32]. Эти концептуализации можно использовать для расширения спектра культуры цифровой реальности.

Вследствие того, что в современной действительности деятельность людей, сосредоточенная прежде всего на «информационно-коммуникативном взаимодействии, поиске, оценке, получении, передаче,

переработке, сохранении и приумножении информации» [13, с. 46], также имеет свою специфику, среди социологических подходов к изучению места культуры человека информационно важно выделить технократический подход. Исходя из концепции, разработанной Ч. Гиром, основополагающим маркером культуры и ее артефактов в информационном обществе является дигитальность [14], главная роль которой отводится означиванию, т. е. «процессу наделения знака определенным смыслом (значением, предписанным коммуникатором) при общении» [15, с. 417], и непосредственно самой коммуникации.

Между тем сущность киберкультуры в цифровом обществе, исходя из знаковой природы именованного, становится манипулятивной и легитимной [15, с. 417], так как имеет либертарианский характер: реципиенты получают широкий доступ к веб-ресурсам с помощью вербальных и невербальных материалов, графических изображений, видео и аудио, а информация при этом способна моментально поступать к адресатам. Помимо этого, существует множество недоверенных источников, фейкового материала или намеренно гиперболизированных обнародованных проблем, что влечет за собой цепочку радикальных изменений информационно-культурного ландшафта цифрового общества [16].

Тем не менее, по мнению биотехников, разработчиков искусственного интеллекта и философов технократической ориентации, цифровизация общества имеет позитивные аспекты [3]. С возникновением интернета культура стала активно интегрироваться в виртуальное пространство, приобретая статус киберкультуры, а также аккумулировать коллективный опыт социализации, благодаря чему не просто получила более широкий охват ее реципиентов, а смогла объединить их, т. е. расширила возможности социальных коммуникаций.

Место сетевой культуры в общекультурном пространстве современности рассматривается в рамках гуманитарного подхода, который отрицает вероятность распространения цифровой культуры на культуру в принципе как в методологическом, так и в мировоззренческом отношении. Данный постулат аргументируется тем, что киберкультура – это технология (цифровая), которая по своей природе не может быть в основе культуры и определять смысл эволюции человечества [3]. Исходя из вышесказанного, суть цифровой революции в полной мере проявляется в культурных изменениях, происходящих в обществе. Речь идет о таких новых феноменах, как индивидуализация, транспаризация и когнизация (интеллектуализация окружающей среды) [2].

Культура под воздействием цифровых технологий

Цифровые технологии влияют на культуру прежде всего через изменение механизмов социальных взаимодействий. Социальное творчество есть «ини-

цированное и осуществленное людьми преобразование структурных, процессуальных и функциональных элементов общественной жизни или общества

в целом» [17, с. 66]. Исследователи цифровой культуры рассматривают оцифрованную среду как новую социальную экологию. Часто утверждение о том, что технологии влияют на различные аспекты культуры, чрезмерно упрощено и слишком детерминировано, при этом оно не является полностью ошибочным.

Литература, в которой рассматривается роль цифровой трансформации в социальной жизни, изобилует заявлениями о том, что ИКТ улучшат качество современной социальной жизни. Почему эти предположения звучат привлекательно? Возможно, авторы, обсуждающие этот аспект, играют на предполагаемых ими явно выраженных ожиданиях того, что цифровое общество и цифровая культура влекут за собой новый социальный сдвиг, который разрешит затянувшиеся и новые конфликты современного общества.

Согласно исследованиям И. Левина и Д. Мамлока важно дифференцировать особенности культуры цифрового общества [2]. Во-первых, если духовная и социальная культуры ориентированы на создание ценностей и идеалов, то цифровая культура фокусируется на том, что нужно реализовать и как это сделать. Измерение ценностного потенциала возможно только в цифровой культуре при оценке таких ее технических параметров деятельности и продуктов, как эффективность (в том числе рейтинг), точность, достоверность, экономичность, прецедентность и т. д. Во-вторых, цифровая культура утилитарна. В этом отношении она в некоторой степени противоречит духовной культуре. Поскольку культура в целом развивается неравномерно, существует конкуренция между ее технологическим и духовным концептами: так как обществу XXI в. импонирует цифровая культура, ее программируемые ценности захватывают духовные приоритеты человека. Отрицание потенциала моральных, религиозных, нравственных и этических убеждений в совокупности с современной моделью экономической организации общества

усиливает деструктивное влияние общества потребления на традиционную культуру. В-третьих, в рамках духовной и социальной культур цифровая реальность должна играть второстепенную роль, так как ни одно достижение науки и техники не может служить конечным целям, к которым должно стремиться гуманное общество. Прогресс технологической культуры следует оценивать и контролировать с помощью ценностей, реализуемых вне цифрового контекста. В-четвертых, формирующий этап культуры, который соответствует требованиям компьютерного общества, стал универсальной и незаменимой ступенью становления любой культуры (по крайней мере, в развитых странах). Писатели, журналисты, художники, музыканты и представители иных профессий способны работать с гаджетами, а их знания отвечают запросам цифровой реальности. В-пятых, современная информационная культура основана на научно-технологической деятельности, которая не превосходит духовные убеждения по своей сущности, однако ценностный аспект современности играет существенную роль в преобразовании почти каждой области культуры XXI в. В ходе истории цифровое общество эволюционировало от мистицизма к рациональности. Начиная с XVII в. научные и технологические разработки заменяли фантастические представления о будущем на комфортные, где будущее реализуется благодаря техническому прогрессу или трансцендентным силам, появление которых ранее невозможно было объяснить рационально.

Поскольку интернет стал широко распространенным ресурсом коммуникации и источником информации, он отражает все привычки, склонности и предрассудки, присущие обществу в целом. В результате оптимистическое мнение по поводу того, что интернет радикально трансформирует нашу культуру в своего рода революцию знаний, начало исчезать, так как именно культура, возможно, изменила интернет.

Футурологические модели культуры цифровых инноваций

Традиционные методы социальных исследований, направленных на изучение общества, сегодня заменяются непривычными инновационными, иногда импровизированными методическими предложениями. Можно соглашаться или не соглашаться с этой тенденцией, но стоит признать необходимость переосмысления классических онтологических, эпистемологических и методологических основ.

Сейчас практически все социологи выступают за рассмотрение цифровой культуры как в социальном, так и в культурном измерении, анализируя вопросы, которые эта культура ставит перед традиционной социологией для понимания того, насколько значительный объем больших данных оставляют пользователи диджитал-услуг в качестве своего цифрового следа [18]. Однако нельзя отрицать, что такой объем

данных с уникальными характеристиками, по сравнению с данными, обладающими такими характеристиками, которые вытекают из традиционных методов исследования, обуславливает интерес многих социологов и порождает новые научные исследования. Благодаря этому изобилию появляется возможность «анализировать уровни реальности, невообразимые вчера», технологически охватывать различные аспекты цифровой жизни, культуры, обрабатывая непрерывный поток данных. В этом ключе представляют интерес теории Г. Д. Болмера, Л. Флориди, М. Каневаччи, В. Миллера.

Г. Д. Болмер – теоретик и историк цифровой культуры. Он, охватывая широкий спектр исторических и междисциплинарных тем, изучал появление сети как модели отношений и рассматривал современные

противоречия, порождаемые новым коммуникационным полем. В работе [19] показано, что социальные сети являются «посредниками» в культуре, ненавязчиво, но эффективно выстраивая моральный кодекс: они формируют чувства самости, общности, ценности и направленности, т. е. так называемый цифровой человек существует только в том случае, если он «подключен» к сети.

В книге [20] Г. Д. Болмер предложил теоретический подход к новым возникающим проблемам, а также конкретные инструменты, т. е. концепции и понятия, которые могут помочь будущим исследователям цифровой культуры. Теория представлена в разделах «Определение цифровых культур» и «Истории, концепции и дебаты». Автор не игнорировал предыдущие работы в области цифровых культур, а использовал некоторые из ранее установленных концепций для оценки положения гуманитарных наук в эпоху цифровой культуры. «Дискуссия о культуре, технологическом и культурном детерминизме, истории печатной и устной культуры и материальности приводит к темам, которые Болмер считает важными для понимания своей позиции в отношении конвергенции расходящихся моделей позиционирования цифровой культуры»¹ [21]. По своей структуре (детализированные обзоры и введения к каждой главе, а также подробная контекстуализация теорий и концепций таких явлений, как культура и идентичность) работа есть ценный инструмент для исследователей, анализирующих не только цифровую культуру, но и культуру в более широком смысле.

В рамках настоящего исследования представляет интерес специальный выпуск «Сетевая ограниченность» журнала «Параллакс», инициированный Г. Д. Болмером [22]. В нем собраны статьи, посвященные поиску, анализу и моделированию процессов, которые раскрывают создание в сети субъектов, не подчиняющихся нормативным требованиям. В названном выпуске основное внимание уделяется пороговым пространствам и фигурам, которые реализуют множество субъективностей, связанных с цифровой культурой.

М. Каневаччи, исследуя культуру цифрового общества, предложил новые концепции повсеместности, мультимедийности и саморепрезентации. Он утверждал, что цифровая культура представля-

ет собой вызов традиционному разграничению пространства и времени. По его мнению, «...концепция мультимедийности модифицирует классическую концепцию индивидуальности... Мультимедийное делимо, множественно и изменчиво» [23].

Л. Флориди обращал внимание на изменения в нашей действительности, вызванные развитием технологий и появлением виртуальной среды, а также анализировал их влияние на жизнь, культуру и общество. Он подчеркивал, что современный мир стал гораздо более связанным с интернетом, социальными сетями, онлайн-образованием и другими сетевыми ресурсами, а также зависимым от них. С появлением новых технологий возникают другие этические и социальные вопросы, которые требуют обсуждения. Л. Флориди призывал к осознанному использованию технологий. «В онлайн-мире артефакты перестали быть простыми машинами, действующими в соответствии с человеческими инструкциями. Они могут менять состояния автономными способами и делать это, копаясь в экспоненциально растущем объеме данных, которые становятся все более доступными и обрабатываемыми благодаря быстро развивающимся и распространяющимся ИКТ» [24, р. 10].

В. Миллер охватил основополагающие принципы понимания цифровой культуры, предоставляя сбалансированный и критический анализ экономических, социальных и культурных аспектов информационного общества, в котором компьютер превратился в «интерфейс с опосредованной культурой, при этом сам интернет стал хранилищем всех культур и культурных форм» [25, р. 17].

Культура сохраняется путем передачи от одного поколения к другому, но она также развивается посредством инноваций и культурной диффузии. Мы можем быть ограничены рамками собственной культуры, но, будучи людьми, обладаем способностью подвергать сомнению ценности, анализировать и принимать обоснованные решения. Одним из ярких свидетельств этой свободы выступает многообразие культурных проявлений внутри нашего общества и во всем мире. Хотя единого определения цифровой культуры не существует, выстраиваются общепринятые характеристики, которые представляют собой результат беспрепятственного доступа людей к цифровым сетям, ИИ, интернету вещей и экспертным системам.

Заключение

Цифровая эпоха отличается от всех предыдущих эпох широким доступом к любому контенту. Ранее в социологии преобладали один или два подхода, философский и социологический аспекты которых интегрировались в массы посредством строго цензурируемой печатной литературы и научно-дискур-

сивных практик. В современности место культуры в цифровом обществе может интерпретироваться сквозь призму нескольких кардинально отличающихся аспектов. Феномен «интернетизация» возник вследствие того, что в интернет-пространстве бытует разнообразная идеология (часто либертариан-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. С.

ская), раскрывающая сущность каждой культурной константы по-своему. На виртуальных площадках собственное мнение (практически любое) могут высказывать политики, блогеры, звезды эстрады и другие медийные личности. Как следствие, контент киберкультуры делит аудиторию на разные группы, которым соответствует то или иное социально-философское течение, обуславливающее возникновение соответствующих подходов к исследованию места культуры в цифровом обществе.

Цифровое общество имеет отличительные характеристики. Значительные достижения в области ИИ, умные и персонализированные цифровые технологии формируют сложную оболочку, связанную с большими данными, предполагая новую индустриальную идеологию, где взаимодействие между людьми и технологией происходит в интернете. Вступая в контакт с человеческим опытом, эта оболочка предоставляет индивиду контекстно ориентированную информацию, меняя принципы человеческого поведения и формируя новую культуру цифрового общества.

Характеристики такого общества требуют разработки и внедрения интерпретационных схем и методологических решений, подходящих для лучшего понимания текущих процессов в культуре. В условиях развивающихся исследовательских практик эври-

стический подход может помочь в поиске разумных решений по классификации, прогнозированию, отбору и другим задачам, а также в выборе концептуальной призмы.

Таким образом, необходимо учитывать традиционные методы изучения культуры при анализе цифрового общества, потому что они могут повлиять на формирование новых цифровых культур. Для более точного анализа социокультурных процессов важно разрабатывать новые методологии и подходы к изучению культуры цифрового общества, учитывающие особенности цифровых технологий, коммуникаций и их взаимодействий, которые вызваны изменяющейся природой культуры в условиях цифровизации и развития ИКТ. Также следует объединить традиционные и новые подходы в изучении культуры цифрового общества для получения комплексного и всестороннего представления об этом явлении.

Стремление к интеграции, решающее любые когнитивные и исследовательские задачи, тотальная открытость, порой бросающая вызов традиционным теориям, широкие взгляды, предлагаемые современными учеными, – это лишь некоторые элементы реалий, продвигающие теорию и методы социальных исследований в непредсказуемом, но увлекательном и сложном направлении.

Библиографические ссылки

1. Дзевенис АА. Философия культуры. *Дальневосточный аграрный вестник*. 2013;1:47–52. EDN: SNGJLH.
2. Levin I, Mamlok D. Culture and society in the digital age. *Information* [Internet]. 2021 [cited 2023 November 18];12. Available from: <https://www.mdpi.com/2078-2489/12/2/68>. DOI: 10.3390/info1202068.
3. Елькина ЕЕ. Цифровая культура в сетевом обществе: социально-философский анализ. *Культура и технологии. Электронный мультимедийный журнал* [Интернет]. 2018 [процитировано 15 декабря 2023 г.];3(3). Доступно по: https://cat.itmo.ru/sites/default/files/2020-11/CAT_2018_v3-i3_153.pdf.
4. Багдасарьян Н, Кравченко А. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма. *Логос*. 2022;6:245–272. EDN: UOPULA.
5. Яковлев АИ. Страны Востока: вызов «культурной глобализации». *Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика*. 2009;1:104–115. EDN: KZPZQX.
6. Титов ВВ. Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи. *Социально-гуманитарные знания*. 2019;5:187–193. EDN: VWERST.
7. Бродовская ЕВ, Домбровская АЮ, Синяков АВ. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016;1:283–296. EDN: VTKPHR.
8. Данилов АН. Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего. *Вестник Института социологии*. 2021;12(3):14–26. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735.
9. Ильенков ЭВ. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. 3-е издание. Москва: УРСС; 2010. 318 с.
10. Кондрашов ПН. Карл Маркс о родовой сущности человека. *Антиномии*. 2020;20(3):22–48. EDN: MUKPZT.
11. Абушенко ВЛ. «Культурсоциология»: возможность иного взгляда на социальную теорию. *Вопросы социальной теории*. 2008;2(1):329–344. EDN: NRBVQL.
12. Лашук И, Мартищенко Е, Смыкова Е, Сосновская Н. *Поведенческие стратегии потребителей культурной продукции: ценности, интересы, типология*. Минск: Беларуская навука; 2017. 299 с.
13. Курбатов ВИ, Папа ОМ. «Homo informaticus» – человек информационной эпохи: характерологические черты. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017;1:46–51. EDN: XUXMPV.
14. Gere Ch. *Digital culture*. London: Reaktion Books; 2002. 222 p.
15. Федотова МГ. Понятие «означивание» в семиотических теориях Ф. де Соссюра и Ч. С. Пирса. *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского*. 2012;27:417–421.
16. Гир Ч. *Цифровая контркультура* [Интернет]. 2022 [процитировано 5 августа 2023 г.]. Доступно по: <http://docplayer.ru/29837976-Cifrovaya-kontrkultura-charli-gir-perevod-d-galkina.html>.
17. Рубанов АВ. *Социология творчества*. Минск: БГУ; 2022. 101 с.
18. Carrozza C. Repensar a investigação social na «era digital». *Questões de trabalho académico, metodologia e epistemologia. Análise social*. 2018;53:652–671. DOI: 10.31447/AS00032573.2018228.05.
19. Bollmer GD. *Inhuman networks: social media and the archaeology of connection*. London: Bloomsbury Academic; 2016. 304 p.
20. Bollmer GD. *Theorizing digital cultures*. Thousand Oaks: Sage Publications Ltd; 2018. 264 p.

21. Bukač Z. *Installing digital culture in humanities and social sciences* [Internet]. 2019 [cited 2023 December 15]. Available from: <https://www.sic-journal.org/Article/Index/542>.
22. Yiğit Soncul, Bollmer GD. Networked liminality. *Parallax* [Internet]. 2020 [cited 2023 December 15];26. Available from: <https://www.tandfonline.com/toc/tpar20/26/1>.
23. Meckien R. *Canevacci: a new scientific thinking for the context of digital culture* [Internet]. 2013 [cited 2023 December 15]. Available from: <http://www.iea.usp.br/en/news/massimo-canevacci>.
24. Floridi L. *The onlife manifesto: being human in a hyperconnected era*. Luxembourg: Springer; 2015. 264 p. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6.
25. Miller V. *Understanding digital culture*. 2nd edition. Thousand Oaks: SAGE Publications Ltd; 2020. 344 p.

References

1. Dzevenis AA. Philosophy of culture. *Dal'nevostochnyi agrarnyi vestnik*. 2013;1:47–52. Russian. EDN: SNGJLH.
2. Levin I, Mamlok D. Culture and society in the digital age. *Information* [Internet]. 2021 [cited 2023 November 18];12. Available from: <https://www.mdpi.com/2078-2489/12/2/68>. DOI: 10.3390/info12020068.
3. Yelkina EE. Digital culture in the network society: socio-philosophical analysis. *International Culture & Technology Studies. Online Multimedia Journal* [Internet]. 2018 [cited 2023 December 15];3(3). Available from: https://cat.itmo.ru/sites/default/files/2020-11/CAT_2018_v3-i3_153.pdf. Russian.
4. Bagdasaryan N, Kravchenko A. The digital society and discourses of posthumanism. *Logos*. 2022;6:245–272. Russian. EDN: UOPULA.
5. Yakovlev AI. East: defy of «cultural globalization». *Lomonosov World Politics Journal*. 2009;1:104–115. Russian. EDN: KZPZQX.
6. Titov VV. Russian national identity: the challenges of the digital era. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2019;5:187–193. Russian. EDN: VWERST.
7. Brodovskaya EV, Dombrovskaya AYU, Sinyakov AV. Social media strategies in modern Russia: results of multidimensional scaling. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016;1:283–296. Russian. EDN: VTKPHR.
8. Danilov AN. Modern society development of: the place of culture in the choice of the future. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2021;12(3):14–26. Russian. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735.
9. Il'nikov EV. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on history and theory]. 3rd edition. Moscow: URSS; 2010. 318 p. Russian.
10. Kondrashov PN. Karl Marx on species essence of a human being. *Antinomies*. 2020;20(3):22–48. Russian. EDN: MUKPZT.
11. Abushenko VL. [«Culture sociology»: the possibility of a different view on social theory]. *Scientific Almanac Questions of the Social Theory*. 2008;2(1):329–344. Russian. EDN: NRBVQL.
12. Lashuk I, Martishchenkova E, Smykova E, Sosnovskaya N. *Povedencheskie strategii potrebiteli kul'turnoi produktsii: tsennosti, interesy, tipologiya* [Behavioural strategies of the cultural products consumers: values, interests, typology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. 299 p. Russian.
13. Kurbatov VI, Papa OM. [«Homo informaticus» – the man of the information age: characterological features]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2017;1:46–51. Russian. EDN: XUXMPV.
14. Gere Ch. *Digital culture*. London: Reaktion Books; 2002. 222 p.
15. Fedotova MG. [The concept of «signification» in the semiotic theories of F. de Saussure and Ch. S. Peirce]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*. 2012;27:417–421. Russian.
16. Gere Ch. *Tsifrovaya kontrkul'tura* [Digital counterculture] [Internet]. 2022 [cited 2023 August 5]. Available from: <http://docplayer.ru/29837976-Cifrovaya-kontrkultura-charli-gir-perevod-d-galkina.html>. Russian.
17. Rubanau AV. *Sotsiologiya tvorchestva* [Sociology of creativity]. Minsk: Belarusian State University; 2022. 101 p. Russian.
18. Carrozza C. Repensar a investigação social na «era digital». *Questões de trabalho académico, metodologia e epistemologia. Análise social*. 2018;53:652–671. DOI: 10.31447/AS00032573.2018228.05.
19. Bollmer GD. *Inhuman networks: social media and the archaeology of connection*. London: Bloomsbury Academic; 2016. 304 p.
20. Bollmer GD. *Theorizing digital cultures*. Thousand Oaks: Sage Publications Ltd; 2018. 264 p.
21. Bukač Z. *Installing digital culture in humanities and social sciences* [Internet]. 2019 [cited 2023 December 15]. Available from: <https://www.sic-journal.org/Article/Index/542>.
22. Yiğit Soncul, Bollmer GD. Networked liminality. *Parallax* [Internet]. 2020 [cited 2023 December 15];26. Available from: <https://www.tandfonline.com/toc/tpar20/26/1>.
23. Meckien R. *Canevacci: a new scientific thinking for the context of digital culture* [Internet]. 2013 [cited 2023 December 15]. Available from: <http://www.iea.usp.br/en/news/massimo-canevacci>.
24. Floridi L. *The onlife manifesto: being human in a hyperconnected era*. Luxembourg: Springer; 2015. 264 p. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6.
25. Miller V. *Understanding digital culture*. 2nd edition. Thousand Oaks: Sage Publications Ltd; 2020. 344 p.

УДК 159.923.2

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УСТАНОВКАХ ОТЦА У ДЕВУШЕК-ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ СОЗАВИСИМОСТИ

Л. Г. СТЕПАНОВА¹⁾, А. В. САВИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучена актуальная проблема особенностей взаимоотношений между девушками-подростками с различной степенью созависимости и их отцами. Продемонстрированы результаты эмпирического исследования особенностей субъективных представлений о воспитательных установках отца у рассматриваемых девушек. Установлено, что степень созависимости выше у тех девушек, которые оценивают воспитательные установки отца как деструктивные, характеризующиеся враждебностью и непоследовательностью. Сделанные выводы имеют определяющее значение для выработки основных стратегий психологического сопровождения воспитательной деятельности подростков, страдающих от созависимости, в целях предупреждения и своевременной коррекции деструктивных состояний и повышения уровня личностной автономии, а также психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов для обретения ими необходимых компетенций.

Ключевые слова: созависимость; созависимое поведение; воспитательные установки отца; восприятие отца; семья; девушки-подростки.

Образец цитирования:

Степанова ЛГ, Савицкая АВ. Субъективные представления о воспитательных установках отца у девушек-подростков с различной степенью созависимости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:81–91.
EDN: WFM RBV

For citation:

Stepanova LG, Savitskaya AV. Subjective perceptions of father's educational attitudes among adolescent girls with different degrees of codependency. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:81–91. Russian.
EDN: WFM RBV

Авторы:

Людмила Григорьевна Степанова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Анастасия Валерьевна Савицкая – студентка факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Л. Г. Степанова.

Authors:

Ludmila G. Stepanova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
stepanova_lg@yahoo.com

Anastasiya V. Savitskaya, student at the faculty of philosophy and social sciences.
aylin43al@gmail.com

SUBJECTIVE PERCEPTIONS OF FATHER'S EDUCATIONAL ATTITUDES AMONG ADOLESCENT GIRLS WITH DIFFERENT DEGREES OF CODEPENDENCY

L. G. STEPANOVA^a, A. V. SAVITSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. G. Stepanova (stepanova_lg@yahoo.com)

Abstract. The article deals with the actual problem of peculiarities of relationships with the father in girls with different degrees of codependency. The article also presents the results of the empirical study of the peculiarities of subjective perceptions of father's educational attitudes in adolescent girls with different degrees of codependency. It was found that the degree of codependency is higher in girls who evaluate their father's educational attitudes as destructive, characterised by hostility and inconsistency. The conclusions drawn are of decisive importance for the development of basic strategies for psychological support of the educational activities of adolescents suffering from codependency, in order to prevent and timely correct destructive states and increase the level of personal autonomy, as well as psychological and pedagogical support of the educational activities of fathers so that they acquire the necessary competencies.

Keywords: codependency; codependent behaviour; father's educational attitudes; perceptions of the father; family; adolescent girls.

Введение

Проблема зависимости остается одной из наиболее актуальных в современном обществе. Формы зависимого поведения крайне разнообразны: химическая (наркологическая, табачная, алкогольная, лекарственная и т. д.), сексуальная и пищевая зависимости, интернет-зависимость, зависимость от игровых автоматов (гемблинг), трудоголизм, шопоголизм, различного рода фанатические увлечения (спортивные, музыкальные и др.) и т. д. Одной из форм такого поведения является созависимость, которая формируется во взаимоотношениях с другими людьми, прежде всего с членами семьи и близкими. По мнению ряда специалистов, созависимость – зеркальное отражение зависимости. Они имеют одинаковые симптомы [1; 2]. Несмотря на множество объяснений того, как вырабатывается зависимое поведение, механизмы, которые приводят к созависимому поведению, все еще не до конца понятны, а проблема зависимых отношений не разрешена [3]. Анализ различных теоретических подходов позволяет понимать созависимость не только в качестве вторичного явления в связи, например, с алкогольной, наркотической или игровой зависимостью близкого человека. Она также считается нарушением развития личности, заражающимся в ранних детско-родительских отношениях. Так, представляется важной точка зрения, согласно которой в основе формирования созависимости лежат незавершенность процесса сепарации и неразрывность симбиотических отношений [4–6]. Принято считать, что симбиотическое единство на начальном этапе возрастного развития обеспечивает выживание ребенка, однако при патологической форме указанного единства происходит остановка в развитии личности на ранних стадиях онтогене-

за, что приводит к формированию отношений созависимости [7; 8].

Существующие определения созависимости трактуют этот феномен как устойчивую поведенческую реакцию на длительный стресс и как патологическую, аффективно окрашенную зависимость от другого человека, приводящую к нарушению социальной адаптации. Однако, как показывает анализ зарубежной и отечественной литературы по данной проблеме, сегодня нет строгого научного определения данного термина. Учитывая существующие подходы к проблеме созависимости, авторы настоящей статьи, вслед за В. Д. Москаленко, рассматривают созависимость как искажение личностных черт и поведения индивида в результате его центрированности на проблемах и переживаниях другого субъекта (при игнорировании собственных потребностей). К основным характеристикам созависимости В. Д. Москаленко относил нарушение социальной адаптации, низкую самооценку, импульсивное желание контролировать жизнь других людей вплоть до полного отказа от собственной жизни в угоду контролю над окружающими. Развитие созависимости она связывала с воспитанием в дисфункциональных семьях, где имели место либо химическая зависимость, либо жестокое обращение, при котором естественное выражение чувств запрещалось [1].

Важно отметить, что созависимость развивается долго, постепенно, при наличии поддерживающей среды, провоцирующей развитие созависимых черт. Отсутствие дифференцированности у родителей способствует созданию созависимой семейной системы, для функционирования которой характерны спутанность чувств, проблем, мыслей, мечтаний

и потребностей. В подобной системе, как правило, отсутствует место для самостоятельности. Члены семьи делают все возможное для того, чтобы сохранить имеющуюся систему, используя как физические, так и психологические наказания. Таким образом, родители, не сумевшие обрести собственную психологическую автономию, не могут помочь в этом своим детям и даже, наоборот, могут подсознательно сопротивляться попыткам своих детей отделиться от них [9].

Большинство исследователей, понимая значение семейной жизни в формировании личности, рассматривают проблему нарушений ее развития с точки зрения воздействия на нее среды, окружающей ребенка в первые годы его жизни, и событий, которые с ним происходят [4; 5]. Влияние семьи на ребенка интериоризируется, и интрапсихическая динамика становится главной силой, контролирующей его поведение и определяющей различные типы внутренних конфликтов. Созависимые отношения могут развиваться даже при отсутствии зависимостей среди членов семьи. Их предвестником и основой является незавершенная сепарация детей.

В большинстве психологических теорий динамика развития личности движется от выраженной зависимости ребенка к его эмоциональной автономности и способности создавать взаимозависимые отношения. Одной из наиболее влиятельных считается теория семейных систем, предложенная М. Боуэном, которая описывает системные процессы семьи, воздействующие на эмоциональное поведение ее отдельных членов, и включает в себя две уравновешивающие жизненные силы: индивидуальность и сплоченность. В идеале эти силы должны находиться в равновесии, но часто возникает дисбаланс в одну из сторон. Дисбаланс в сторону сплоченности М. Боуэн называл слиянием, созависимостью, склеивающей сплоченностью, недифференциацией или симбиозом [10] и считал, что это может быть одновременно и интрапсихическим, и интерперсональным явлением. Так, недифференцированность в рамках семьи означает, что человек может легко попадать в эмоциональную зависимость от других ее членов, лишаясь при этом способности отделять эмоции от разума, а также собственные эмоции от эмоций значимых для него людей. Отсутствие дифференцированности на индивидуальном уровне характеризуется эмоциональной незрелостью, низкой стрессоустойчивостью, зависимостью от мнения окружающих, а также неадекватной самооценкой. Таким людям сложно провести границу между собой и другими, особенно когда речь идет о важных вопросах.

В психологической литературе представлено множество исследований, посвященных изучению роли

матери в развитии ребенка как личности, поскольку именно этот родитель закладывает основы его характера, которые проявляются во взрослом возрасте¹ [4; 5]. Отец в данном контексте практически не рассматривается, хотя он существенно влияет на успешное прохождение всех этапов психического развития личности. Кроме того, в процессе роста и развития у ребенка формируется образ отца, что в дальнейшем обуславливает становление личностной и родительской состоятельности у взрослого человека. Данный образ является значимым фактором, влияющим на раскрытие внутреннего потенциала личности, ее стремление к саморазвитию и самореализации или, наоборот, способствующим остановке развития и появлению психологического регресса [11–13]. У взрослого человека именно через образ отца, сформированный в детстве, осуществляется регуляция поведения и жизни в целом, а также восприятие других и себя. Этот образ присутствует даже у тех людей, которые никогда его не видели, выросли в неполных семьях или в условиях отцовской депривации [12].

По мнению авторов настоящей работы, именно в подростковом возрасте наиболее высок риск развития различных деструктивных форм поведения, одной из которых является созависимость. Поскольку отец выполняет функцию посредника между обществом и ребенком, он может как провоцировать социальную дезадаптацию подростка, так и препятствовать ей. Отец дает девушке-подростку чувство безопасности, уверенности, способствует социализации личности и развитию отзывчивости, а также влияет на раскрытие ее внутреннего потенциала, стремление к саморазвитию и самореализации, что еще раз подчеркивает значимость отцовской роли [14].

В современных исследованиях, хоть и немногочисленных, охватывается широкий спектр вопросов взаимодействия отца и ребенка-подростка: рассматриваются сферы их общения в семье и вне семьи, изучается роль отца в воспитании детей, становлении гендерной идентичности ребенка и формировании чувства ответственности [15; 16]. В работах отечественных и зарубежных ученых отмечается специфическая роль отцовской любви и заботы, а также наблюдается влияние родительской семьи на формирование у подростков готовности быть примером для своего ребенка, завоевать у него авторитет и доверие.

Несмотря на то что проблема специфики отцовского влияния рассматривается в разных научных подходах, анализ психологической литературы показывает недостаточность данных о влиянии отца на формирование созависимости у ребенка. Нехватка информации связана с отсутствием эмпирических подтверждений для уже сформулированных концепций

¹Филитпова Г. Г. Психология материнства : учеб. пособие. М. : Из-во Ин-та психотерапии, 2002. 240 с.

и положений. Проблема различий в степени созависимости у девушек-подростков относительно восприятия ими воспитательных установок их отцов практически не рассматривается в психологической литературе. Этот факт послужил одной из причин выбора темы настоящей статьи для изучения.

Е. В. Емельянова утверждала, что первопричиной созависимости является неблагополучие семьи [17]. Следовательно, именно история семейных отношений определяет глубину причин, создавших условия для развития созависимости. Исходя из описания процесса взросления, приведенного Е. В. Емельяновой, можно говорить о том, что уже в раннем детстве (1–3 года) подавление самостоятельности и сверхконтроль со стороны родителей могут привести к неврозу у ребенка. Если же подобное воздействие продолжается или родители, напротив, лишают ребенка психологической опеки, то в детском возрасте (3–6 лет) могут возникнуть проблемы с установлением личностных границ. Впоследствии психологическая территория ребенка претерпевает и другие изменения (например, для подросткового возраста характерна далеко не всегда успешная борьба за личные границы с родителями). Однако, по мнению авторов настоящей статьи, важно обозначить тот факт, что родителям, в частности отцу, следует адекватно подходить к воспитанию ребенка, чтобы не вызвать в столь раннем возрасте нарушение развития границ и его Я.

Е. В. Емельянова, опираясь на идею М. М. Решетникова о клеточной структуре депрессии, состоящей из таких компонентов, как *оно*, *Я* и *сверх-я*, объяснил суть созависимых отношений следующим образом: при условии, что *Я* было сломлено и опустошено в детстве, оно оказывается запертым между *оно* (стремлением к удовольствию) и *сверх-я* (жесткими моральными нормами). Вследствие этого личность с опустошенным *Я* пытается заполнить мучающую ее пустоту другими людьми и той безусловной любовью, которую они потенциально могут дать. Однако в данном случае, как отметила Е. В. Емельянова, у созависимого индивида возникает внутренний конфликт, и он «мечется» между потребностью получить любовь и уверенностью, что он ее не достоин [17]. Таким образом, навязчивое стремление получить любовь от значимого человека становится смыслом существования созависимой личности.

Н. А. Кравцова и С. А. Осинская проводили исследования на данную тему. Они доказали тот факт, что восприятие отца подростками воздействует на степень их созависимости, которая снижается при его положительном образе и увеличивается при его отрицательном восприятии. Также они выявили, что образ отца в большей мере влияет на степень созависимости, чем образ матери [18; 19].

Дисгармоничный образ отца, вызывающий высокую степень созависимости, обусловлен ориентиро-

ванностью родителя на значимых *Других* и постоянной необходимостью подтверждать свою личность и получать признание, проявляя жесткость и прямолинейность, а также активно воздействуя на окружающих и подчиняя их своей воле, что говорит о его внутренней расщепленности. У такого отца отсутствуют возможность реализации отцовских качеств в полной мере и возможность удовлетворения потребностей ребенка в эмоциональной привязанности, заботе, принятии и безопасности. Кроме того, высокая степень рассогласования реального и идеального в образе отца свидетельствует о внутреннем конфликте и повышает степень созависимости.

Проведенные в данной области исследования С. А. Осинской и Н. А. Кравцовой позволили также выявить общие черты в образе отца у созависимых лиц: явная или скрытая враждебность, экстравертированность, эмоциональная неустойчивость и повышенная тревожность. В образе отца у девушек, склонных к проявлению созависимого поведения, присутствуют либо подавляющие личностные качества (деспотичный, ограничивающий), либо попустительствующие (слабый, отсутствующий, неадекватный, некомпетентный), что свидетельствует о его неоднородности. В обоих случаях отец не является сильной фигурой, которая может организовать свою жизнь. Неспособность отца проявить заботу и внимание, оказать поддержку, как и неумение быть требовательным, при необходимости строгим и принять справедливое решение, отражает слабость его позиции относительно отцовства. Именно этот факт позволяет охарактеризовать образ отца в обобщенном виде у созависимых личностей как слабый.

Что касается образа отца у девушек-подростков, не подверженных созависимому поведению, то он представляет собой целостную интегрированную структуру, компоненты которой находятся в динамическом равновесии. В то же время у созависимых лиц образ отца связан с отрицательными эмоциями, депрессией, пассивностью, неуверенностью, боязливостью, нестабильностью, незащищенностью и чувством тревожности [19].

Так, прослеживается роль отца в формировании созависимого поведения у девушек-подростков. Стоит отметить, что созависимость связана не только с определенным поведением индивида, но и с нарушением развития личности, формирующимся на ранних этапах детско-родительских отношений. Поскольку первичная созависимость лежит в основе вторичной созависимости и созависимого поведения в целом, зависимость от значимых людей служит восполнением недостатка в психологической структуре личности. Вместе с тем истоки данной проблемы находятся в нарушениях внутрисемейного взаимодействия между отцом и ребенком, поскольку у девушки-подростка формируется определенный сценарий поведения, который остается

практически неизменным в течение всей жизни. Однако существующие исследования не исчерпывают круг психологических проблем, относящихся к вопросам взаимосвязи степени созависимости у подростков и восприятия ими воспитательных установок их отцов. Все это свидетельствует о необходимости эмпирического исследования данного явления.

Авторы настоящей работы исходят из предположения о том, что степень созависимости выше у девушек, воспитательные установки отца которых носят

более деструктивный характер, а именно враждебность и непоследовательность. По этой причине целью данного исследования стало установление различий в субъективных представлениях о воспитательных установках отца у девушек с различной степенью созависимости. Для достижения цели исследования были поставлены следующие эмпирические задачи: определение различий в степени созависимости у девушек-подростков; раскрытие особенностей субъективных представлений о воспитательных установках отца у девушек с различной степенью созависимости.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования стали концепция созависимости Москаленко, в которой созависимый человек рассматривается как полностью поглощенный тем, чтобы управлять поведением *Другого*, и как совершенно не заботящийся об удовлетворении своих жизненно важных потребностей [1]; положение Шафера относительно установок родителей к детям, в котором принятие, опека и контроль рассматриваются в качестве основных параметров воспитания, а восприятие детьми воспитательного воздействия родителей характеризуется принятием – эмоциональным отвержением, психологическим контролем – психологической автономией, скрытым контролем – открытым контролем.

Выборку составили 70 школьников. При ее формировании авторы настоящей статьи опирались на возрастную периодизацию Квинна, определяющую подростковый возраст в промежутке 12–18 лет. Поскольку опросник «подростки о родителях» рассчитан на респондентов в возрасте 13–18 лет, в данном исследовании приняли участие ученицы 8–11 классов. Именно в подростковом возрасте наиболее отчетливо можно проследить специфику детско-родительских отношений. Исследование проходило в школе во время классного часа. У каждого класса процесс тестирования занимал около 20–30 минут. Для сохранения конфиденциальности респонденты не подписывали бланки и указывали лишь свой возраст. Девушки получали бланки с вопросами, которые сопровождалась как письменными, так и устными инструкциями. Некоторые учащиеся уточняли значение отдельных слов и формулировок.

Для достижения целей исследования использовались две методики. Опросник «подростки о родителях» представляет собой сделанную в Национальном институте психоневрологических исследований имени В. М. Бехтерева (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковская, Е. Е. Ромицына [20]) русскоязычную адаптацию методики Матейчика и Ржичана «adolescent o rodičoch», которая, в свою очередь, является модификацией методики Шафера «child's report of parental behaviour inventory». Он используется для

психологической диагностики детско-родительских отношений, раскрывает содержательный характер и специфику воспитательной практики родителей с точки зрения подростков. Методика позволяет описать отношения ребенка с родителем (отдельно с матерью и отдельно с отцом) по наиболее общим проявлениям: позитивному интересу, директивности, враждебности, автономности и непоследовательности. Стандартизованные показатели опросника располагаются от 1 до 5 баллов, и нормой является средний балл, т. е. 3 балла. Если параметр получит 1–2 балла, то измеряемое качество слабо выражено; если 4–5 баллов, то оно выражено вполне отчетливо. Опросник был обработан вручную в соответствии с ключами в каждом из 70 бланков. Далее «сырые» баллы были переведены в стандартизованные, а итоговые числа были занесены в таблицу. Методика «шкала созависимости Спенн – Фишера» адаптирована для русскоязычных респондентов психотерапевтом, психиатром-наркологом В. Д. Москаленко. В ней созависимость понимается как психосоциальное состояние, проявляющееся через неблагоприятную модель поведения, которая характеризуется ярко выраженной ориентацией на внешнее, отсутствием открытого выражения чувств и попытками получить чувство собственной значимости через отношения [1; 21; 22]. Опросник состоит из 16 утверждений, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 6 баллов, где 1 балл – полностью не согласен (не согласна), а 6 баллов – полностью согласен (согласна). Подсчитанные баллы были занесены в таблицу, с помощью которой в дальнейшем интерпретировались результаты.

Полученные количественные данные были подвергнуты статистической обработке для определения того, каким образом различается степень созависимости у девушек вследствие восприятия ими определенных воспитательных установок их отцов. Для этого осуществлялся расчет по непараметрическому *U*-критерию Манна – Уитни. Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета *Statistics 26.0*.

Результаты и их обсуждение

Одной из задач настоящего исследования было выявление субъективных представлений о воспитательных установках отца у девушек-подростков. Для ее

решения использовался опросник «подростки о родителях». Средние значения воспитательных установок отца в отношении дочери представлены на рис. 1.

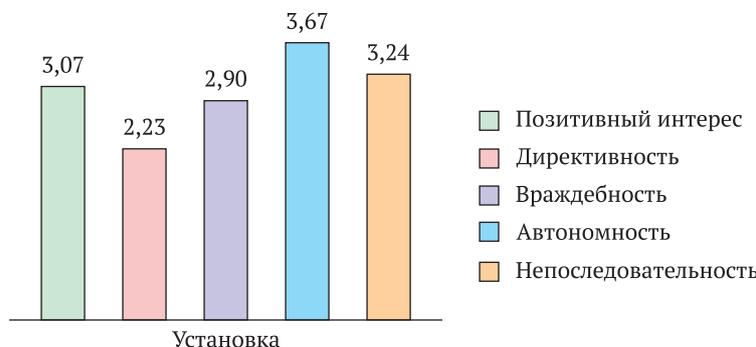

Рис. 1. Средние значения воспитательных установок отца в отношении дочери

Fig. 1. Mean values of educational attitudes of father towards daughter

Анализ результатов показал, что у респондентов преобладающей установкой является автономность (ее средний балл превышает норму). Можно предположить, что в данном случае девушки-подростки могли не только получать больше свободы в собственных действиях, но и сталкиваться с безразличием и отстраненностью своего отца, и это, несомненно, повлияло на их психологическое благополучие. Респонденты описывают автономность отца как претензию на лидерство, причем лидерство недостижимое, недоступное для взаимодействия с ними. Отец представляется человеком, отгороженным от проблем семьи. Ему абсолютно все равно на то, что происходит вокруг, его действия часто не согласуются с потребностями и запросами близких, интересы которых он полностью игнорирует.

Второй преобладающей установкой стала непоследовательность. Отец представляется непредсказуемым человеком. С высокой долей вероятности в его поведении могут проявляться противоречащие друг другу психологические тенденции. Из этого можно сделать вывод о том, что амплитуда колебаний данных тенденций отца испытуемых близко расположена к среднему показателю в 3 балла.

Директивность в качестве установки отца встречается реже, что свидетельствует о ее слабой выраженности. Исходя из этого, можно предположить, что девушки имели возможность свободно интерпретировать социальные нормы и правила, а также не развивать индивидуальные ценности. Таким образом, респонденты не представляют директивность отца в качестве образа феномена «твердая мужская рука».

Соотношение остальных субъективных представлений о воспитательных установках отца у респондентов примерно одинаковое. В отношениях с отцом, у которого имеется позитивный интерес, девушки ощущают теплоту и открытость. Они описывают эту

установку как отцовскую уверенность в себе и в том, что не строгость родителя, а внимание к ребенку есть проявление искреннего интереса. Психологическое принятие дочери характеризуется отсутствием резких перепадов от вседозволенности к суровым наказаниям, т. е. у отца с ребенком установлены теплые дружеские отношения с четким осознанием границ того, что можно и чего нельзя. Запреты в данном случае присутствуют только ввиду отцовской любви.

Враждебность определяется наличием авторитарного стиля воспитания со стороны отца, что обуславливает повышенный уровень напряженности, нервозности и нестабильности подростка. Можно сказать, что в данном случае речь идет о таком неблагоприятном типе отцовского отношения к дочери, как сочетание завышенных требований, основанных на представлении об идеальном ребенке с одной стороны и эмоционально-холодном, отвергающем отношении – с другой. Все вышеописанное ведет к нарушениям взаимоотношений между отцом и дочерью-подростком.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что основной воспитательной установкой отцов в настоящее время является автономность, характеризующаяся безразличностью и отгороженностью от ребенка в частности и от семьи в целом. Этот факт соотносится с данными других исследований, в которых обнаружено, что в современных семьях доминирующая роль в воспитании как мальчиков, так и девочек принадлежит матери. При этом респонденты отмечали, что ощущают отчужденность отца, нехватку его заботы и любви [23].

На следующем этапе определялись различия в выраженности созависимости у девушек-подростков (табл. 1). Для решения поставленной задачи использовалась методика «шкала созависимости Спенн – Фишера».

Таблица 1

Доля респондентов
с разной выраженностью созависимости, %

Table 1

Share of respondents
with different codependency severity, %

Выраженность созависимости	Доля респондентов
Резкая	38,57 (27 человек)
Умеренная	52,86 (37 человек)
Низкая	8,57 (6 человек)

У девушек-подростков преобладает умеренно выраженная созависимость. Конечно, в данном случае нельзя делать однозначный вывод о том, что во взаимоотношениях с окружающими людьми такие девушки-подростки склонны демонстрировать созависимое поведение. Однако нельзя говорить и о том, что у них отсутствуют дисфункциональные убеждения, приводящие к болезненным чувствам в отношениях. В то же время у значительной части респондентов была выявлена резко выраженная созависимость. Это свидетельствует о высокой степени созависимости девушек-подростков, проявляющейся в дисфункциональном стремлении зависеть от людей с минимальным интересом к своей личности. У остальных участников опроса была обнаружена низкая выраженность созависимости или отсутствие ее как таковой. Их взаимоотношения с другими людьми не имеют признаков созависимости.

Полученные результаты по методике «шкала созависимости Спенн – Фишера» позволили разбить испытуемых по типу степени выраженности созависимости на три группы: 1) группу респондентов с высокой степенью выраженности созависимости, в которую вошли девушки-подростки с резко выраженной созависимостью; 2) группу респондентов со средней степенью выраженности созависимости, в которую вошли девушки-подростки с умеренно выраженной созависимостью; 3) группу респондентов с низкой степенью выраженности созависимости, в которую вошли девушки-подростки с низко выраженной созависимостью.

Несомненно, сверхтривиальной гипотезой является наличие существенных различий в субъективных представлениях о воспитательных установках отцов у носителей созависимости разной степени выраженности, при этом содержательные особенности такого рода различий представляют, по мнению авторов настоящей работы, научный интерес. Исходя из логики данного исследования, выявлено, в чем именно заключаются эти различия. Анализ профильного рисунка (рис. 2), составленного на основе сопоставления показателей всех шкал методики «подростки о родителях», позволил увидеть, что

у респондентов с высокой степенью созависимости наиболее выраженными субъективными представлениями о воспитательных установках отца являются непоследовательность и враждебность, а наименее выраженной – директивность. Эти девушки воспринимают своего отца как непоследовательного в воспитательном процессе человека, который эмоционально холоден и сверхтребователен по отношению к ним. Однако последнее качество не носит определенного характера, и девушкам может быть сложно понять, что именно хочет от них отец, поскольку его сверхтребовательность не направляет, а лишь повышает у них уровень напряженности и нервозности из-за непредсказуемости своих требований.

В субъективном представлении у девушек-подростков со средней степенью созависимости наиболее выраженной воспитательной установкой отца по отношению к ним является автономность, а наименее выраженной – директивность. Эти девушки воспринимают своего отца как безразличного по отношению к ним в частности и семье в целом, а также как недоступного для заимствования социальных норм и правил, что может затруднять их адаптацию в социуме и способствовать дальнейшему развитию созависимого поведения.

В субъективном представлении у девушек-подростков с низкой степенью созависимости наиболее выраженной воспитательной установкой отца по отношению к ним становится позитивный интерес, а наименее выраженной – враждебность. Особенностью этих девушек является то, что они воспринимают своего отца как способного выстраивать с ними теплые и доверительные отношения, основанные на безоценочном принятии ребенка, искреннем интересе к нему, заботе о нем и выстраивании четких границ дозволенного без проявлений агрессии и нестабильности.

Различия в субъективных представлениях о воспитательных установках отца в отношении дочери с учетом ее степени созависимости показаны в табл. 2. Для выявления различий в степени созависимости у девушек-подростков использовался непараметрический *U*-критерий Манна – Уитни. Рассчитывался уровень значимости (*p*).

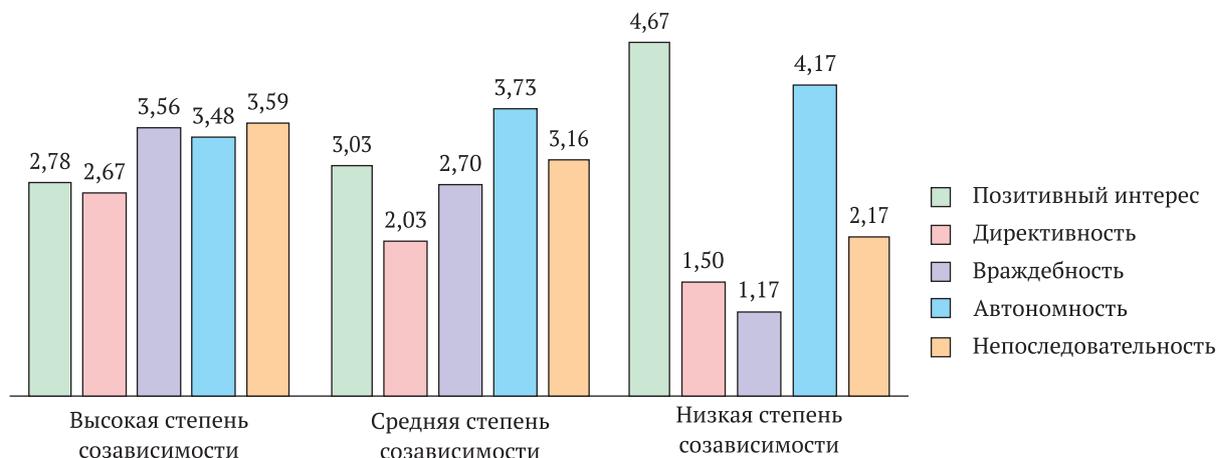

Рис. 2. Средние значения воспитательных установок отца в отношении дочери с учетом ее степени созависимости

Fig. 2. Mean values of educational attitudes of father towards daughters, taking into account her degree of codependency

Таблица 2

Различия в субъективных представлениях о воспитательных установках отца в отношении дочери с учетом ее степени созависимости

Table 2

Differences in subjective ideas about a father's educational attitudes towards his daughter, taking into account her degree of codependency

Субъективные представления о воспитательных установках отца в отношении дочери	Степень созависимости					
	Низкая – средняя		Низкая – высокая		Средняя – высокая	
	<i>U</i>	<i>p</i>	<i>U</i>	<i>p</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Позитивный интерес	34,0	0,006	22,0	0,005	440,5	0,41
Директивность	78,0	0,22	33,0	0,02	344,5	0,028
Враждебность	24,5	0,002	10,0	0,001	326,0	0,015
Автономность	80,5	0,236	48,5	0,084	442,5	0,397
Непоследовательность	53,5	0,029	27,0	0,008	356,5	0,034

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия в субъективных представлениях о воспитательных установках отца в отношении дочери с учетом ее степени созависимости.

Как видно из результатов, показатели таких воспитательных установок отца, как позитивный интерес, враждебность и непоследовательность, у девушек с низкой степенью созависимости значительно отличаются от показателей данных установок у девушек со средней и высокой степенью созависимости. Показатели директивности в воспитании значительно отличаются у девушек с низкой и высокой степенью созависимости. Девушки с низкой степенью созависимости положительно воспринимают себя, у них отсутствует нервозность и нестабильность, поскольку имеются надежные личные границы и есть целостное представление о себе.

Показатели директивности, враждебности и непоследовательности в воспитании значительно отличаются у девушек со средней и высокой степенью созависимости. По мнению авторов настоящей статьи, это свидетельствует об их неоднозначном восприятии себя, а также о проявлении некоторой на-

пряженности и тревожности во взаимоотношениях данных девушек с другими людьми. В таком случае нельзя делать однозначный вывод о том, что во взаимоотношениях с другими людьми такие девушки-подростки склонны демонстрировать созависимое поведение. Однако нельзя говорить о том, что у них отсутствуют дисфункциональные убеждения, приводящие к болезненному чувству.

Девушки с высокой степенью созависимости характеризуются дисфункциональным стремлением зависеть от людей с минимальным интересом к своей личности. Они отличаются трудностями в выражении своих эмоций, повышенной тревожностью и стремлением к сверхконтролю.

Также из табл. 2 видно, что показатели автономности в воспитании девушек с разным уровнем созависимости значительно не различаются. Это свидетельствует о том, что девушки-подростки воспринимают отца как безоговорочного лидера в семье, но в то же

время он является недоступным для общения. Таким образом, автономный отец характеризуется психологической незрелостью. В исследованиях [6; 8; 9; 12] также отмечается, что значимым фактором для развития ребенка является наличие или отсутствие не просто родителей, а психологической зрелости у каждого из них. Чтобы процесс сепарации детей завершился успешно, каждому родителю нужно иметь хорошо развитую психологическую автономию, чтобы помочь ребенку отделиться от них. Недостаточная психологическая зрелость отца, неспособность управлять собственными функциональными состояниями для установления контакта с ребенком, неспособность научить его управлять собой затрудняет или даже приостанавливает развитие ребенка, что приводит к созависимости.

Заключение

Созависимость развивается в течение долгого времени при наличии провоцирующей среды. Такой средой являются, например, условия, усиливающие тенденцию к созависимому поведению: наличие личных или профессиональных взаимоотношений с зависимыми людьми, нуждающимися в постоянном внимании, а также жизнь в деструктивной семейной системе. По мнению авторов настоящей статьи, важным становится факт того, что созависимость связана в первую очередь с нарушениями развития личности, формирующимися на разных этапах детско-родительских отношений, в частности в отношениях отец – подросток.

В результате исследования субъективных представлений дочерей о воспитательных установках своих отцов было установлено, что преобладающей установкой является автономность, а реже встречающейся – директивность. На основе полученных результатов выдвинуто предположение о том, что в настоящее время отцы проявляют недостаточную степень заботы по отношению к своим дочерям. Данное предположение было подкреплено исследованием Е. П. Ильина [23], в ходе которого он установил, что доминирующая роль в воспитании детей принадлежит матери, а со стороны отца они ощущают отчужденность, нехватку заботы и любви.

Исходя из вышесказанного, авторы данной работы сделали вывод о том, что взаимоотношения девушки с отцом, основанные на доверительном и гармоничном взаимодействии, являются необходимым условием психологического благополучия подростка. Искренний интерес к подростку со стороны отца способствует формированию адекватной самооценки, чувства безопасности, стрессоустойчивости, автономии и самостоятельности. В то же время безразличие и незаинтересованность в ребенке влекут за собой деформацию его личности и представлений о мире в целом.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что субъективное представление о деструктивных воспитательных установках отца (враждебность и непоследовательность), как видно из рис. 2, в большей степени характерно для девушек с высокой степенью созависимости.

Полученные результаты согласуются с результатами исследований, проведенных С. А. Осинской и Н. А. Кравцовой в данной области [9; 18; 19]. Как упоминалось ранее, они изучали различия в созависимом поведении подростков, исходя из представлений респондентов о своем отце. В их работе было показано, что неоднородность в структуре образа отца созависимых влияет на степень нарушения развития личности, а отрицательное восприятие отца повышает степень созависимости.

В ходе изучения различий в степени созависимости у девушек-подростков было выявлено, что у 91,43 % респондентов, принявших участие в настоящем исследовании, имеется либо явная предрасположенность к созависимому поведению, либо уже устойчивое созависимое поведение. Лишь у 8,57 % девушек показатели свидетельствуют о низкой предрасположенности к созависимости или же отсутствию ее как таковой. Именно поэтому данная проблема сегодня становится крайне актуальной.

В результате проведенного эмпирического исследования были выявлены различия в степени созависимости по таким субъективным представлениям о воспитательных установках отца у девушек-подростков, как позитивный интерес, директивность, враждебность, автономность и непоследовательность. При этом враждебность и непоследовательность, как наиболее деструктивные воспитательные установки отца, в большей степени характерны именно для резко выраженной созависимости, в то время как различий в степени созависимости по установке «автономность» выявлено не было. Таким образом, цель и задачи данной работы были реализованы, а гипотеза подтверждена.

Необходимо отметить, что проведенное исследование не исчерпывает круг психологических проблем, связанных с особенностями субъективных представлений о воспитательных установках отца у девушек-подростков с различной степенью созависимости. Оно позволяет наметить дальнейшие перспективы в исследовании научных проблем. Более глубоко следует проанализировать принципы социально-психологического сопровождения подростков с высокой степенью созависимости, изучить методические основы эффективности психологической поддержки таких подростков, что может обеспечить снижение поляризации как в личности подростка, так и в семье. Эмпирический материал,

полученный в результате исследования, позволяет уточнить и расширить имеющиеся в психологии данные о субъективном представлении девушками-подростками с различной степенью выраженности созависимости о воспитательных установках их отцов. Результаты исследования внесут вклад в разработку проблематики особенностей проявления субъективных представлений о воспитательных установках отца у девушек с различной степенью созависимости, специфики восприятия ими семейных взаимоотношений, а также будут способствовать разработке подходов к оказанию психологической

помощи. Представленные данные можно использовать в психологическом консультировании и при создании коррекционных программ. Они также будут полезны в оказании психологической помощи любой семье.

Дальнейшие исследования по данной проблематике предлагается вести в рамках углубленного изучения созависимости, в частности расширения выборки респондентов по количеству и составу участников с добавлением юношей, а также рассмотрения различий в степени созависимости в младшем и старшем подростковых возрастах.

Библиографические ссылки

1. Москаленко ВД. *Зависимость: семейная болезнь*. Москва: Институт консультирования и системных решений; 2014. 360 с.
2. Шорохова ОА. *Жизненные ловушки зависимости и созависимости*. Санкт-Петербург: Речь; 2002. 136 с.
3. Кочарян АС, Коровицкая ВВ. Проблема единства зависимых расстройств. *Журнал практикующего психолога*. 2005;11:58–71.
4. Боулби Д. *Привязанность*. Григорьева НГ, Бурменская ГВ, переводчики; Бурменская ГВ, редактор. Москва: Гардарики; 2003. 232 с.
5. Винникот ДВ. *Семья и развитие личности. Мать и дитя*. Грузберг А, переводчик. Екатеринбург: Литур; 2004. 400 с.
6. Уайнхолд ДжБ, Уайнхолд БК. *Освобождение от созависимости*. Чеславская АГ, переводчик. Москва: Независимая фирма «Класс»; 2003. 224 с.
7. Боуэн М. *Теория семейных систем Мюррея Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика*. Мирер АИ, Драбкина Т, Дайчик Е, Боковиков А, Меркулова И, переводчики; Бейкер К, Варги АЯ, редакторы. Москва: Когито-центр; 2005. Взгляд на социальную регрессию с позиции теории семейных систем; с. 125–138.
8. Паперо Д. Семья как элементарная единица. В: Боуэн М. *Теория семейных систем Мюррея Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика*. Мирер АИ, Драбкина Т, Дайчик Е, Боковиков А, Меркулова И, переводчики; Бейкер К, Варги АЯ, редакторы. Москва: Когито-центр; 2005. с. 107–126.
9. Осинская СА, Кравцова НА. Содержательные особенности образа отца у созависимой личности. *Сибирский психологический журнал*. 2013;47:23–32. EDN: PVXICF.
10. Bowen M. *Family therapy in clinical practice*. New York: Jason Aronson; 1993. 584 p.
11. Евсеенкова ЮВ, Портнова АГ. Система отношений в диаде отец – ребенок как фактор развития личности. *Семейная психология и семейная терапия*. 2003;4:30–48. EDN: SWXHFJ.
12. Посохова СТ, Липпо СВ, Манеров РВ. Образ отца и самоактуализация личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Психология. Социология. Педагогика*. 2008;3:23–30. EDN: KVNKKR.
13. Калина ОГ, Холмогорова АБ. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков. *Вопросы психологии*. 2007;1:15–26. EDN: PWKGMJ.
14. Nielson L. *Father – daughter relationships: contemporary research and issues*. New York: Routledge; 2012. 286 p.
15. Слученкова КА. Образ реального и идеального отца: особенности представлений у подростков. *Universum: психология и образование*. 2018;3:31–34. EDN: YSEKCT.
16. Собко ВВ. Педагогическое влияние отцов на воспитание старшеклассников. *Инновационная наука*. 2021;6:191–194. EDN: GZDVDG.
17. Емельянова ЕВ. *Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования*. Санкт-Петербург: Речь; 2010. 368 с.
18. Осинская СА, Кравцова НА. Образ отца как детерминанта созависимости. *Мир науки, культуры, образования*. 2012;3:112–116. EDN: РСХХКР.
19. Осинская СА, Кравцова НА. Психологические особенности образа отца у лиц с различной степенью созависимости. *Мир науки, культуры, образования*. 2012;5:84–88. EDN: PFZVCV.
20. Вассерман ЛИ, Горьковская ИА, Ромицына ЕЕ. *Психологическая методика «подростки о родителях» и ее практическое применение*. Санкт-Петербург: ФАРМиндекс; 2001. 68 с.
21. Fischer J, Spann L, Crawford D. Measuring codependency. *Alcoholism Treatment Quarterly*. 1991;8(1):87–100.
22. Бердичевский АА, Падун МА, Гагарина МА. Апробация модифицированной версии методики «шкала созависимости Спенн – Фишера». *Электронный журнал «Клиническая и специальная психология»* [Интернет]. 2019 [процитировано 3 мая 2023 г.];8(18). Доступно по: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2019_n1/cpse_2019_n1_Berdichevskiy_et_al.pdf.
23. Ильин ЕП. *Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 544 с.

References

1. Moskalenko VD. *Zavisimost': semeinaya bolezni'* [Addiction: a family disease]. Moscow: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii; 2014. 360 p. Russian.
2. Shorokhova OA. *Zhiznennyye lovushki zavisimosti i sozavisimosti* [Life traps of addiction and codependency]. Saint Petersburg: Rech'; 2002. 136 p. Russian.

3. Kocharyan AS, Korovitskaya VV. [The problem of unity of addictive disorders]. *Zhurnal praktikuyushchego psikhologa*. 2005;11:58–71. Russian.
4. Bowlby J. *Privyazannost'* [Attachment]. Grigor'eva NG, Burmenskaya GV, translators; Burmenskaya GV, editor. Moscow: Gardariki; 2003. 232 p. Russian.
5. Winnicott DW. *Sem'ya i razvitie lichnosti. Mat' i ditya* [Family and personality development. Mother and child]. Gruzberg A, translator. Ekaterinburg: Litur; 2004. 400 p. Russian.
6. Weinhold JB, Weinhold BK. *Osvobozhdenie ot sozavisimosti* [Liberation from codependency]. Cheslavskaya AG, translator. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass»; 2003. 224 p. Russian.
7. Bowen M. *Teoriya semeinykh sistem Myurreya Bouena: osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika* [Murray Bowen's family systems theory: basic concepts, methods and clinical practice]. Mirer AI, Drabkina T, Daichik E, Bokovikov A, Merkulova I, translators; Beiker K, Vargi AY, editors. Moscow: Kogito-tsentr; 2005. [A look at social regression from the perspective of family systems theory]; p. 125–138. Russian.
8. Papero D. [Family as an elementary unit]. In: Bowen M. *Teoriya semeinykh sistem Myurreya Bouena: osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika* [Murray Bowen's family systems theory: basic concepts, methods and clinical practice]. Mirer AI, Drabkina T, Daichik E, Bokovikov A, Merkulova I, translators; Beiker K, Vargi AY, editors. Moscow: Kogito-tsentr; 2005. p. 107–126. Russian.
9. Osinskaya SA, Kravtsova NA. Substantial features of the image of the father at codependent of the personality. *Siberian Psychological Journal*. 2013;47:23–32. Russian. EDN: PVXICF.
10. Bowen M. *Family therapy in clinical practice*. New York: Jason Aronson; 1993. 584 p.
11. Evseenkova YuV, Portnova AG. [The system of relationships in the father – child dyad as a factor in personality development]. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya*. 2003;4:30–48. Russian. EDN: SWXHFJ.
12. Posokhova ST, Lippo SV, Manerov RV. The father image and self-actualization of a person. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12, Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2008;3:23–30. Russian. EDN: KVNKKP.
13. Kalina OG, Kholmogorova AB. Influence of the father image on emotional well-being and sex-role identity of adolescents. *Voprosy psikhologii*. 2007;1:15–26. Russian. EDN: PWKGMJ.
14. Nielson L. *Father – daughter relationships: contemporary research and issues*. New York: Routledge; 2012. 286 p.
15. Sluchenkova KA. The image of a true and perfect father: features of teenage vision. *Universum: psikhologiya i obrazovanie*. 2018;3:31–34. Russian. EDN: YSEKCT.
16. Sobko VV. [The pedagogical influence of fathers on the upbringing of high school students]. *Innovation Science*. 2021;6:191–194. Russian. EDN: GZDVDG.
17. Emel'yanova EV. *Krizis v sozavisimyykh otnosheniyakh. Printsipy i algoritmy konsul'tirovaniya* [Crisis in codependent relationships. Principles and algorithms of counseling]. Saint Petersburg: Rech'; 368 p. Russian.
18. Osinskaya SA, Kravzova NA. Father's image as a determinant of codependents. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2012;3:112–116. Russian. EDN: PCHXKR.
19. Osinskaya SA, Kravzova NA. Psychological features of the father's image in individuals with different degree codependent. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2012;5:84–88. Russian. EDN: PFZVCV.
20. Vasserman LI, Gor'kovskaya IA, Romitsyna EE. *Psikhologicheskaya metodika «podrostki o roditelyakh» i ee prakticheskoe primeneniye* [Psychological technique «teenagers about parents» and its practical application]. Saint Petersburg: FARMindeks; 2001. 68 p. Russian.
21. Fischer J, Spann L, Crawford D. Measuring codependency. *Alcoholism Treatment Quarterly*. 1991;8(1):87–100.
22. Berdichevsky AA, Padun MA, Gagarina MA. Testing a modified version of the Spenn – Fisher codependency scale. *Clinical Psychology and Special Education* [Internet]. 2019 [cited 2023 May 3];8(18). Available from: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2019_n1/cpse_2019_n1_Berdichevskiy_et_al.pdf. Russian.
23. Il'in EP. *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny* [Differential psychophysiology of men and women]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 544 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 09.12.2023.
Received by editorial board 09.12.2023.

УДК 159.923

АЛЕКСИТИМИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ КАК ПРЕДИКТОР РЕЗИЛИЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Н. Ю. КЛЫШЕВИЧ¹⁾, О. Н. ВЕРБИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследована выраженность alexithymia у белорусской выборки респондентов периода средней взрослости. Определена резилиентность индивида в указанный период его развития. Обнаружены различия в резилиентности у взрослых с разными alexithymic профилями. Самые высокие показатели резилиентности зафиксированы у лиц, не имеющих alexithymia, самые низкие ее показатели – у индивидов с высоким уровнем alexithymia. Значимые различия установлены по интегративному показателю резилиентности, а также по таким ее компонентам, как жизнестойкость, совладание, самоэффективность, регуляция эмоций и когниций, адаптивность (гибкость).

Ключевые слова: alexithymia; alexithymic profile; resilience; компоненты резилиентности.

ALEXITHYMIC PROFILE AS A PREDICTOR OF PERSONALITY RESILIENCE IN MIDDLE ADULTITY

N. Yu. KLYSHEVICH^a, O. N. VERBITSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. N. Verbitskaya (verbitskaya.psy@gmail.com)

Abstract. The severity of alexithymia was studied in a Belarusian sample of respondents in middle adult. The resilience of the individual during the specified period of development was determined. Differences in resilience have been found in adults with different alexithymic profiles. The highest indicators of resilience were recorded in individuals without alexithymia, the lowest indicators – in individuals with a high level of alexithymia. Significant differences were established in the integrative indicator of resilience, as well as in such components as resilience, coping, self-efficacy, regulation of emotions and cognitions, adaptability (flexibility).

Keywords: alexithymia; alexithymic profile; resilience; components of resilience.

Образец цитирования:

Клышевич НЮ, Вербицкая ОН. Алекситимический профиль как предиктор резилиентности личности периода средней взрослости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:92–103. EDN: YPLCRB

For citation:

Klyshevich NYu, Verbitskaya ON. Alexithymic profile as a predictor of personality resilience in middle adulthood. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2:92–103. Russian. EDN: YPLCRB

Авторы:

Наталья Юлиановна Клышевич – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук.

Ольга Николаевна Вербицкая – магистрант кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Н. Ю. Клышевич.

Authors:

Natalya Yu. Klyshevich, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences. klishevich_n@mail.ru

Olga N. Verbitskaya, master's degree student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences. verbitskaya.psy@gmail.com

Введение

Психологические проблемы современного общества проявляются в усилении эмоциональных и психосоматических расстройств. Каждый десятый взрослый обладает выраженными алекситимическими чертами [1]. Термин «алекситимия» (греч. *a* – отрицание, *lexis* – слово, *thymos* – чувство, буквально означает «без слов для чувств», «нет слов для названия чувств») ввел П. Э. Сифнеос в начале 1970-х гг., понимание которого он впоследствии развил совместно с Дж. Немией. По их мнению, данный феномен отражает утилитарный способ мышления, обедненный аффективный опыт и трудности вербального описания своих чувств. Согласно концепции, разработанной П. Э. Сифнеосом, Дж. Немией и Г. Дж. Тейлором, алекситимия рассматривается как личностный конструкт и определяется как психологическая характеристика индивида, проявляющаяся в затруднении или полной неспособности человека точно описать собственные эмоциональные переживания и понять чувства другого человека, в сложности определения различий между чувствами и телесными ощущениями, а также в фиксации индивида на внешних событиях в ущерб внутренним переживаниям [2–4]. А. Б. Холмогорова и Н. Г. Гаранян отмечали, что термин «алекситимия»

обозначает целый ряд нарушений, приводящих к формированию особого способа переживания и выражения индивидом собственных эмоций [5].

При рассмотрении алекситимии как специфического типа личности (Л. И. Быковская, В. В. Плотников, Д. В. Плотников, А. И. Полянский, Л. А. Северьянова и др.), как личностного конструкта (Р. М. Багби, Е. Ю. Брель, Е. А. Горобец, Р. Г. Есин, Г. Дж. Тейлор и др.), как фактора риска многих заболеваний (М. Е. Сандомирский, Х. Фрейбергер и др.) или как расстройства в аффективном и символическом функционировании (Г. Кристал) исследователи сходятся во мнении о том, что данный феномен представляет собой многомерный конструкт, включающий когнитивный и эмоциональный компоненты. Когнитивный компонент характеризуется трудностями в идентификации и вербализации эмоций и конкретным мышлением, тогда как эмоциональный компонент – низкой эмоциональной вовлеченностью и бедностью воображения [6]. Среди факторов алекситимии можно выделить биологические и психосоциальные. Следствием воздействия первых на личность является первичная необратимая алекситимия, а вторых – вторичная обратимая алекситимия.

Теоретические основы исследования

Методологической основой исследования алекситимии выступила описанная выше концепция алекситимии, принадлежащая П. Э. Сифнеосу, Дж. Немии и Г. Дж. Тейлору. В настоящее время анализ алекситимии носит полидисциплинарный характер, что обусловлено сложностью самого конструкта и многоаспектностью его воздействия на психологическое благополучие личности. М. А. Москачева, А. Б. Холмогорова и Н. Г. Гаранян, изучая эмпатию и алекситимию, выявили следующие особенности индивидов с высоким уровнем алекситимии: сниженную способность к распознаванию эмоций людей по мимике, низкий уровень эмоциональной эмпатии, трудности в распознавании удивления, презрения, страха и печали, а также низкую способность адекватно откликаться на эмоциональное состояние людей. Недостаток эмпатии у лиц с алекситимией приводит к нарушениям и затруднениям в межличностном взаимодействии, частым конфликтам, упрощению и шаблонности реакций на события окружающего мира [7]. Очерчивая особенности эмоциональной сферы при алекситимии, исследователи указывают на недифференциацию телесных и эмоциональных проявлений. В работах [8–11] также подтверждается слабое разграничение модальности своих эмоций и эмоций других людей при алекситимии.

Алекситимия негативно влияет на межличностное взаимодействие в силу недостаточной сформиро-

ванности у индивида навыков рефлексивности и саморегуляции (Е. Ю. Брель, Е. А. Горобец, Р. Г. Есин, Г. Кристал, В. В. Николаева и др.). Возбудимость, вспыльчивость, вербальная конфликтность, неустойчивость настроения, психовегетативная неустойчивость – характерные проявления алекситимичных индивидов [12]. Е. Ю. Брель в качестве психологического компонента алекситимического пространства личности, наряду с тревожностью, выделила агрессивность. Автор отметила, что тревожность блокирует позитивное восприятие эмоционального внутреннего и внешнего мира, а агрессивность становится способом реагирования на изменения окружающего мира и единственно доступным индивиду методом взаимодействия с ним [13]. Кроме того, были обнаружены значимые отрицательные связи алекситимии с удовлетворенностью жизнью и способностью к психосоциальной адаптации [13; 14].

Проведенный авторами настоящей статьи анализ исследований свидетельствует о том, что алекситимия становится причиной затрудненности социальных контактов, развития серьезных психологических проблем, снижения удовлетворенности качеством жизни и формирования неадаптивного поведения.

В связи с вышесказанным представляет интерес изучение алекситимических черт взрослых с различной резилентностью (англ. *resilience* – упругость,

эластичность). Феномен резилиентности в настоящее время активно разрабатывается зарубежными и отечественными психологами. В 1980-х гг. после публикаций работ Э. С. Мастен резилиентность стала одной из крупных теоретических и научно-исследовательских тем в психологии. В русскоязычной литературе, посвященной данной проблематике, наблюдается вариативность написания данного термина: резилиенс, резилиантность, резилентность, резильентность [15]. К. М. Коннор и Дж. Р. Т. Дэвидсон рассматривают это понятие как показатель способности справляться со стрессом. По их мнению, резилиентность – это характеристика личности, определяющая умение человека восстанавливаться и поддерживать адаптивное функционирование после стрессовых событий¹.

В русскоязычном пространстве аналогом понятия «резилиентность» выступает термин «жизнеспособность» (А. В. Махнач). Представив глубокий анализ конструкта жизнеспособности, А. В. Махнач предложил определять его как способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью не только восстанавливаться, но и выходить из-под их воздействия на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы [16]. По мнению А. В. Махнача, жизнеспособность человека может быть описана следующими связанными между собой компонентами: самооффективностью, настойчивостью, внутренним локусом контроля, духовностью, семейными (социальными) взаимоотношениями, совладанием и адаптацией. Каждый из выделенных компонентов включен в один из контекстов: индивидуально-личностный контекст (самооффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание), контекст отношений (семейные (социальные) взаимоотношения), контекст общества (адаптация), контекст культуры (духовность) [17].

Методологической базой исследования резилиентности личности в рамках данной статьи выступили представления К. М. Коннора и Дж. Р. Т. Дэвидсона об основных компонентах резилиентности, к которым относятся жизнестойкость, совладание, самооффективность, регуляция эмоций и когниций, адаптивность (гибкость), осмысленность (цель) и оптимизм². Ключевыми особенностями резилиентной личности, по мнению вышеупомянутых ученых, являются следующие психологические характеристики: личная компетентность, высокие стандарты и упорство, способность справляться со стрессом и неприятными чувствами (гневом, болью или печалью), способность адаптироваться к изменени-

ям, отношение к ним как к возможностям, наличие надежных социальных отношений, реалистичное чувство контроля, а также самооффективность [18].

В современной психологии выделяют такие основные контексты изучения резилиентности, как адаптация (дезадаптация) индивида, конструктивное преодоление трудных жизненных ситуаций и событий, эффективное функционирование и др. Актуализируется использование онлайн-программы, направленной на повышение резилиентности медицинских сестер. Как результат, у них усилилась жизнеспособность, прибавилась уверенность в себе, усовершенствовалось качество ухода за пациентами, улучшились отношения с коллегами и коммуникативные навыки. К. Хеншолл, З. Дэви, С. Шрикесаван, Л. Харт, Д. Батчер и А. Чиприани пришли к заключению о возможности внедрения онлайн-программ для повышения резилиентности сотрудников, переживающих стрессовые события [19]. Схожие результаты были получены в исследовании Г. Янзарика, Д. Волшлегера, М. Весса и К. Либа, программа которых была рассчитана на восемь недель. В качестве респондентов здесь также выступали медицинские сестры. По сравнению с контрольной группой экспериментальная группа сообщила о значительном улучшении психического здоровья. Последующее наблюдение за участниками исследования свидетельствует о том, что эффект сохранялся в течение шести месяцев после начала программы [20]. Вэй Хоу Дэрилл Энг, Хан Ши Джоселин Чу, Цзе Донг, Хусо И, Рати Махендрен и Ин Лау также подтвердили, что резилиентность можно развивать. На основании метаанализа данных рандомизированных контролируемых испытаний с участием 2876 взрослых авторы доказали, что не только оффлайн-программы, но и онлайн-программы существенно повышают резилиентность участников (эффект варьировался от умеренного до значительного) [21]. При исследовании учителей было установлено, что резилиентность положительно связана с регуляцией эмоций, сочувствием, оценкой эмоций людей, компетентностью, самооффективностью и самооценкой. Важно отметить, что резилиентность педагогов влияет на резилиентность их учеников [22]. Помимо этого, было обнаружено, что социальное окружение (на уровнях микро- и макросреды), а также индивидуальные различия в регулировании эмоций и преодолении трудностей влияют на способность человека достигать резилиентности. Воздействия на индивидуальном уровне и на уровне малых групп (семьи, класса) обусловили развитие резилиентного поведения и улучшение показателей психического и физического здоровья [23]. Как видно из приведенных выше

¹Connor K. M., Davidson J. R. T. Scoring and interpretation of the Connor – Davidson resilience scale. [S. l. : s. n.], 2020. 3 p.

²Ibid.

исследовательских данных, в современных нестабильных условиях очевиден ресурсный потенциал резилиентности для эффективного функционирования индивида.

В качестве основного фактора формирования резилиентности личности рассматриваются семья и социальное окружение (С. Ваништендаль, А. В. Махнач, Н. М. Сараев, А. А. Суханов и др.). В работе А. И. Лактионовой установлено, что наиболее значимой индивидуальной характеристикой жизнеспособности взрослых выступает уровень развития эмоционального интеллекта, являющегося предиктором саморегуляции и продуктивных стратегий совладания [24].

При исследовании испанских рабочих обнаружена обратная зависимость эмоционального выгорания и уровня резилиентности личности. Было установлено, что выгорание отрицательно коррелирует с такими компонентами резилиентности, как личная компетентность и способность позитивно относиться к изменениям. Была также изучена взаимосвязь черт большой пятерки, резилиентности и выгорания. Выявлено, что резилиентность положительно связана с сознательностью, доброжелательностью и открытостью опыту [25]. Согласно австралийским ученым, выборку исследования которых составили беженцы из разных стран, резилиентность напрямую связана с выраженностью депрессивной симптоматики и эмоционально-поведенческими проблемами [26].

Индивиды, обладающие более высоким уровнем резилиентности, характеризуются большим чувством контроля над жизненными событиями [27]. Данная особенность приводит к тому, что такие взрослые считают стрессовые факторы, с которыми они стал-

киваются, менее тревожными для себя. Также резилентные взрослые склонны полагать, что в их распоряжении много личных ресурсов, и это помогает им чувствовать себя более гибкими (Л. Риопель).

Следует отметить, что в русскоязычном психологическом пространстве мало работ, посвященных эмпирическому изучению связи алекситимии и особенностей личности, которые косвенно можно отнести к отдельным компонентам резилиентности [28–31].

Проведенный выше анализ исследований позволяет предположить, что алекситимия может выступать предиктором резилиентности личности. Так, М. Луверс установил, что у студентов высокий уровень алекситимии, приводящий к дефициту эмоциональной саморегуляции, обуславливает низкий уровень резилиентности. Ф. Аткин доказал неблагоприятное влияние алекситимии на резилиентность женщин с онкологической патологией. А. Морис-Рамат и его коллеги писали о том, что алекситимия позволяет прогнозировать резилиентность медицинских работников. Н. О. Срещикова выяснила, что выраженность алекситимии отрицательно связана с адаптированностью индивида.

Подводя итог теоретического обзора, следует отметить, что резилиентность выступает фактором конструктивного проживания трудных жизненных ситуаций, формирования адаптивного поведения и способности к саморегуляции, адекватного реагирования на стрессоры. Алекситимия позволяет прогнозировать резилиентность личности. Данное обстоятельство объясняет исследовательский интерес к проблематике алекситимии и резилиентности личности.

Материалы и методы исследования

Авторы данной статьи предположили, что существуют значимые различия в резилиентности и ее отдельных компонентах у взрослых с разными алекситимическими профилями. Респонденты, обладающие более выраженным алекситимическим профилем, будут иметь более низкие показатели резилиентности.

Для достижения цели исследования использовались следующие психодиагностические методики: русскоязычная версия торонтской шкалы алекситимии (*Toronto alexithymia scale*, TAS-20-R) в адаптации Р. М. Багби, А. Е. Боброва, М. А. Бобровой, М. Г. Ивашкиной, Л. К. Квилти, М. Н. Кривчиковой, Е. Н. Мошняги, Н. В. Пузыревой, Е. Г. Старостиной, Г. Дж. Тейлора и Е. П. Шавриковой, состоящая из 20 вопросов; шкала устойчивости Коннор – Дэвидсона (*Connor – Davidson resilience scale*), включающая 25 вопросов. Данные о валидности, стабильности и надежности кратких шкал имеются в работах ряда авторов (С. Веттер,

И. Дулаев, С. Гонсалес, С. Нартова-Бочавер, Дж. Скали и др.).

Выборку исследования составили 102 респондента, из них 84 женщины (82,4 %) и 18 мужчин (17,6 %). Все опрошиваемые являются жителями Беларуси и работают в различных сферах деятельности (инженерии, преподавании, юриспруденции, программировании, сфере услуг и т. д.). Возраст респондентов составил от 25 до 50 лет (среднее значение (M) равнялось 37,89, стандартное отклонение (SD) – 6,4), что, согласно периодизации Дж. Биррена, соответствует периоду средней зрелости. В акмеологии утверждается, что в исследуемый возрастной период взрослые достигают вершин развития творчества (Б. Г. Афаньев, А. А. Бодалев, А. А. Деркач). В периодизации развития зрелой личности В. Моргуна и Н. Ткачевой период жизни с 25 до 50 лет считается эпохой расцвета. По их мнению, развитие взрослых детерминруется их личностными новообразованиями, которые

в итоге определяют социальную ситуацию развития каждого индивида. С точки зрения Е. А. Климова, взрослые в данном возрастном диапазоне проходят такие фазы профессионального роста, как мастерство, авторитет и наставник. В концепции, принадлежащей Ю. П. Поваренкову, респонденты указанного возрастного периода относятся к таким периодам профессионального развития, как период устойчивого роста показателей и период наивысших достижений. Схожая идея представлена в концепциях, разработанных Э. Ф. Зеером и Д. Сьюпером.

Для обработки данных использовались пакеты программ *Microsoft Excel 2016* и *Statistics 27*. С помощью те-

ста Колмогорова – Смирнова произведена проверка нормальности распределения переменных. Для сравнения двух групп применялись *t*-критерий Стьюдента (для переменных с нормальным распределением) и *U*-критерий Манна – Уитни (для переменных, распределение которых отличается от нормального). Также высчитывался уровень значимости (*p*).

Для выявления различий между исследуемыми группами проведен дисперсионный анализ с апостериорными сравнениями (для переменных с нормальным распределением) и применен *H*-критерий Краскела – Уоллиса (для переменных, распределение которых отличается от нормального).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ данных с опорой на русскоязычную версию торонтской шкалы алекситимии ($M = 47,35$, $SD = 9,84$) позволил разделить респондентов по группам в зависимости от степени выраженности у них алекситимии. В группу А (менее 37,5 баллов по шкале) вошли респонденты без алекситимии ($n = 18$), в группу В (38–47 баллов по шкале) – респонденты с низким уровнем алекситимии ($n = 35$), в группу С (48–57 баллов по шкале) – респонденты с умеренным уровнем алекситимии ($n = 32$), в группу D (более 57,2 баллов по шкале) – респонденты с высоким уровнем алекситимии ($n = 17$).

В настоящем исследовании для проверки статистической значимости обнаруженных различий по алекситимическим характеристикам между группами был проведен дисперсионный анализ с апостериорными сравнениями: в группе А среднее значение по шкале алекситимии составило $33,9 \pm 3,2$ ($p \leq 0,001$), в группе В – $42,6 \pm 2,8$ ($p \leq 0,001$), в груп-

пе С – $52,1 \pm 2,9$ ($p \leq 0,001$) и в группе D – $62,5 \pm 5,1$ ($p \leq 0,001$).

Статистический анализ показал, что все группы значимо отличаются друг от друга по степени выраженности алекситимии. Так, 17 % респондентов имеют высокий уровень алекситимии. Аналогичные результаты были получены в исследовании А. Ю. Искусных [32]. У 31 % респондентов выявлен умеренный уровень алекситимии (они составляют группу риска). Низкий уровень алекситимности обнаружен у 34 % респондентов. Отсутствие алекситимических проявлений наблюдается у 18 % респондентов.

На рис. 1 представлены значения алекситимических профилей респондентов каждой группы (название профиля соответствует наименованию субшкалы). Средние значения по субшкалам нарастают от группы А к группе D. Для проверки значимости обнаруженных различий между группами применялся *H*-критерий Краскела – Уоллиса (табл. 1).

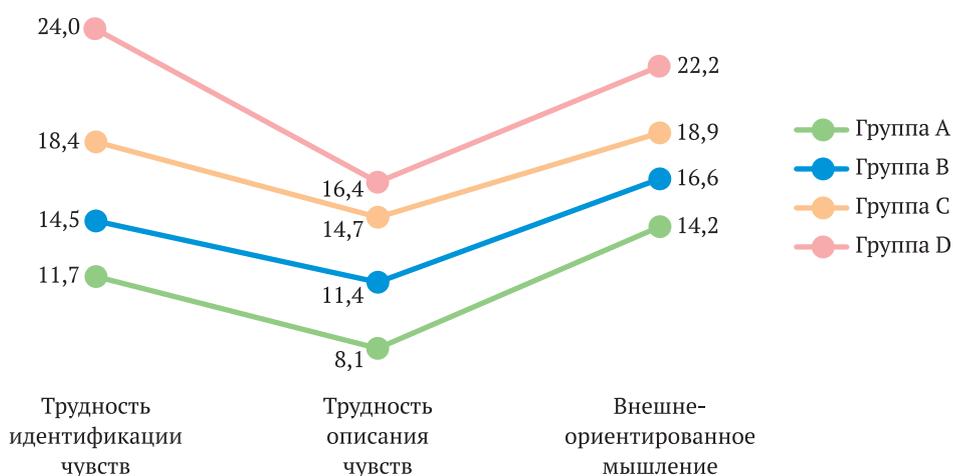

Рис. 1. Значения алекситимических профилей респондентов исследуемых групп, балл

Fig. 1. Values of alexithymic profiles of the respondents of the studied groups, point

Таблица 1

Средние значения по субшкалам в исследуемых группах

Table 1

Mean values for subscales in studied groups

Субшкала	Группа А	Группа В	Группа С	Группа D
Трудность идентификации чувств	11,7 ± 2,4	14,5 ± 2,5	18,4 ± 3,0**	24,0 ± 5,0**
Трудность описания чувств	8,1 ± 1,6	11,4 ± 2,7*	14,7 ± 2,7**	16,4 ± 3,7**
Внешнеориентированное мышление	14,2 ± 2,4	16,6 ± 2,2	18,9 ± 3,1**	22,2 ± 3,7**

*Среднее значение, которое статистически значимо при $p \leq 0,05$.

**Среднее значение, которое статистически значимо при $p \leq 0,001$.

На основании эмпирических данных и анализа литературных источников были описаны группы участников исследования с разными уровнями проявления алекситимии.

Группа А (респонденты без алекситимии). Респонденты практически не испытывают трудностей в идентификации своих чувств, а также в дифференциации чувств и телесных ощущений, появляющихся при эмоциональном возбуждении. У них не возникают сложности с названием собственных эмоций и чувств. Взрослые способны к когнитивной переработке эмоций, т. е. к их осознанию, анализу и вербализации. Они могут представить, что чувствуют другие, проявляют эмпатию в отношениях, выстраивают их с учетом эмоциональной составляющей социального взаимодействия. Эмоции включаются в регуляцию межличностных контактов. Для мышления респондентов данной группы характерно сочетание ориентации на внешний мир (описание и осмысление фактов) и ориентации на собственный опыт и переживания. Их отличают гибкость решений, отсутствие механистичности и утилитарности, а также эластичность копингов. Подобные характеристики обеспечивают высокую адаптивность взрослых, их способность к эффективному межличностному взаимодействию и командной работе.

Группа В (респонденты с низким уровнем алекситимии). Респонденты могут испытывать некоторые трудности в идентификации собственных чувств, находясь в стрессовых и эмоционально заряженных ситуациях. В таких случаях у них могут проявляться небольшие сложности с описанием своего эмоционального состояния. Вне данных ситуаций взрослые способны к дифференциации эмоций и телесных проявлений, распознаванию эмоционального состояния других людей и его учету в межличностных контактах. Для респондентов этой группы не характерны конкретно-практический стиль мышления и постоянная фиксация внимания исключительно на внешних стимулах. Они не описывают внешнюю сторону событий без учета внутреннего эмоционального опыта, у них снижается

стереотипность решений. В силу расширения диапазона эмоциональных реакций и рефлексивности респонденты адекватно откликаются на ситуацию взаимодействия, умеют сопереживать, могут переводить эмоциональные сигналы в символы для их дальнейшего использования в социальном диалоге. Наличие данных характеристик ведет к улучшению межличностных связей и усилению навыков командной работы.

Группа С (респонденты с умеренным уровнем алекситимии). Респонденты испытывают умеренные трудности в идентификации собственных чувств и сложности с доступом к личному эмоциональному опыту. Сохраняется разрастание физиологического компонента эмоций (проблемы с дифференциацией эмоций и телесных ощущений) при их недостаточном осознании и когнитивной переработке. Респонденты периодически не способны определить причины проявления собственных эмоций и словесно выразить то, что чувствуют. У них присутствует сниженная способность к распознаванию эмоций других людей (в том числе по мимике), описанию чувств к ним, что ведет к эмоциональной отстраненности и поверхностным межличностным отношениям. Для них характерно конкретно-практическое мышление, умеренная фиксация на внешних событиях и стереотипность решений. Подобное мышление отличается механистичностью и утилитарностью. Работа в команде и способность договариваться вызывает у таких индивидов трудности, но в меньшей степени, чем у личностей с высоким уровнем алекситимии. Отмечаются дефицит общения, склонность к инструментальной поддержке и умеренная вероятность применения неадаптивных копинг-стратегий. Несмотря на среднюю степень выраженности алекситимических проявлений, взрослые составляют группу риска по адаптивности и психоэмоциональным нарушениям.

Группа D (респонденты с высоким уровнем алекситимии). У данных индивидов проявляются существенные трудности в идентификации собственных чувств, а также в дифференциации чувств и телесных ощущений. В связи с этим у них вместо

эмоциональных реакций на стрессовое событие или эмоциогенную ситуацию часто наблюдаются жалобы на соматические симптомы. Они не могут когнитивно перерабатывать эмоции, т. е. анализировать их, вербализовать то, что чувствуют. Респонденты испытывают затруднения в распознании эмоций другого человека, описании своих чувств к нему, даже если они хорошо знакомы. Для них характерен внешне-ориентированный стиль мышления. У таких людей наблюдается перечисление мыслей либо фактов без осмысления их эмоциональной значимости, символизации. Ярко выраженная фиксация на внешних событиях в ущерб вниманию ко внутренним переживаниям лишает индивида возможности конструктивной рефлексии. В силу сложностей с эмпатией, узкого диапазона эмоциональных реакции, высокой склонности к использованию неадаптивных копингов значительные проблемы вызывают работа в команде и необходимость договариваться.

Важной задачей настоящего исследования было изучение резилиентности личности. Среднее значение резилиентности в рассматриваемой выборке равнялось $67,7 \pm 9,7$, что сопоставимо с результатами предыдущего исследования авторов данной статьи, согласно которому среднее значение резилиентности индивидов (их средний возраст составил 37,17 лет, $SD = 3,35$) достигало $68,3 \pm 12,4$ [33; 34]. На рис. 2 представлены средние показатели резилиентности респондентов рассматриваемых групп.

Так, самые высокие показатели резилиентности ($74,2 \pm 6,7$) зафиксированы в группе А, самые низкие ($60,7 \pm 10,0$) – в группе D. По данным зарубежных

исследований, подобный уровень резилиентности выявлен у респондентов с аддикциями и у респондентов с различными заболеваниями психосоматического генеза: 59,06 балла у респондентов с интернет-зависимостью (У. Мак), 56,3 балла у пациентов, страдающих алкогольной зависимостью (Е. Джафари), 56,1 балла у пациентов с психосоматическими расстройствами (Н. Оббариус), 55,5 балла у респондентов с ревматоидным артритом (Р. Сингх). На основании этой информации можно предположить, что участники настоящего исследования из группы D могут иметь психосоматическую симптоматику.

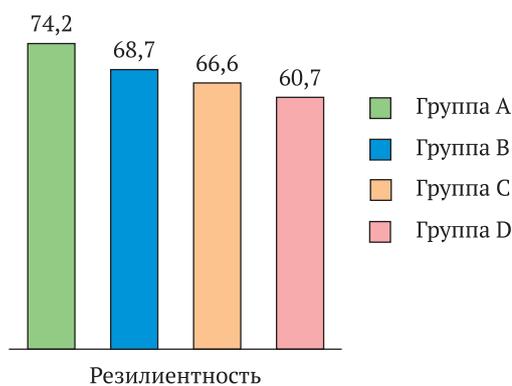

Рис. 2. Средние показатели резилиентности исследуемых групп, балл

Fig. 2. Average indicators of resilience in studied group, point

На рис. 3 представлены средние показатели компонентов резилиентности респондентов четырех групп.

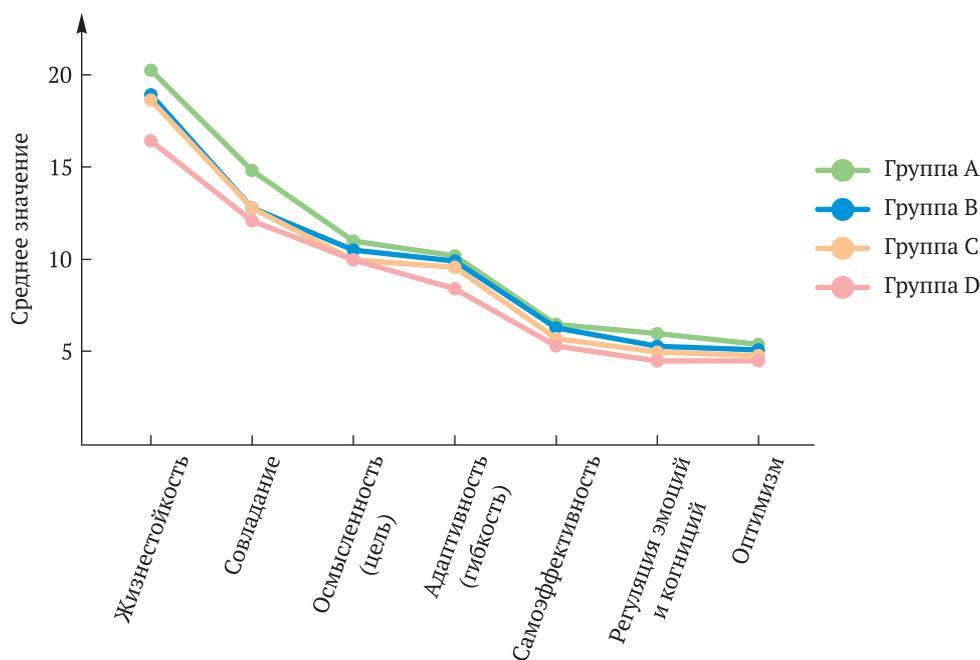

Рис. 3. Средние показатели компонентов резилиентности исследуемых групп, балл

Fig. 3. Average indicators of components of resilience of the studied groups, point

Так, самые высокие значения по всем компонентам резилиентности зафиксированы в группе А, самые низкие значения по этим компонентам – в группе D (табл. 2). Для проверки статистической значимости обнаруженных различий по всем субшка-

лам методики Коннор – Дэвидсона между группами проведен дисперсионный анализ с апостериорными сравнениями (общая шкала «резилиентность» и субшкала «жизнестойкость») и применен *H*-критерий Краскела – Уоллиса (все остальные субшкалы).

Таблица 2

Средние значения по общей шкале и субшкалам в исследуемых группах

Table 2

Mean values on overall scale and subscales in the study groups

Общая шкала и субшкалы	Группа А	Группа В	Группа С	Группа D
Резилиентность	74,2 ± 6,7	68,7 ± 9,8	66,6 ± 8,5*	60,7 ± 10,0**
Жизнестойкость	20,2 ± 3,0	18,9 ± 3,8	18,6 ± 3,7	16,4 ± 4,5*
Совладание	14,8 ± 3,0	12,8 ± 2,9*	12,8 ± 2,4*	12,1 ± 2,6*
Самозффективность	6,5 ± 0,9	6,3 ± 1,2	5,7 ± 1,0	5,3 ± 1,7*
Регуляция эмоций и когниций	6,0 ± 0,8	5,3 ± 1,5	5,0 ± 1,4	4,5 ± 1,8*
Адаптивность (гибкость)	10,2 ± 1,4	9,9 ± 1,5	9,6 ± 1,4	8,4 ± 2,6*
Осмысленность (цель)	11,0 ± 2,8	10,5 ± 2,1	10,0 ± 1,9	10,0 ± 2,9
Оптимизм	5,4 ± 1,0	5,1 ± 1,3	4,8 ± 1,6	4,5 ± 1,2

*Среднее значение, которое статистически значимо при $p \leq 0,05$.

**Среднее значение, которое статистически значимо при $p \leq 0,001$.

Как видно из табл. 2, обнаруженные различия являются статистически значимыми. Наиболее выражены различия в показателях резилиентности между группами А и D ($p \leq 0,001$), А и С ($p \leq 0,05$), В и D ($p \leq 0,05$). По субшкале «жизнестойкость» значимо различаются группы А и D ($p \leq 0,05$), на уровне тенденции значимы различия между группами В и D ($p \leq 0,1$). Из этого следует, что респонденты с алекситимией являются менее вовлеченными в происходящее и ощущают меньшую уверенность в том, что могут влиять на события жизни, чувствуют беспомощность, в меньшей степени способны выдерживать стрессовые ситуации и сохранять внутренний баланс и продуктивность. Аналогичные данные были получены в исследованиях [28; 29; 34; 35].

По субшкале «совладание» группа А значительно отличается от групп В, С и D ($p \leq 0,05$). Следовательно, респонденты без признаков алекситимии эффективнее справляются со стрессом и непростыми жизненными ситуациями. Затруднения в понимании и выражении своих ощущений, осложнения в контроле эмоций, бедность воображения, стереотипность мышления, неумение абстрагироваться, дефицит рефлексии, характерные для алекситимичных индивидов, приводят к недостаточной сформированности у них навыков преодоления стресса. Как следствие, алекситимичные респонденты в меньшей степени способны проявлять черты продуктивного совладающего поведения. Кроме того, выраженные алекситимические черты могут ограничивать разнообразие используемых индивидом копинг-стратегий. Например,

такой вид копинга, как поиск социальной поддержки, может быть малодоступен субъектам с алекситимией ввиду свойственных им нарушения межличностного взаимодействия и конфликтности.

По субшкале «самозффективность» значимы различия между группами А и D ($p \leq 0,05$), на уровне тенденции – между группами А и С, В и D ($p \leq 0,1$). Из этого следует, что алекситимичные респонденты в меньшей степени ориентированы на успех в своей деятельности, они не верят в собственные способности, возможности осваивать и выполнять деятельность на намеченном уровне. Самозффективность, согласно А. Бандуре, является продуктом сложного процесса интерпретации индивидом своих успехов и неудач. Личности алекситимического типа, испытывающие трудности с ассоциацией прожитых событий и эмоций, имеющие дефекты ментализации (К. Дэвид, П. Марти, М. де М'Юзан) и затруднения в понимании получаемой от других эмоциональной связи, по всей видимости, могут адекватно воспринять, обработать, оценить и интегрировать информацию о своей зффективности.

По субшкале «регуляция эмоций и когниций» статистически значимы различия между группами А и D ($p \leq 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что алекситимичные респонденты в меньшей степени способны к эмоциональной и когнитивной саморегуляции, управлению собственным поведением, чем респонденты без алекситимии. Недостаточная сформированность навыков саморегуляции у алекситимичных индивидов также была отмечена

многими исследователями (Е. Ю. Брель, Е. А. Горобец, Р. Г. Есин, Г. Кристал и др.).

По субшкале «адаптивность (гибкость)» статистически значимы различия также между группами А и D ($p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют говорить о том, что алекситимики менее адаптивны, чем индивиды без алекситимических проявлений. Адаптивность подразумевает гибкость и изменчивость поведения в зависимости от требований окружающей среды. Алекситимия, выражающаяся

в операциональности мышления, трудностях с идентификацией и дифференциацией чувств и эмоций и ощущений, нарушает понимание индивидом не только окружающей среды и ее «сигналов», но и своей, внутренней, ограничивая тем самым возможность установления адаптивного баланса между ними.

По субшкалам «осмысленность (цель)» и «оптимизм» различия между исследуемыми группами статистически не значимы.

Заключение

В ходе эмпирического исследования выявлены особенности алекситимии у личностей периода средней зрелости. Почти половина респондентов в этот период имеют высокий или умеренно высокий уровень алекситимии. Лишь пятая часть участников исследования характеризуется ее отсутствием. Две трети мужчин и почти половина женщин в период средней зрелости имеют выраженный или высокий уровень алекситимии. У лиц мужского пола внешнеориентированное мышление, выступающее одним из основных проявлений алекситимии, выражено больше, чем у женщин.

Определена резилентность личности в период средней зрелости. Самые высокие показатели резилентности зафиксированы в группе респондентов без алекситимии, самые низкие ее показате-

ли – в группе респондентов с высоким уровнем алекситимии. Значимые различия между индивидами без алекситимических проявлений и лицами с высоким уровнем алекситимии выявлены по интегративному показателю резилентности, а также по субшкалам «жизнестойкость», «совладание», «самоэффективность», «регуляция эмоций и когний» и «адаптивность (гибкость)».

Таким образом, соотнесение алекситимического профиля и резилентности личности в период средней зрелости позволило установить, что респонденты с высоким уровнем алекситимии имеют значимо более низкие показатели резилентности и ее компонентов. Следовательно, алекситимический профиль взрослых может выступать одним из предикторов резилентности в период средней зрелости.

Библиографические ссылки

1. Płońska D, Czernikiewicz A. Aleksytymia – ciągle wiele pytań. Część I, Definiowanie aleksytymii. *Psychiatria*. 2006;3:1–7.
2. Nemiah J, Freyberger H, Sifneos PE. Alexithymia: a view of the psychosomatic process. *Modern Trends in Psychosomatic Medicine*. 1976;3:430–439.
3. Taylor GJ, Bagby RM, Parker JD. The alexithymia construct. A potential paradigm for psychosomatic medicine. *Psychosomatics*. 1991;32(2):153–164. DOI: 10.1016/s0033-3182(91)72086-0.
4. Taylor GJ, Bagby RM. Examining proposed changes to the conceptualization of the alexithymia construct: the way forward tilts to the past. *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2021;90(3):145–155. DOI: 10.1159/000511988.
5. Холмогорова АБ, Гаранян НГ. Соматизация. Современные трактовки, психологические модели и методы терапии. Часть 2. *Современная терапия психических расстройств*. 2008;3:21–30. EDN: PIFQAZ.
6. Vorst HCM, Bermond B. Validity and reliability of the Bermond – Vorst alexithymia questionnaire. *Personality and Individual Differences*. 2001;3(1):413–434. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00033-7.
7. Москачева МА, Холмогорова АБ, Гаранян НГ. Алекситимия и способность к эмпатии. *Консультативная психология и психотерапия*. 2014;4:98–114. EDN: TCUNVT.
8. Брель ЕЮ, Стоянова ИЯ. Феномен алекситимии в клинико-психологических исследованиях (обзор литературы). *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2017;4:74–81. EDN: ZWTYRR.
9. Кристал Г, Кристал Дж. *Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия*. Старовойтов ВВ, переводчик; Россохин АВ, Костин ИА, редакторы. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2006. 800 с.
10. Горобец ЕА, Есин РГ, Вольская ЮА. Междисциплинарное изучение алекситимии. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022;164(1–2):180–196. EDN: RKFLXB.
11. Потапова НА, Грехов РА, Сулейманова ГП, Адамович ЕИ. Проблемы изучения феномена алекситимии в психологии. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11, Естественные науки*. 2016;2:65–73. EDN: WHTEGB.
12. Северьянова ЛА, Плотников ВВ, Плотников ДВ. Интегративные основы алекситимии. *Ученые записки СПбГМУ имени академика И. П. Павлова*. 2013;20(3):65–68. EDN: SNBCTV.
13. Брель ЕЮ. *Алекситимия в норме и патологии: психологическая структура и возможности превенции* [диссертация]. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет; 2018. 341 с.
14. Авин АИ. Особенности дезадаптивного поведения при алкогольной зависимости, связанные с алекситимией. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;3:73–77. EDN: YSJLBB.
15. Вербицкая ОН. Семья как фактор резилентности личности. В: Степанова НА, Филиппова СА, редакторы. *Социальнокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. Матери-*

риалы VII Международной научно-практической конференции; 17 ноября 2021 г.; Тула, Россия. Тула: Издательский дом «Среда»; 2021. с. 54–57. EDN: UPAQWX.

16. Махнач АВ, Лактионова АИ. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. В: Дикая ЛГ, Журавлев АЛ, редакторы. *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы*. Москва: Институт психологии РАН; 2007. с. 290–312.

17. Махнач АВ. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина. В: Журавлев АЛ, Сергиенко ЕА, редакторы. *Психологические исследования проблем современного российского общества. Труды Института психологии РАН*. Москва: Институт психологии РАН; 2013. с. 54–83.

18. Connor KM, Davidson JRT. Development of a new resilience scale: the Connor – Davidson resilience scale (CD-RISC). *Depress. Anxiety*. 2003;18:76–82.

19. Henshall C, Davey Z, Srikesavan C, Hart L, Butcher D, Cipriani A. Implementation of a web-based resilience enhancement training for nurses: pilot randomized controlled trial. *Journal of Medical Internet Research* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 15];14. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36787181/>. DOI: 10.2196/43771.

20. Janzarik G, Wollschläger D, Wessa M, Lieb K. A group intervention to promote resilience in nursing professionals: a randomised controlled trial. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(2):649. DOI: 10.3390/ijerph19020649.

21. Wei How Darryl Ang, Han Shi Jocelyn Chew, Jie Dong, Huso Yi, Rathi Mahendren, Ying Lau. Digital training for building resilience: systematic review, meta-analysis, and meta-regression. *Stress Health*. 2022;38(5):848–869. DOI: 10.1002/smi.3154.

22. Shen Zhang, Yuzhou Luo. Review of the conceptual framework of teacher resilience. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 15];14. Available from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1179984/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2023/1179984.

23. Bennett JM, Rohleder N, Sturmborg JP. Biopsychosocial approach to understanding resilience: stress habituation and where to intervene. *Annual Review of Psychology*. 2023;74(1):547–576. DOI: 10.1111/jep.13052.

24. Лактионова АИ. Обусловленность жизнеспособности человека особенностями его темперамента и контроля поведения. *Психология. Психофизиология*. 2019;12(4):24–33. EDN: WBMKMS.

25. García-Izquierdo AL, Ramos-Villagrasa PJ, García-Izquierdo M. Los Big Five y el efecto moderador de la resistencia en el agotamiento emocional. *Revista de Psicología del Trabajo y de las Organizaciones*. 2009;25(2):135–147. DOI: 10.4321/S1576-59622009000200004.

26. Ziaian T, Anstiss H, Antoniou G, Baghurst P, Sawyer M. Resilience and its association with depression, emotional and behavioural problems, and mental health service utilisation among refugee adolescents living in South Australia. *International Journal of Population Research* [Internet]. 2012 [cited 2023 November 15]. Available from: https://downloads.hindawi.com/archive/2012/485956.pdf?_gl=1*9kfa91*_ga*MTg3MjUyNjM5Ny4xNzE2Nzk3NDU4*_ga_NF5QFMJT5V*MTcxNjc5NzQ1OC4xLjAuMTcxNjc5NzQ1OC42MC4wLjA.&_ga=2.88286425.334164169.1716797458-1872526397.1716797458. DOI: 10.1155/2012/485956.

27. Feng Yi, Xiaofang Li, Xiaolei Song, Lei Zhu. The underlying mechanisms of psychological resilience on emotional experience: attention-bias or emotion disengagement. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2023 November 15];17. Available from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2020.01993/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01993.

28. Савченко ТН, Головина ГМ. Алекситимия как эмоциональный фактор структуры субъективного качества жизни. *Прикладная юридическая психология*. 2021;3:82–92. EDN: PPKKPZ.

29. Брель ЕЮ, Походня АВ, Стоянова ИЯ. Взаимосвязь алекситимии с компонентами эмоционально-волевой регуляции и мотивационно-смысловой сферы студентов высших учебных заведений. *Психология обучения*. 2019;2:43–51. EDN: BWOUKX.

30. Сергеева МВ. Взаимосвязь алекситимии с проявлениями психической ригидности и смысловыми ориентациями у пациентов с пищевой зависимостью. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2015;4:111–116. EDN: TCRBLQ.

31. Ларионов ПМ. Ключевые проблемы исследования алекситимии и ее взаимосвязь с когнитивными стратегиями регуляции эмоций, эластичностью копинга и эмоциональными нарушениями. *Консультативная психология и психотерапия*. 2021;29(1):44–65. EDN: ULMVDG.

32. Искусных АЮ. Алекситимия как психофизиологическая, педагогическая, медицинская проблема. *Центральный научный вестник*. 2018;3(17):11–12. EDN: XYPWPR.

33. Вербицкая ОН. Взаимосвязь переживания психологического кризиса резилентности личности в ранней взрослости. В: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. *Актуальные проблемы современной психологии. Материалы XXII Международной студенческой научно-практической конференции; 28 апреля 2022 г.; Гродно, Беларусь*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2022. с. 69–75.

34. Вербицкая ОН. Резилентность личности в ранней взрослости. В: Белорусский государственный университет. *Человек. Культура. Общество. Материалы 19-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета; 28 апреля 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2022. с. 543–547.

35. Singh R, Mittal S, Shah H. Alexithymia, cognitive flexibility and hardiness in covid positive young adults. *Webology*. 2021;18(1):1324–1335. DOI: 10.29121/WEB/V18I1/11.

References

1. Płońska D, Czernikiewicz A. Aleksytymia – ciągle wiele pytań. Część I, Definiowanie aleksytymii. *Psychiatria*. 2006;3:1–7.
2. Nemiah J, Freyberger H, Sifneos PE. Alexithymia: a view of the psychosomatic process. *Modern Trends in Psychosomatic Medicine*. 1976;3:430–439.
3. Taylor GJ, Bagby RM, Parker JD. The alexithymia construct. A potential paradigm for psychosomatic medicine. *Psychosomatics*. 1991;32(2):153–164. DOI: 10.1016/s0033-3182(91)72086-0.

4. Taylor GJ, Bagby RM. Examining proposed changes to the conceptualization of the alexithymia construct: the way forward tilts to the past. *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2021;90(3):145–155. DOI: 10.1159/000511988.
5. Kholmogorova AB, Garanyan NG. [Somatisation. Modern interpretations, psychological models and methods of therapy. Part 2]. *Current Therapy of Mental Disorders*. 2008;3:21–30. Russian. EDN: PIFQAZ.
6. Vorst HCM, Bermond B. Validity and reliability of the Bermond – Vorst alexithymia questionnaire. *Personality and Individual Differences*. 2001;3(1):413–434. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00033-7.
7. Moskacheva MA, Kholmogorova AB, Garanyan NG. Alexithymia and empathy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2014;4:98–114. Russian. EDN: TCUNVT.
8. Brel' EYu, Stoyanova IYa. Phenomenon of alexithymia in clinical-psychological studies (literature review). *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*. 2017;4:74–81. Russian. EDN: ZWTYRR.
9. Crystal G, Crystal J. *Integratsiya i samoistselenie. Affekt, travma i aleksitimiya* [Integration and self-healing. Affect, trauma and alexithymia]. Starovoitov VV, translator; Rossokhin AV, Kostin IA, editors. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; 2006. 800 p. Russian.
10. Gorobets EA, Esin RG, Volskaya YuA. Interdisciplinary study of alexithymia. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2022;164(1–2):180–196. Russian. EDN: RKFLXB.
11. Potapova NA, Grekhov RA, Suleymanova GP, Adamovich EI. Problems of studying alexithymia phenomenon in psychology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11, Estestvennye nauki*. 2016;2:65–73. Russian. EDN: WHTEGB.
12. Sevryanova LA, Plotnikov VV, Plotnikov DV. The integrative fundamentals of alexithymia. *The Scientific Notes of the Pavlov University*. 2013;20(3):65–68. Russian. EDN: SNBCTV.
13. Brel' EYu. *Aleksitimiya v norme i patologii: psikhologicheskaya struktura i vozmozhnosti preventsii* [Alexithymia in normal and pathological conditions: psychological structure and possibilities of prevention] [dissertation]. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2018. 341 p. Russian.
14. Avin AI. On the particularities of deviant behaviour in the case of alcoholism connected to alexithymia. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;3:73–77. Russian. EDN: YSJLBB.
15. Verbitskaya ON. [Family as a factor of personal resilience]. In: Stepanova NA, Filippova SA, editors. *Sotsiokul'turnye i psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i: aktual'nye voprosy soprovozhdeniya i podderzhki. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17 noyabrya 2021 g.; Tula, Rossiya* [Socio-cultural and psychological problems of the modern family: current issues of support and support. Proceedings of the 7th International scientific and practical conference; 2021 November 17; Tula, Russia]. Tula: Izdatel'skii dom «Sreda»; 2021. p. 54–57. Russian. EDN: UPAQWX.
16. Makhnach AV, Laktionova AI. [Adolescent resilience: concept and concept]. In: Dikaya LG, Zhuravlev AL, editors. *Psikhologiya adaptatsii i sotsial'naya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects]. Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences; 2007. p. 290–312. Russian.
17. Makhnach AV. [Human resilience: measurement and operationalisation of the term]. In: Zhuravlev AL, Sergienko EA, editors. *Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiiskogo obshchestva. Trudy Instituta psikhologii RAN* [Psychological studies of problems of modern Russian society. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences; 2013. p. 54–83. Russian.
18. Connor KM, Davidson JRT. Development of a new resilience scale: the Connor – Davidson resilience scale (CD-RISC). *Depress. Anxiety*. 2003;18:76–82.
19. Henshall C, Davey Z, Srikesavan C, Hart L, Butcher D, Cipriani A. Implementation of a web-based resilience enhancement training for nurses: pilot randomized controlled trial. *Journal of Medical Internet Research* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 15];14. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36787181/>. DOI: 10.2196/43771.
20. Janzarik G, Wollschläger D, Wessa M, Lieb K. A group intervention to promote resilience in nursing professionals: a randomised controlled trial. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(2):649. DOI: 10.3390/ijerph19020649.
21. Wei How Darryl Ang, Han Shi Jocelyn Chew, Jie Dong, Huso Yi, Rathi Mahendren, Ying Lau. Digital training for building resilience: systematic review, meta-analysis, and meta-regression. *Stress Health*. 2022;38(5):848–869. DOI: 10.1002/smi.3154.
22. Shen Zhang, Yuzhou Luo. Review of the conceptual framework of teacher resilience. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 15];14. Available from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1179984/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2023/1179984.
23. Bennett JM, Rohleder N, Sturmborg JP. Biopsychosocial approach to understanding resilience: stress habituation and where to intervene. *Annual Review of Psychology*. 2023;74(1):547–576. DOI: 10.1111/jep.13052.
24. Laktionova AI. Dependence of human resilience on the features of temperament and control of behavior. *Psychology. Psychophysiology*. 2019;12(4):24–33. Russian. EDN: WBMKMS.
25. García-Izquierdo AL, Ramos-Villagrana PJ, García-Izquierdo M. Los Big Five y el efecto moderador de la resistencia en el agotamiento emocional. *Revista de Psicología del Trabajo y de las Organizaciones*. 2009;25(2):135–147. DOI: 10.4321/S1576-59622009000200004.
26. Ziaian T, Anstiss H, Antoniou G, Baghurst P, Sawyer M. Resilience and its association with depression, emotional and behavioural problems, and mental health service utilisation among refugee adolescents living in South Australia. *International Journal of Population Research* [Internet]. 2012 [cited 2023 November 15]. Available from: https://downloads.hindawi.com/archive/2012/485956.pdf?_gl=1*9kfa91*_ga*MTg3MjUyNjM5Ny4xNzE2Nzk3NDU4*_ga_NF5QFMJT5V*MTcxNjc5NzQ1OC4x-LjAuMTcxNjc5NzQ1OC42MC4wLjA.&_ga=2.88286425.334164169.1716797458-1872526397.1716797458. DOI: 10.1155/2012/485956.
27. Feng Yi, Xiaofang Li, Xiaolei Song, Lei Zhu. The underlying mechanisms of psychological resilience on emotional experience: attention-bias or emotion disengagement. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2023 November 15];17. Available from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2020.01993/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01993.

28. Savchenko TN, Golovina GM. [Alexithymia as an emotional factor in the structure of subjective quality of life]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2021;3:82–92. Russian. EDN: PPKKPZ.

29. Brel' EYu, Pokhodnya AV, Stoyanova IYa. The relationship of alexithymia with the components of emotional-volitional regulation and motivational-semantic sphere of university students. *Psikhologiya obucheniya*. 2019;2:43–51. Russian. EDN: BWOUKX.

30. Sergeeva MV. Relationship between alexithymia and the manifestations of mental rigidity and life orientations in patients with food addiction. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*. 2015;4:111–116. Russian. EDN: TCRBLQ.

31. Larionov PM. Key problems in the studies of alexithymia and its relationship with cognitive emotion regulation strategies, flexibility of coping with stress and emotional disorders. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2021;29(1):44–65. Russian. EDN: ULMVDG.

32. Iskusnykh AYU. [Alexithymia as a psychophysiological, pedagogical, medical problem]. *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik*. 2018;3(17):11–12. Russian. EDN: XYPWPR.

33. Verbitskaya ON. [The relationship between the experience of a psychological crisis and individual resilience in early adulthood]. In: Yanka Kupala State University of Grodno. *Aktual'nye problemy sovremennoi psikhologii. Materialy XXII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28 aprelya 2022 g.; Grodna, Belarus'* [Current problems of modern psychology. Proceedings of the 22nd International student scientific and practical conference; 2022 April 28; Grodna, Belarus]. Grodna: Grodno State University named after Yanka Kupala; 2022. p. 69–75. Russian.

34. Verbitskaya ON. [Personality resilience in early adulthood]. In: Belarusian State University. *Chelovek. Kul'tura. Obshchestvo. Materialy 19-i ezhegodnoi nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov fakul'teta filosofii i sotsial'nykh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 28 aprelya 2022 g.; Minsk, Belarus'* [Human. Culture. Society. Proceedings of the 19th annual scientific conference of undergraduate and graduate students of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University; 2022 April 28; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2022. p. 543–547. Russian.

35. Singh R, Mittal S, Shah H. Alexithymia, cognitive flexibility and hardiness in covid positive young adults. *Webology*. 2021;18(1):1324–1335. DOI: 10.29121//WEB/V18I1/11.

Статья поступила в редколлегию 20.12.2023.
Received by editorial board 20.12.2023.

ЭПОХА ПЕРЕМЕН В ФИЛОСОФИИ В. С. СТЕПИНА

EPOCH OF CHANGE IN THE PHILOSOPHY OF V. S. STEPIN

Введение

В августе 2024 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения академика В. С. Стёпина (1934–2018). Выдающийся ученый жил в эпоху перемен, и в своем творчестве он сумел отразить этот этап глобальной нестабильности и социокультурной турбулентности, показать собственное видение «точек роста» новой цивилизации. Время обучения, выбора жизненного пути, а также впечатляющих научных достижений философа В. С. Стёпина пришлось на минский период его жизни.

Для многих исследователей не только в Беларуси, но и в России В. С. Стёпин – непререкаемый авторитет, пример ученого и педагога. Как много ему было дано, как много он работал. В интервью к своему семидесятилетию В. С. Стёпин отмечал: «Проблем для анализа много. Жалко только, что жить осталось не очень много. Уже не скажешь, как поется в песне: “Вся жизнь впереди, надейся и жди”. Жизнь идет к закату, увы. Что-то мы сделали, что-то сделают другие. Важно, чтобы работа не прекращалась»¹.

Вехи жизненного и творческого пути

Родился будущий философ в пос. Навля Брянской области Российской Федерации, однако своей малой родиной он по праву считал столицу Беларуси – Минск. Сюда для восстановления народного хозяйства сразу после демобилизации в 1946 г. был направлен его отец – фронтовик С. Н. Стёпин. После окончания средней школы с золотой медалью В. С. Стёпин навсегда связал свою судьбу с философией, поступив в 1951 г. на философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Он рано определился с выбором научной специализации – философии естествознания, в которой попытался соединить углубленную философскую подготовку с изучением физики.

После окончания аспирантуры при кафедре философии БГУ В. С. Стёпин в течение 14 лет преподавал в Белорусском государственном политехническом институте. Здесь же в 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позити-

визм», а в 1972 г. ему было присвоено ученое звание доцента. В 1974 г. заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ профессор Г. П. Давидюк пригласил В. С. Стёпина преподавать в БГУ. Круг его общения резко расширился. В ходе стажировок в Москве, Ленинграде, Новосибирске ученый установил тесные научные связи со многими известными философами, с одобрением отнесшимися к его изысканиям, которые он смело апробировал в дискуссиях с академиками-физиками. В 1976 г. В. С. Стёпин защитил докторскую диссертацию «Проблема структуры и генезиса физической теории. Содержательные аспекты строения и эволюции теоретических знаний». Его начали признавать коллеги, и вскоре ученый получил заслуженный авторитет. Философа стали приглашать на самые престижные конференции с пленарными докладами. Ярким примером могут служить знаменитые «звенигородские вербалки», на которых выступления В. С. Стёпина вызвали всеобщий

¹Касавин И. Т. Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В. С. Стёпина / ред. и сост. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2004. С. 88.

интерес и обусловили возникновение горячих споров и дискуссий.

Поездки, обсуждения, участие в семинарах и конференциях были для В. С. Стёпина не только демонстрацией ранее полученных результатов. Он продолжал активно развивать свою концепцию, искать решение проблемы построения теорий в неклассической релятивистской квантовой физике. Выдающийся философ был настоящим лидером, человеком с повышенным «энергетическим зарядом», который, активно занимаясь исследованиями, вырабатывал новые идеи и заражал ими других². Концепция структуры и генезиса теоретического знания, разработанная В. С. Стёпиным в минский период его деятельности, остается одной из самых содержательных и перспективных концепций в области современной философии и методологии науки. Основные идеи и методологические результаты он опубликовал в монографии «Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики»³, которая не потеряла своей актуальности до сих пор.

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. В. С. Стёпин выполнил новый цикл работ. В нем ученый выделил три блока метатеоретических оснований, на которые опираются все конкретные теории и эмпирические знания науки: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы научного исследования; 3) философские основания науки. Полученные результаты он опубликовал в коллективных монографиях⁴, где уточнил функции научной картины мира (картина мира как форма систематизации знаний, как исследовательская программа и как научная онтология, обеспечивающая объективно-предметный статус всех соотношенных с ней эмпирических и теоретических знаний, их понимание и включение в культуру). Социальные процессы, охватывающие и воспроизводство сложившихся структур общественной жизни, и их трансформацию, осуществляются благодаря человеческой активности (деятельности, поведению и общению людей). В. С. Стёпин показывал, что анализ этих процессов неизбежно приводит к особому пониманию культуры, ее места и роли в социальной жизни людей.

Возможно, сегодня это прозвучит несколько пафосно, но в 1970–80-х гг. существовала особая атмосфера духовных исканий и оптимистических надежд. Несмотря на бытовые проблемы и идеологическую цензуру, во многих творческих коллективах работа была интенсивной, жизнь – интересной, наполнен-

ной творчеством и искренним общением. Именно такая атмосфера утвердилась на кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ после того, как в 1981 г. В. С. Стёпин стал ее заведующим и возглавил коллектив, который очень скоро оказался подлинно творческим сообществом единомышленников. Это было время, когда философия занимала особое место в гуманитарном знании: она воспринималась как безусловная культурная ценность, с ней связывались надежды. Естественно, такой своеобразный культ философии был устойчиво популярным среди студентов и аспирантов, поскольку открывал для них возможности не только для приобщения к великому наследию философской классики, но и для творческого самовыражения, поиска новых ответов на вечные метафизические вопросы. Коллеги и друзья В. С. Стёпина нередко с ностальгией вспоминают 1980-е гг., когда на кафедре изучение философии из каждодневной рутинной учебной работы превращалось в сложный, но такой увлекательный и завораживающий творческий исследовательский процесс. Конечно, этот факт не исключал наличия напряженных учебных занятий со студентами, аспирантами и докторантами, организующихся в указанный период на систематической основе и имеющих глубокую научно-теоретическую базу. В результате были подготовлены и изданы целая серия оригинальных учебных пособий по различным разделам философского знания и ряд творчески ориентированных методических разработок и курсов лекций.

Интенсивная и плодотворная деятельность не осталась без внимания и соответствующих оценок. Вскоре вышеупомянутая кафедра заслуженно приобрела не только республиканский, но и всесоюзный авторитет, а ее заведующий был удостоен высокой государственной награды – ордена Дружбы народов. В тот период времени это явление, когда коллектив кафедры философии, занятый в сфере отнюдь не материального, а духовного производства, получает такое внимание и обретает почет, довольно редкое и незаурядное. Но достаточно привести один факт, который подтверждает обоснованность и объективность таких высоких оценок деятельности коллектива кафедры философии БГУ. К середине 1980-х гг. творческие достижения и исследовательский авторитет данной кафедры становятся настолько очевидными и убедительными, что редакционная коллегия ведущего союзного академического издания «Вопросы философии» приняла решение провести заседание круглого стола под эгидой журнала с участием

² Абламейко С. В., Зеленков А. И. Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров / ред.: С. В. Абламейко, А. И. Зеленков. Минск : БГУ, 2023. С. 172–175.

³ Стёпин В. С. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1976. 320 с.

⁴ Стёпин В. С. Структура и эволюция теоретических званий // Природа научного познания: логико-методологический аспект / М. С. Козлова, В. А. Лекторский, В. С. Швырев. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1979. С. 179–258 ; *Он же*. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1981. С. 10–64 ; *Он же*. Научные революции как «точка» бифуркации в развитии знания // Научные революции в динамике культуры / В. С. Стёпин, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский, В. В. Чешев. Минск : Университетское, 1987. С. 38–76.

самых известных специалистов в области философии науки в Советском Союзе именно на базе кафедры философии гуманитарных факультетов БГУ. Данная ситуация, безусловно, стала прецедентом, ничего подобного на кафедрах белорусских учреждений высшего образования ранее не происходило.

В 1987 г. В. С. Стёпина пригласили на работу в Москву и избрали директором Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Через год ему доверили ведущий академический центр по общественным наукам – Институт философии Академии наук СССР. За выдающиеся работы, которыми В. С. Стёпин обогатил философию и методологию науки, его избрали действительным членом РАН, он стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации, почетным доктором многих ведущих университетов, иностранным членом НАН Беларуси и ряда старейших академий мира. С 2009 г. В. С. Стёпин является почетным профессором БГУ. Его книги и статьи издаются престижными научными центрами не только на русском языке, но и на других языках, и впоследствии получают высокую оценку. Коллеги В. С. Стёпина не одно десятилетие избирали его президентом Российского философского общества.

Академик В. С. Стёпин долгое время был заместителем академика-секретаря Отделения обществен-

ных наук РАН, руководителем секции философии, социологии, психологии и права. Он принадлежит к числу наиболее известных в мире философов, имеет одну из самых высоких позиций в рейтинге цитирования среди обществоведов. За все годы работы в Москве он никогда не терял связи со своей альма-матер и малой родиной, оставаясь полпредом белорусской науки и философии в РАН и Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, где почти три десятилетия заведовал кафедрой на философском факультете.

По инициативе и под патронажем В. С. Стёпина в Минске неоднократно проходили крупные международные научные форумы, в том числе Первый белорусский философский конгресс (октябрь 2017 г.), собравший выдающихся ученых из многих стран мира. Он активно сотрудничал с научными издательствами БГУ и Института философии НАН Беларуси, где печатал свои новые работы, помогал в подборе материалов. В БГУ стали традиционными презентации книг философа, круглые столы, где он был председателем, и встречи с известными учеными. Незабываемыми событиями были яркие и глубокие лекции профессора В. С. Стёпина, прочитанные им для преподавателей и студентов факультета философии и социальных наук БГУ, а также философские диалоги и вечера поэзии.

Основные идеи и концепции в творческом наследии академика В. С. Стёпина

В. С. Стёпин, несмотря на возросший объем организаторской работы, не прекращал проводить свои научные исследования в Институте философии РАН. Новыми результатами были концепция типов цивилизационного развития и концепция типов научной рациональности. Основной в творчестве В. С. Стёпина стала книга «Теоретическое знание» (2-е изд. М., 2003), переведенная на испанский («El saber teorico. Universidad nacional de educacion a distancia» (Мадрид, 2004)) и английский («Theoretical knowledge» (Нидерланды, 2005)) языки. В 2021 г. книга была выпущена в Беларуси академическим издательством «Беларуская навука»⁵.

В упомянутом труде В. С. Стёпин представил и всесторонне обосновал перспективную методологию исследований. Она объединяла три принципа: 1) принцип деятельностной природы познания (человек познает мир не в форме созерцания, а в форме практики (К. Маркс)); 2) принцип социокультурной детерминации познания (включает интерпретацию культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей); 3) принцип рассмотрения научного знания в качестве сложной иерархической системы, порождающей в своем развитии

новые уровни организации. Каждый такой новый уровень воздействует на ранее сложившиеся уровни, трансформирует их, благодаря чему системы воспроизводят свою целостность после этапа исторических перемен. В таких системах «...в ходе развития могут возникать новые уровни организации. И здесь вновь мы имеем дело с универсальным принципом обратного воздействия каждого возникающего нового (“верхнего”) уровня системной иерархии на ранее возникшие (“нижние”) уровни»⁶.

Эти принципы были конкретизированы в новом подходе к анализу структуры и динамики научного знания. Традиционно в методологии науки исходной единицей анализа является отдельно взятая теория, а также ее отношение к опыту. В подходе В. С. Стёпина в качестве основной единицы рассматривается вся система теоретических знаний научной дисциплины в их взаимосвязи с эмпирическим базисом этой дисциплины. Данный подход стимулировал анализ становления новых научных теорий в аспекте внутридисциплинарных связей, а также с учетом междисциплинарных взаимодействий. Применение такой методологии привело к разработке В. С. Стёпиным перспективной концепции структуры и исторической динамики научного знания, имеющей ши-

⁵Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск : Беларус. навука, 2021. 539 с.

⁶Стёпин В. С. Человек. Деятельность. Культура. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2018. С. 259.

рокий круг приложений не только в естествознании, но и в технических и социально-гуманитарных науках. В книге «Теоретическое знание» прослежено, как осуществлялся переход от преднауки и протонауки, ориентированных на решение практических задач определенной исторической эпохи, к исследованию объектов и процессов, освоение которых становится возможным только в будущем. Этот переход был связан с формированием теоретического уровня научного познания. Благодаря новому методу построения знаний наука получает возможность не только изучить «...те предметные связи, которые могут встретиться в сложившихся стереотипах практики, но и проанализировать изменения объектов, которые в принципе могла бы освоить развивающаяся цивилизация. С этого момента кончается этап преднауки и начинается наука в собственном смысле»⁷. Под таким углом зрения в книге проанализированы социокультурные предпосылки становления математики как исторически первой теоретической системы знаний, прослежена эволюция мировоззренческих установок европейской культуры Нового времени, конституирующая фундаментальную идею естествознания – необходимость и возможность соединения математического описания природы с экспериментом как методом ее исследования, а также выявлены социокультурные истоки формирования теоретического уровня знаний в технических и социально-гуманитарных науках.

В свою очередь, анализ исторических процессов формирования развитой науки послужил основой для углубленного исследования структуры научного знания и механизмов его порождения с учетом внутридисциплинарных и междисциплинарных взаимодействий таких главных блоков научных дисциплин, как математика, естествознание, технические и социально-гуманитарные науки. В рамках разработанной концепции структуры и динамики научного знания В. С. Стёпин предложил новый подход к анализу формирования научных теорий. Показано, что в этом процессе важнейшую роль играют процедуры конструктивного обоснования базовых идеализаций создающейся научной теории. Использование эвристических возможностей генетически-конструктивного метода исследования позволяет осуществлять такие мысленные эксперименты с теоретическими конструктами, которые детерминируются факторами метатеоретического и философского порядка. С данной точки зрения был рассмотрен процесс выдвижения гипотез и их последующей эмпирической верификации. В ходе такого анализа выявлена важная методологическая операция, обеспечивающая соотнесение гипотетической модели как ядра будущей теории с той областью реальных экспериментов и измерений, на объяснение которых претендует создаваемая теория.

В работе «Теоретическое знание» В. С. Стёпин обоснованно много внимания уделял процессам трансформации метатеоретических оснований науки в эпоху научных революций. При этом он предложил новый подход, в котором смена парадигмы описывается не с помощью языка психологии выбора теории, а с помощью терминов логики и методологии научного открытия. В отличие от куновской модели динамики науки такая интерпретация данного процесса позволяет не только констатировать, но и рационально объяснить преемственные связи между исторически сменяющимися друг друга типами парадигмальных оснований науки. Этот подход привел к новым методологическим результатам: к анализу не описанного Т. Куном варианта научных революций без эмпирических аномалий и концептуальных кризисов в рамках научной дисциплины, а также к различению локальных научных революций, видоизменяющих лишь отдельные элементы оснований науки и глобальных революций, радикально перестраивающих главные типы метатеоретических оснований – научную картину мира, идеалы, нормы исследования и его философские основания. Глобальные революции есть смена типов научной рациональности. Три крупные стадии исторического развития науки, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменяющих друг друга в истории техногенной цивилизации⁸. В качестве таких типов научной рациональности академик В. С. Стёпин выделил классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональности.

Далее философ ввел четкие критерии различения типов научной рациональности при наличии общих для них признаков, отличающих науку от других форм человеческого познания. Показано, что типы научной рациональности различаются по характеру системной организации изучаемых объектов и делятся на простые механические системы (в классической науке), сложные саморегулирующиеся системы (в неклассической науке) и сложные саморазвивающиеся системы (в постнеклассической науке). Соответственно, прослежено, что в каждом типе присутствует различие в интерпретации рациональности идеалов, норм исследования и его философских оснований.

В последние годы В. С. Стёпин акцентировал свое внимание на проблематике философской антропологии и философии культуры. Он показал экспликацию современной картины социальной реальности как неотъемлемого компонента научной картины мира, которая синтезирует представления о развитии природы с представлениями о структуре общества и его исторической эволюции. В картине социальной реальности общество рассматривается как

⁷Стёпин В. С. Теоретическое знание ... С. 58.

⁸Там же. 539 с.

сверхсложная система, которая исторически развивается во взаимодействии таких основных ее подсистем, как экономика, культура и социальные отношения людей в малых и больших социальных группах. Прослежена внутренняя логика исследований роли культуры в человеческой жизнедеятельности, функций культуры в воспроизводстве и развитии общества. Акцентировано внимание на проблеме культурно-генетических кодов, определяющих особенности различных цивилизаций и характерных для них типов социодинамики.

Развивая идеи М. К. Петрова о культурно-генетических кодах исторически различных социальных систем, В. С. Стёпин предложил вычленять в структуре этих кодов инвариантные и системообразующие компоненты. К ним он относил фундаментальные мировоззренческие смыслы и ценности, составляющие социокультурную основу тех или иных цивилизаций и выявляющие духовные приоритеты различных типов цивилизационного развития. «Эти представления выступают в качестве своего рода глубинных программ социальной жизни, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия более конкретных программ поведения, общения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации»⁹.

В истории общества В. С. Стёпин выделил два типа цивилизационного развития. Первый тип – традиционалистский – возник в эпоху перехода от родоплеменных обществ к первым цивилизациям древности. Он имеет многотысячелетнюю историю. Второй тип цивилизационного развития обозначился намного позднее первого, несколько столетий назад. Его часто именуют западным из-за региона возникновения. Сейчас же он распространился по всей планете. В. С. Стёпин предложил называть его техногенным типом цивилизационного развития, поскольку решающую роль в этом развитии играет технологический, а затем научно-технологический прогресс, изменяющий экономический уклад и систему социальных отношений и коммуникаций. «Когда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом виде, темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. Можно сказать, что экстенсивное развитие истории здесь заменяется интенсивным; пространственное существование – временным»¹⁰. При этом В. С. Стёпин подчеркивал потенциальную уязвимость техногенной цивилизации и фиксировал очевидные факторы ее системного кризиса. Он отмечал, что в культурах техногенных обществ утвердился приоритет инноваций, а не традиций (идеал прогресса); возникло и установилось отношение человека к природе как к своего рода

полю для преобразующей деятельности, как к неисчерпаемому хранилищу ресурсов; был сформирован идеал суверенной автономной личности, жестко не связанной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием); власть понималась и оценивалась не только как социальный феномен, но и как вполне оправданное господство человека над природой, ее возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами.

В традиционалистском же типе развития доминировала иная, альтернативная техногенной матрица ценностей – духовная. Идея господства человека над природой была чужда сознанию людей традиционалистских обществ. В их культуре преобладало понимание окружающего мира как живого организма, в который включен человек и который должен стремиться к гармонии с миром, а не к подчинению его своей власти. Приоритетом была не креативная, а репродуктивная деятельность. Традиции имели бесспорное преимущество перед инновациями, научная рациональность не была доминирующей формой рациональности. Наука не претендовала на создание главной картины мира, а должна была согласовывать свои открытия и новации с господствующей религиозно-мифологической и философской картиной мироздания. Личность определялась через принадлежность к клану, касте или сословию. Власть интерпретировалась как состояние личной, а не вещной зависимости (например, членов семьи от главы семейства, подданных от государя).

Модернизация не уничтожила традиционные ценности, сложившиеся в истории этих обществ, но они совершенствовались под влиянием новых ценностей техногенной культуры и, как правило, теряли свое прежнее доминирующее значение. В исследованиях В. С. Стёпин показал, что доминирование целей и ценностей современного техногенного развития, связанного с идеалами общества потребления и экономикой роста, и преобладание тотального консьюмеризма неизбежно приведут к большему обострению экологического и антропологического кризисов. «Все дело в том, что само развитие техногенной цивилизации подошло к критическим рубежам, которые обозначили границы этого типа цивилизационного роста. Это обнаружилось во второй половине XX века в связи с возникновением глобальных кризисов и глобальных проблем»¹¹. Отсюда формируется вывод о необходимости кардинального изменения стратегий развития, что, в свою очередь, предполагает поиск новых ценностей. В. С. Стёпин высказал предположение о том, что в таком поиске важнейшую роль могут сыграть общества, сохранившие при модернизации некоторые ценности тради-

⁹ Стёпин В. С. Человек. Деятельность. Культура. С. 68.

¹⁰ Стёпин В. С. Теоретическое знание ... С. 19.

¹¹ Там же. С. 29–30.

ционалистского типа. В аспекте проблемы отбора новой системы ценностей он глубоко проанализировал современные изменения в различных сферах культуры техногенных обществ: обыденном сознании, искусстве, науке, философии и религии. Особое внимание уделено анализу современных тенденций в развитии российской культуры.

Отмечая несомненный вклад В. С. Стёпина в философское осмысление достижений и проблем современного этапа глобальной эволюции человеческого общества, его науки, культуры и технологий, можно

обоснованно говорить о том, что данная эпоха перемена глубоко отражена в его многогранном творчестве. Следовательно, классическая максима, в соответствии с которой философия есть эпоха, выраженная в мысли, находит свое очередное подтверждение в творческом наследии академика. Оригинальность, масштаб и глубина этого наследия позволяют говорить о том, что в развитии современной отечественной философии эпоха академика В. С. Стёпина является отнюдь не лингвистической метафорой, а отражением реального положения вещей.

Минская философско-методологическая школа как интеллектуальный проект профессора В. С. Стёпина и социокогнитивный феномен

Условно в истории становления и функционирования минской философско-методологической школы можно выделить три этапа. Первый из них был связан с формированием ее исходных теоретических оснований и той атмосферы творческих дискуссий, в которых идеи обретали своих сторонников и последователей. Это был период конца 1960-х – начала 1970-х гг., когда разработанная В. С. Стёпиным модель структуры и динамики научного знания активно обсуждалась в среде физиков-теоретиков Академии наук БССР и когда обосновывались возможные ее приложения к ситуациям продуцирования нового физического знания и генезиса физических теорий. Особенно эффективным в этот период было сотрудничество В. С. Стёпина и Л. М. Томильчика, одним из важных результатов чего стал выход в свет их совместной книги, в которой был дан анализ квантовой теории с точки зрения эвристических возможностей деятельностного подхода в современной методологии науки¹².

Второй этап в деятельности минской философско-методологической школы начался в 1974 г., когда В. С. Стёпин перешел на работу в БГУ. Возглавив в 1981 г. кафедру философии гуманитарных факультетов, он утвердился не только как реальный лидер, но и как легитимный руководитель коллектива, который все более зримо и убедительно развивался и преобразовался в полноценную научную школу в сфере философии науки. В этот период в деятельности упомянутой кафедры, ставшей впоследствии кадровой и интеллектуальной основой минской философско-методологической школы, эпистемологическая проблематика обретала особый статус. В условиях довольно жесткого идеологического контроля и цензурных ограничений она позволяла членам кафедры в рамках специализированного языка и весьма отвлеченных от непосредственной социальной реальности теоретических дискуссий разрабатывать новые концептуальные модели динамики науки, философии и культуры. При этом было важно обосновать специфику методологической рефлексии как

уникальной эпистемологической процедуры и особого типа анализа научно-познавательной деятельности. Как известно, провозглашенное еще И. Кантом противоположение теоретического разума практическому породило традицию противопоставления наук о природе (с учетом характерного для них генерализирующего метода познания) наукам о духе и культуре, использующим индивидуализирующий метод теоретической реконструкции уникальных и неповторимых явлений человеческой духовности. Пафос многих философско-методологических изысканий второй половины XX в. непосредственно связан с попытками преодоления этой дихотомии. Перспективный вектор философско-методологических исследований в рамках программы социокультурной ангажированности науки стал в этот период одним из доминирующих в деятельности многих сотрудников кафедры философии БГУ. Так, 1980-е гг. были временем подлинной консолидации ее коллектива и успешной плодотворной работы. Результаты научных исследований оформлялись в ряде докторских диссертаций, в которых уже вполне рельефно очерчивалось концептуально-парадигмальное пространство минской философско-методологической школы и обнаруживались эвристические возможности ее идей и принципов. Среди этих исследований в первую очередь следует назвать работы В. Ф. Беркова, А. Н. Елсукова, А. И. Зеленкова и Е. В. Петушковой. Несколько позже докторские диссертации защитили Я. С. Яскевич, Л. Ф. Кузнецова и П. С. Карако.

Важным событием, обусловившим уже союзную популярность кафедры как научно-исследовательского коллектива, было издание философско-методологической трилогии в рамках серии «Философия и наука в системе культуры», когда вышли книги «Природа научного познания» (1979), «Идеалы и нормы научного исследования» (1981), «Научные революции в динамике культуры» (1987). В них содержались новые значимые аспекты концепции динамики научного знания, развиваемой В. С. Стёпиным.

¹²Стёпин В. С., Томильчик Л. М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск : Наука и техника, 1970. 94 с.

Этот анализ раскрывал ряд важных механизмов социокультурной детерминации развивающегося научного познания и его обратного воздействия на культуру соответствующей исторической эпохи.

В создании серии книг «Наука и философия в системе культуры» (1979–1987), опубликованных в БГУ, вместе с представителями минской философско-методологической школы принимали участие выдающиеся философы и знаковые фигуры истории советской философии второй половины XX в. (И. С. Алексеев, П. С. Дышлевый, В. А. Лекторский, Н. В. Мотрошилова, М. В. Попович, В. Н. Садовский, В. А. Смирнов, А. П. Огурцов, И. Т. Фролов, Э. М. Чудинов, В. С. Швырев, Б. Г. Юдин и др.), а также видные ученые-естествоиспытатели (белорусские академики Л. И. Киселевский и Ф. И. Фёдоров, академик Академии наук СССР В. А. Амбарцумян). Издание данной серии в определенном смысле означало факт легитимизации минской философско-методологической школы, которая, наряду с ростовской, новосибирской, свердловской и киевской школами, способствовала заметному расширению союзного философского ландшафта.

Следует отметить, что эти годы институционального оформления и развития названной минской школы выделялись не только значительными профессиональными успехами. В коллективе кафедры сложилась особая творческая и вместе с тем дружеская атмосфера. Представители различных поколений (уже титулованные профессора и доценты, а также молодые сотрудники и аспиранты) совместно решали рабочие вопросы и организовывали свой досуг, привнося в него искренний энтузиазм, креативность и неизменное чувство юмора. Что бы ни происходило на кафедре, будь то проведение субботников, выход на «тропу здоровья», создание фильма о кафедральной жизни, все было окрашено чувством конструктивности и оптимистическим мироощущением.

Говоря о данном этапе своей профессиональной и творческой жизни, В. С. Стёпин в одном из интервью признавал, что в целом жизнь тогда «шла достаточно хорошо»: «...когда я вспоминаю этот период, то... мне он представляется одним из самых счастливых в моей жизни. Я тогда много сделал сам, успешно работали мои ученики, был хороший коллектив, была дружба, была хорошая работа»¹³. В значительной степени этот аспект объяснялся не только внутренней атмосферой кафедры, но и общим духом времени, которое, несмотря на все проблемы и невзгоды, удивительным образом вдохновляло людей и вселяло в них светлые надежды. Но впереди ожидалась иные времена и новые вызовы надвигающихся трансформаций.

После отъезда в 1987 г. В. С. Стёпина на работу в Москву кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ возглавил доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков. Под его руководством она продолжила традицию научных исследований в области философии и методологии науки и добилась значительных успехов. Минская философско-методологическая школа перешла на третий этап своего существования и модернизации под влиянием как объективных, так и ситуативно-субъективных факторов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. были опубликованы серьезные монографические исследования, организованы и проведены крупные всесоюзные и международные научные конференции на базе кафедры.

Кроме того, 1990-е гг. явились сложным временем не только для коллектива кафедры философии, но и для других подразделений университета, ответственных за социально-гуманитарное образование студентов и научные исследования в этой важнейшей сфере культуры и идеологии. В социуме произошли кардинальные изменения, и это потребовало от обществоведов, в том числе от философов, радикального перехода на новые формы и методы работы. В таких условиях научный коллектив уже объединенной кафедры философии и методологии науки, которая стала крупнейшей академической структурой БГУ в области социально-гуманитарного знания, сохраняя и развивая наработанные традиции, акцентировал свое внимание на исследовании методологических проблем не только естественно-научного, но и гуманитарного познания и механизмов его аксиологической и мировоззренческой детерминации. При этом особый интерес представляли анализ роли и эпистемологического статуса культурных традиций в динамике науки и выявление их бифункциональности в развитии когнитивных систем различной степени общности и теоретической зрелости. В работах А. И. Зеленкова, Н. А. Кандричина, В. В. Анохиной, Е. В. Хомич, Л. Е. Лойко, Е. К. Булыго и других ученых рассматривалась специфика культурной традиции как системного механизма стабилизации и роста научного знания, его освоения в различных типах деятельности. В трудах В. Ф. Беркова, Я. С. Яскевич, Л. Ф. Кузнецовой, А. В. Барковской, А. И. Лойко и В. А. Костенича были продолжены исследования метатеоретических оснований науки в развитии современного научного знания и его интеграции в культуру. При этом авторы зафиксировали существенные различия в механизмах приращения знаний на дисциплинарном и междисциплинарном уровнях. В 1993 г. в Минске в серии «Наука и гуманистические ценности» вышла книга «Мировоззренческие структуры в научном познании»¹⁴, в которой бе-

¹³Касавин И. Т. Человек. Наука. Цивилизация ... С. 73.

¹⁴Зеленков А. И. Мировоззренческие структуры в научном познании / ред. и сост. А. И. Зеленков. Минск : Университетское, 1993. 415 с.

лорусские философы совместно с исследователями из России, США, Германии, Болгарии и других стран продолжали анализировать социокультурные основания научного познания, изучали аксиологические компоненты в структуре современного образа науки, выявляли мировоззренческие приоритеты в развитии естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин. В 1994 и 2000 гг. изданы еще две книги, посвященные этой проблематике, что свидетельствовало о дальнейшем развитии традиций минской философско-методологической школы¹⁵.

Однако время вносило свои коррективы. Формировалась новая парадигма философских исследований, в рамках которой проблематика социокультурной детерминации познания дополнялась анализом вопросов гуманизации науки, расширения ее предметного пространства, фиксации антропологических и экзистенциальных измерений научного знания. Начиналась активная разработка проблем социальной философии, философии образования, социальной экологии и экологической культуры. В данный период представители минской философско-методологической школы активно исследовали и разрабатывали эти вопросы в частности и проблематику социальной философии в целом. Но наиболее подробно их рассматривали М. А. Можейко, В. Н. Фурс, В. Т. Новиков, А. П. Ждановский, А. М. Бобр, М. Р. Жбанков, И. И. Лещинская и др. В трудах Н. К. Кисель, Е. И. Янчук, И. А. Медведевой, Е. А. Дудко и А. В. Яскевича изучаются проблемы реформирования системы социально-гуманитарного обучения, в частности философского, предлагаются возможные пути совершенствования системы преподавания философских дисциплин и их методологического обеспечения в современных условиях.

Важно отметить, что этот в некоторой мере парадигмальный сдвиг в проблематике философско-методологических исследований сотрудников кафедры и изменении фокуса внимания в них определялся не только актуализацией вопросов социокультурного транзита в условиях реальной смены основ общественного устройства белорусского социума, но и впечатляющими примерами их концептуально-философского осмысления. Стоит упомянуть факт творческого сотрудничества многих членов кафедры с белорусскими и зарубежными коллегами. При этом следует отметить особо продуктивный характер та-

кого взаимодействия как с университетскими, так и с академическими представителями философского, социологического и политологического сообществ. Справедливости ради надо сказать, что основанная В. С. Стёпиным минская философско-методологическая школа, как своеобразный социокогнитивный феномен, ни в персональном, ни в концептуально-теоретическом смысле не ограничивается рамками кафедры философии и методологии науки БГУ. Сегодня под эгидой идей и творческого наследия названного ученого школа объединяет многих белорусских философов, социологов, в широком смысле слова обществоведов. Но наиболее полно и референтно традиции этой школы сохраняются именно в деятельности упомянутой кафедры, которую в свое время возглавил В. С. Стёпин и реализовал на ее основе свой впечатляющий интеллектуальный проект – минскую философско-методологическую школу.

Социокультурные реалии XXI в. существенно трансформируют традиционные приоритеты философско-методологического изучения. Все более востребованными становятся комплексные междисциплинарные исследования науки в контексте диалога и взаимодействия естественно-научных, социогуманитарных и технологических ее проекций. Наряду с различными историко-научными и концептуально-теоретическими реконструкциями развивающегося научного знания очевидную популярность получает тенденция разработки таких философско-методологических проектов, в которых акцентируются социально-практические и гуманитарно-образовательные цели и задачи. Философия начинает осваивать реальности постиндустриальной цивилизации и характерные для нее феномены постакадемической науки и трансдисциплинарности. Представители минской философско-методологической школы также достаточно оперативно среагировали на данную тенденцию, и в их научных исследованиях, а также в академической деятельности обозначенные тренды нашли осязаемое воплощение и творческую реализацию. Но этот новейший этап в деятельности названной школы – тема специальной статьи и даже, возможно, системного исследования монографического типа. Некоторые аспекты данного этапа, его вызовы и испытания, а также достигнутые результаты кратко рассмотрены в ряде публикаций одного из авторов данной статьи¹⁶.

Заключение

В. С. Стёпин считал, что у каждого поколения есть собственный опыт и свои проблемы. Молодым людям, поступающим сейчас в университеты, предстоит жить и работать в середине XXI в. Если учесть

сложность сегодняшней эпохи ускоряющихся социальных перемен, трудно предвидеть конкретные жизненные проблемы, которые придется решать молодежи. Но можно утверждать, что глубокие

¹⁵Зеленков А. И. Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры / ред. А. И. Зеленков. Минск : БГУ, 1994. 278 с. ; Зеленков А. И., Кузнецова Л. Ф., Яскевич Я. С. Перспективы научного разума и методологический дискурс. Минск : Респ. ин-т высш. шк. БГУ, 2000. 216 с.

¹⁶Зеленков А. И. Минская методологическая школа // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М. : Канон+, 2009. С. 512–515.

социальные перемены неизбежно будут ставить вопросы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности, однако они уже являются предметом философского анализа, который, в свою очередь, предполагает системное мышление. Оно не возникает само по себе в обыденном сознании, а формируется в процессе обучения, причем такого обучения, которое организовано особым образом, основано на исследовании фундаментальных наук. Сегодня поиск новых и перспективных путей образования и воспитания становится фактором сохранения и развития человеческой цивилизации в условиях растущих угроз разрушения фундаментальных основ жизни и культуры.

Эпоху перемен, в которой В. С. Стёпин жил и работал, сам мыслитель называл звездным часом для философии. За ней он видел приоритет в прогнозировании и программировании будущего. Именно философия, как он считал, должна отыскать выход из кризисов, определить новые стратегии, ценности и мировоззренческие идеи. Только в этом случае она становится востребованной практически. Одна из главных задач философии состоит в том, чтобы найти точки роста новых ценностей в кризисной технологической цивилизации, выявить мировоззренческие основания и общие тенденции эволюции человека и современного цивилизационного развития.

*А. Н. Данилов*¹⁷, *А. И. Зеленков*¹⁸, *А. В. Рубанов*¹⁹

¹⁷ *Александр Николаевич Данилов* – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

¹⁸ *Анатолий Изотович Зеленков* – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: zelenkov-antl@yandex.by

¹⁹ *Анатолий Владимирович Рубанов* – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DESPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(082)

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. участников XXX Респ. конкурса науч. работ студентов / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.), Е. И. Климушко]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 156 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309832>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.02.2024, № 002526022024.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ XXX Республиканского конкурса научных работ студентов 2023–2024 гг.

УДК 101.1:316(06) + 1(430)(091)

Философское наследие Иммануила Канта и актуальные проблемы современности [Электронный ресурс] : сб. материалов XVIII Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 18 апр. 2024 г.) / БГУ; [редкол.: А. С. Лаптёнок (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 326 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311464>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.04.2024, № 007422042024.

Представлены научные статьи и материалы докладов участников XVIII Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который состоялся 18 апреля 2024 г. на факультете философии и социальных наук БГУ.

Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

УДК 1(091)(075.8)

Лещинская И. И. Философия Нового времени [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0223-01 «Философия» / И. И. Лещинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 108 с. : схемы. Библиогр.: с. 103–108. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311737>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.04.2024, № 008030042024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Философия Нового времени» предназначен для студентов специальности 6-05-0223-01 «Философия». В ЭУМК содержатся учебно-методические материалы: краткий конспект лекций, логико-визуальные схемы, глоссарий, тестовые задания, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам факультета философии и социальных наук, а также всем, интересующимся философией.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
<i>Румянцева Т. Г.</i> Философия И. Канта в контексте современности: к 300-летию со дня рождения...	6
<i>Легчилин А. А.</i> Рецепция идей И. Канта в контексте минского интеллектуального пространства (вторая половина XIX в.)	12
<i>Климович А. И.</i> Полоцкая неосхоластика vs И. Кант	20
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Лецинская И. И.</i> Концептуально-методологическое значение теории идолов Бэкона: современные проекции	28
<i>Рубанов А. В.</i> Мудрость Ф. Ларошфуко в книге «Максимы и моральные размышления»	37
СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Реут Е. В., Шкурова Е. В.</i> Особенности приверженности различным формам магических представлений (на основе апробации авторской методики исследования)	47
<i>Чжао Юаньлун, Филинская Л. В.</i> Анализ методологических предпосылок изучения жизненного пути: проблема субъектности выбора	60
<i>Курбачёва О. В.</i> Метаморфозы этнокультурной идентичности в современной городской среде ...	67
<i>Салтанович И. П.</i> Изучение культуры цифрового общества: традиции и новые подходы	74
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Степанова Л. Г., Савицкая А. В.</i> Субъективные представления о воспитательных установках отца у девушек-подростков с различной степенью созависимости	81
<i>Клышевич Н. Ю., Вербицкая О. Н.</i> Алекситимический профиль как предиктор резилентности личности периода средней зрелости	92
ПЕРСОНАЛИИ	
<i>Данилов А. Н., Зеленков А. И., Рубанов А. В.</i> Эпоха перемен в философии В. С. Стёпина	104
Аннотации депонированных в БГУ работ	113

CONTENTS

Editorial	4
SPECIAL TOPIC SECTION	
<i>Rumyantseva T. G.</i> Kant's philosophy in the context of modernity: on the 300 th anniversary of birth	6
<i>Liahchylin A. A.</i> Reception of I. Kant's ideas in the context of Minsk intellectual space (second half of the 19 th century).....	12
<i>Klimovich A. I.</i> Polotsk neo-scholasticism vs I. Kant	20
HISTORY OF PHILOSOPHY	
<i>Liashchynskaya I. I.</i> Conceptual and methodological significance of Bacon's theory of idols: modern projections	28
<i>Rubanau A. V.</i> The wisdom of F. La Rochefoucauld's in the book «Maxims and moral reflections»	37
SOCIAL RESEARCHES	
<i>Reut L. V., Shkurova A. V.</i> Features of adherence to various forms of magical ideas (based on approving of the author's research methodology).....	47
<i>Zhao Yuanlong, Filinskaya L. V.</i> Analysis of methodological presuppositions for life course studying: the problem of choice subjectivity	60
<i>Kurbacheva O. V.</i> Metamorphoses of ethnocultural identity in the modern urban environment	67
<i>Saltanovich I. P.</i> Studying the culture of digital society: traditions and new approaches	74
PSYCHOLOGICAL RESEARCHES	
<i>Stepanova L. G., Savitskaya A. V.</i> Subjective perceptions of father's educational attitudes among adolescent girls with different degrees of codependency	81
<i>Klyshevich N. Yu., Verbitskaya O. N.</i> Alexithymic profile as a predictor of personality resilience in middle adulthood	92
PERSONALIA	
<i>Danilov A. N., Zelenkov A. I., Rubanau A. V.</i> Epoch of change in the philosophy of V. S. Stepin	104
Indicative abstracts of the papers desposited in BSU	113

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *М. А. Жура*
Технический редактор *Н. Ю. Окунеvec*
Корректоры *М. Д. Баранова, С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 31.05.2024.

Тираж 55 экз. Заказ 556.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *M. A. Zhuro*
Technical editor *N. Yu. Okunevets*
Proofreaders *M. D. Baranova, S. R. Pinchuk*

Signed print 31.05.2024.

Edition 55 copies. Order number 556.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024